Я. Н. ГОРБОВ

ВСѢ ОТНОШЕНІЯ

РОМАН

ПАРИЖ
1964

ВСѢ ОТНОШЕНІЯ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

по-французски

Les Chemins de l'Enfer. Nouvelles. Editions Lardanchet. 1947.

Les Condamnés. Roman. Editions Pierre Horay. 1954. (*Prix des* 4 *Jurys* 1955).

Le Second Avènement. Roman. Editions Pierre Horay. 1955.

Madame Sophie. Roman. Editions Pierre Horay. 1956.

Ne parlons plus du passé. Editions Emmanuel Vitte. 1957.

Разсказы *Les Kabas, La Chance de Monsieur Screcker, Les Platanes de l'oncle, Une favorite platonique,* были помѣщены в «Confluences», «Nouvelles Littéraires», «Les Quatre Dauphins», «Œuvres Libres».

по-русски.

Второе Пришествіе, роман. "Возрожденіе", 1960.

Разсказы: *Скверна, Плавающіе и путешествующіе, Раскаяніе, Умершія минуты, Майским утром, Василій и Аннушка, Ева Алядова,* — "Возрожденіе", 1956-1962.

Всѣ отношенія появились в "Возрожденіи" в 1963-1964 г.г.

Готовится к печати *Assunta-Reine,* roman.

Я. Н. ГОРБОВ

ВСѢ ОТНОШЕНІЯ

РОМАН

EDITIONS DE FLORE
22bis, passage Dauphine
P A R I S (6e)

Когда нечистый дух выйдет из человѣка; то ходит по безводным мѣстам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел; и пришедши, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет, и берет с собой семь других духов, злѣйших себя, и вошедши, живут там; и бывает для человѣка того послѣднее хуже перваго.

От Матфея, 12.43-45.

1.

Я был счастлив и стал несчастным, я был богатым и стал бѣднымъ, у меня была семья и теперь я одинок. Но быть несчастным лучше, чѣм быть счастливым, доля бѣдняка завиднѣй доли богача, а одиночество — это высшая свобода. К тому же все сложилось так просто, так естественно, что само собой вытекает нѣкоторое добавленіе: я был молод, и теперь самая вѣрная из подруг, хранительница накопленных сокровищ: несчастья, бѣдности и одиночества, — старость, уже не за горами. С улыбкой жду ея объятій.

Я встрѣчал Мари — мою будущую жену — каждое утро в автобусѣ, в числѣ всегда тѣх же пассажиров. Она входила на остановкѣ, слѣдовавшей за моей, и часто садилась рядом со мной, или напротив. По вечерам я ея не видѣл, часы возвращенія с работы у нас были разные. Мы замѣтили друг друга задолго до того, как заговорили. В глазах Мари было что-то, что сразу притянуло мое вниманіе, но держала она их почти все время опущенными. Теперь-то я знаю, что она боялась их слишком большой выразительности. Только до этого прошло много времени! А в самом началѣ, когда случайно наши взгляды скрещивались, я всегда себя спрашивал: почему такая скромность, почему такой испуг? Чему приписать поспѣшность, с которой она прячет робкій, едва успѣвшій мелькнуть луч?

Повод для перваго разговора был из банальных банальный: Мари забыла дома кошелек, не могла уплатить за билет и казалась несоразмѣрно этим разстроенной. Я предложил свои услуги, пояснив, что встрѣчаю ее ежедневно и что это не то, что дает мнѣ права, но дѣлает мое вмѣшательство допустимым. Два слова благодарности позволили мнѣ услыхать ея голос: он был тих и очень музыкален. В чем точно заключалось соотвѣтствіе между этим тихим голосом и почти всегда потупленным взглядом, я опредѣлить не берусь. Одно другое дополняло, и было в этом сочетаніи что-то очень нѣжное.

В эту пору в моей судьбѣ произошли существенныя перемѣны.

И тут, — чтобы все было ясно, — мнѣ приходится слегка коснуться моей біографіи, сказать кто я. Моя родина — берега большого, холоднаго озера, окруженнаго горами и лѣсами; но родители мои не были коренными жителями этих мѣст. Отец, инженер-строитель, поселился там из-за того, что получил должность. Потом началась револю-

ція, смута, бѣгство заграницу, гдѣ и отец, и мать вскорѣ, одна за другим, умерли от злокачественнаго гриппа. Я был еще мальчиком. Дальній родственник, котораго я никогда не видѣл, и который жил за океаном, принял во мнѣ участіе: он поручил наблюденіе за мной своим знакомым, присылал деньги; меня устроили в пансіон, я кончил лицей. Моя память, мои способности, мои отличные успѣхи побудили дальняго родственника продлить участіе и помочь мнѣ кончить одно из больших высших училищ. Тогда он меня рекомендовал своему знакомому финансисту, и тот устроил меня на электротехническій завод, гдѣ я сразу прочно стал на ноги. Оставался я там лѣт шесть или семь, до тѣх пор пока мнѣ не представился случай пойти по совсѣм другой дорогѣ. На перемѣну я рѣшился легко, так как на заводѣ, несмотря на удачу, я был анонимным инженером, в нѣкотором родѣ номером. Тут же мнѣ в руки шла независимость. Началось с того, что меня послали на фабрику шоколадных конфект, гдѣ мѣняли оборудованіе, для осмотра и составленія смѣты.

Владѣлец и основатель фабрики был стар и болен. Но хотя силы его быстро падали, он не рѣшался уйти на покой: фабрика была его дѣтищем, замѣняла ему семью, заполняла всѣ его помыслы, придавала смысл его существованію. Прекращеніе этой дѣятельности было бы для него чѣм-то вродѣ смертнаго приговора. Прочтя в каком-то техническом журналѣ о новых изобрѣтеніях и усовершенствованіях, он написал директору моего завода, и меня командировали в качествѣ эксперта. Когда же я составил план, то мнѣ было поручено наблюденіе за работами. В моем лицѣ старик нашел компетентнаго и дѣятельнаго сотрудника, но силы его все падали; он предложил мнѣ мѣсто директора и я немедленно согласился. А еще нѣсколько позже он совсѣм расхворался и поручил мнѣ все веденіе дѣла. Я вложил в это всю свою энергію. Мнѣ сразу же пришлось подумать о подысканіи секретарши, так как прежней я не пришелся по душѣ, и она стала саботировать мои усилія. Какое именно первоначальное побужденіе заставило меня подумать о Мари — сказать не берусь. С тѣх пор, как я перемѣнил работу — я ея больше не встрѣчал. Как бы там ни было, я нарочно пошел на ту автобусную остановку, гдѣ она обычно садилась, для чего мнѣ пришлось уклониться от моего новаго маршрута. В нужный час мы всѣ трое: Мари, я и автобус оказались в нужном мѣстѣ.

— Простите, — сказал я, — но я хочу с вами поговорить.

Взгляд ея мнѣ показался совсѣм испуганным. Его тотчас же спрятали длинныя рѣсницы, которыя я, тогда, в первый раз хорошенько разсмотрѣл. Таких я больше никогда, и ни у кого, не видѣл. Чтобы ее обнадежить я прибавил:

— Мой повод чисто дѣловой. Только от этого я и рѣшаюсь...

— Я спѣшу на службу, — отвѣтила она, берясь за поручни.

Движенія ея руки, напрягшіеся мускулы икры, легкій поворот головы, слегка вздрогнувшее плечо, — все это было так граціозно, что я себя упрекнул в том, что раньше этого не замѣчал. Точно глаза мои

открылись! Войдя вслѣд за ней, сѣв рядом с ней, как то бывало, когда мы были попутчиками, я повторил свои доводы.

Послѣдовало молчаніе.

— Я не знаю вашей спеціальности, — сказал я тогда, — но мнѣ пришло в голову, что вы могли бы быть моей секретаршей.

— Я уже на службѣ, — отвѣтила она.

— Службу можно перемѣнить. Скажите ваши условія, я вперед их принимаю.

— Не знаю, — промолвила она, — я довольна своей работой.

И когда я почти уже был готов отказаться от затѣи, когда вдруг, с привычной силой, подступили со всѣх сторон дѣловыя соображенія, расчеты сроков, мысли о предстоящих свиданіях, телефонах, письмах, — когда самое мое предложеніе ей вдруг показалось мнѣ легкомысленным, — я услыхал:

— Я не могу сразу сказать. Надо встрѣтиться, надо чтобы ни вы, ни я не спѣшили...

И сокровенный смысл этого отвѣта, и музыкальность голоса и, — больше всего прочаго, — впервые остановившійся на мнѣ немного дольше взгляд, точно бы вдруг поборовшій обычную застѣнчивость, и, может быть даже, подобіе улыбки, все это в сущности уже было согласіем.

— Сегодня вечером, если вы позволите? — проговорил я.

Она дала адрес конторы, гдѣ работала, и сказала, в котором часу выходит.

2.

Когда, вечером, я уже собирался покинуть фабрику, в одной из мастерских произошло короткое замыканіе, вызвавшее начало пожара, и это задержало меня на добрый час. Ѣхать на свиданіе с Мари было поздно. Я подосадовал и рѣшился все заново начать на другой день. Но ни на другой, ни в слѣдующіе дни Мари на остановкѣ автобуса не было.

Дѣла, между тѣм, не терпѣли отлагательства; — у меня, буквально, все время было расписано: посѣтители, телефоны, разъѣзды, засѣданія... Необходимость имѣть под рукой стенографистку становилась срочной, я обратился в бюро по найму персонала, и через нѣсколько часов появилась нарядная и надушенная дѣвица, представившая хорошія рекомендаціи и отлично сдѣлавшая запись двух, продиктованных для пробы, писем. Я тотчас же ее принял, и она, легко, начала разбираться в расположеніи папок, в картотеках и перепискѣ. Однако, совѣсть моя в отношеніи Мари осталась не совсѣм безупречной. Я старался о ней не думать, но готовность новой секретарши выполнять мои распоряженія, ея голос, отчасти запах ея пудры мнѣ напоминали о Мари чаще, чѣм слѣдовало. Как раз в эти дни в состояніи здоровья

владѣльца наступило новое ухудшеніе. Не только он больше не появлялся, но мнѣ приходилось ежедневно послѣ закрытія мастерских и конторы ѣздить к нему на дом для докладов и совѣщаній. Конечно, это очень способствовало росту его довѣрія. Дѣло я теперь вел почти самостоятельно — он всегда на всѣ мои предложенія соглашался. А так как он любил свое "дѣтище", то и вышло, что его благодарность стала пріобрѣтать характер сердечности.

Недѣли через двѣ я выбрал, наконец, удобную минуту и явился на знакомую мнѣ остановку. Мари была там. Подсѣв, я начал с извиненій. По существу же все устроилось очень легко и просто: я узнал, что она не стенографистка, и что работает на оптовом складѣ фаянсовой посуды, гдѣ завѣдует пріемкой, и что не была на остановкѣ в тѣ нѣсколько дней, когда я ее ждал, из-за того, что слегка хворала; еле замѣтная нотка упрека проскользнула в суховатом "это ничего", послѣдовавшем за моей попыткой объяснить отсутствіе в условленный час при выходѣ из конторы. Но за упреком, как мнѣ показалось, было скрыто и огорченіе, что мнѣ доставило род удовлетворенія. Я пристальнѣй посмотрѣл на ея, прикрытые длинными и темными рѣсницами, глаза. Почувствовав, вѣроятно, тяжесть моего взгляда, она медленно подняла вѣки, и из под них в мою сторону блеснул недолгій. дрожащій луч.

— Окажите мнѣ честь со мной поужинать? — проговорил я.

— Хорошо, — послѣдовал отвѣт.

— Хотите завтра?

— А вы увѣрены, что вам ничего не помѣшает? — спросила она, с долей ироніи.

— Увѣрен.

— Тогда завтра.

Это завтра сложилось из ряда особо замысловатых, и требовавших вниманія, разговоров с посѣтителями, и осложнилось доставкой новых упаковочных аппаратов, пріемкой которых надо было заняться. Мое намѣреніе покинуть фабрику нѣсколько раньше дѣлалось неосуществимым. Ироническая интонація Мари, спросившей меня, не помѣшают ли мнѣ дѣла быть точным, и увѣренный мой отвѣт, звучали у меня в ушах пренепріятно. Я принял тогда рѣшеніе послать секретаршу, поручив ей дождаться Мари при выходѣ со склада и привезти на фабрику. Но я не знал тогда даже того, что ее зовут Мари! Мнѣ пришлось прибѣгнуть к старательному описанію наружности Мари, ея одежды, ея волос, черт ея лица, всѣх, какія припомнил, характерных примѣт. Секретарша насилу сдерживала улыбку. Когда она уѣхала, я стал наблюдать за откупоркой ящиков, свѣрил их содержимое с указаніями накладных, отмѣтил в одном из сложных аппаратов небольшую аварію... Телефон звонил нѣсколько раз, но, по моему распоряженію, стандардистка отвѣчала, что меня нѣт. Однако, на один из звонков она так отвѣтить не рѣшилась: состоявшая при старикѣ-владѣльцѣ сестра милосердія сообщала, что он просит его навѣстить

непремѣнно и пораньше. Я ее завѣрил, что пріѣду как только кончу пріемку.

— Не опаздывайте, — сказала сестра, — в его возрастѣ перебои в сердцѣ опасны.

Я испытывал двойную тревогу, спрашивая себя, справится ли еще на этот раз сердце стараго владѣльца, и узнает ли секретарша Мари? В шесть, персонал разошелся, за исключеніем старшаго мастера, с которым мнѣ пришлось задержаться на четверть часа. Я ждал возвращенія секретарши с минуты на минуту...

В половину седьмого никого не было.

Я нацарапал тогда записочку, предназначенную секретаршѣ, объясняя, что должен срочно ѣхать к владѣльцу и прося привезти туда же Мари, дал ее сторожу и вышел, твердо рѣшив больше не медлить. Только я сдѣлал нѣсколько шагов по тротуару, как подъѣхало такси с Мари и секретаршей.

— Скорѣй, скорѣй, — сказал я, занимая мѣсто, — мнѣ только-что телефонировали, что владѣльцу худо.

Мари, испуганно, молчала. Я отпустил секретаршу и дал адрес шоферу.

— Что это все значит? — спросила Мари, минуту спустя, тихо, но твердо.

— Очень сложно, — мрачно пробормотал я.

Я всегда собой отлично владѣю, я всегда спокоен, разсудителен, почти педантичен. Но в эту минуту мнѣ казалось, что мной кто-то, или что-то руководит и требует от меня подчиненія.

— Почему вы не пріѣхали меня встрѣтить? — спросила Мари, все так же тихо, и так же твердо.

— Мнѣ помѣшали неотложныя дѣла.

— Признаюсь, — продолжала Мари, — что допрос, которому меня подвергла ваша секретарша, мнѣ был очень непріятен.

— У нея не было другого средства вас опознать. Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, она сразу обратилась именно к вам?

— Сразу ко мнѣ. Но куда вы меня теперь везете?

— К владѣльцу фабрики; он стар и очень болен. Меня к нему вызвали в половину пятаго. Но я непремѣнно хотѣл вас дождаться.

Она меня оглянула и произнесла:

— А почему вы хотите, чтобы я с вами ѣхала к этому господину, котораго я даже не знаю? И еще вы говорите, что он совсѣм больной. Как только мы подъѣдем, я вас покину.

— Я вас прошу войти со мной. Иначе когда и гдѣ я вас снова встрѣчу? Еще раз все отложится, это слишком много раз.

Мари долго молчала.

— Хорошо, — прошептала она, наконец.

Послѣ этого мы не обмѣнялись больше ни одним словом. Когда такси остановилось, я выскочил и, через двѣ ступеньки, вбѣжал на

второй этаж. Дверь мнѣ открыла сестра милосердія. Старушка-экономка стояла в глубинѣ передней.

— Он вас ждет, — сказала сестра. — Напрасно вы так опоздали, вышло лишнее волненіе. С его сердцем это не годится.

— Вы вызвали доктора?

— Конечно, он должен притти с минуты на минуту.

Когда она это говорила, в дверях появилась Мари.

— Моя невѣста, — сказал я.

Что во мнѣ шевельнулось, какому я, внезапному, подчинился побужденію, — я не знаю. И так никогда, сколько я об этом ни думал, никакого объясненія этому своему порыву найти не смог.

И сестра, и старушка-гувернантка казались удивленными.

Что до Мари, то, вскинув рѣсницы, она молча и настойчиво посмотрѣла мнѣ в глаза. Молчаніе ея я принял как должное.

— Простите мою безцеремонность, — отнесся я тогда к сестрѣ, — но я не мог оставить мою невѣсту на улицѣ.

— Ах да, конечно, — промолвила та. — Я понимаю. Входите.

Мари переступила через порог.

— Простите и меня, — произнесла она, здороваясь с обѣими женщинами, — но я не могла его оставить одного. Мое присутствіе ему в помощь. Не правда ли?

— Правда, — подтвердил я.

— Идите за мной, — сказала сестра. — Оба? Или вы один?

— Если у него довольно сил, я ему ее представлю. А если нѣт, она тихонько выйдет.

Мы проникли тогда в полуосвѣщенную комнату. Старик лежал, откинувшись на подушки и дышал, казалось, с трудом. Глаза его были закрыты, руки протянуты по простынѣ. В комнатѣ было жарко, даже душно, и пахло лѣкарствами. Искоса я взглянул на Мари. Приложив ладонь к груди, точно ощупывая свое собственное сердце, она смотрѣла на больного почти со страхом. Рот ея был слегка пріоткрыт, и, спустя нѣсколько мгновеній, она чуть прикусила нижнюю губу. Я замѣтил, что у нея очень ровные, очень бѣлые зубы. Сестра приблизилась к кровати.

— Директор тут, — проговорила она ровным голосом.

Больной повел глазами и увидал меня, потом Мари.

— Друг мой, — произнес он, — я вас жду уже долго. Мнѣ надо вам кое-что сказать.

Он вздохнул, сначала тихо, потом порывисто.

— Я очень утомлен, — прибавил он, — и не увѣрен, что на этот раз все обойдется. Поэтому я вас и вызвал.

Я что-то пробормотал о неотложной работѣ, не позволившей мнѣ пріѣхать тотчас же.

— Кто это? — спросил больной, переведя взгляд на Мари.

— Моя невѣста.

Мари не произнесла ни слова. Она точно застыла.

— Подойдите ко мнѣ, дитя мое, — прошептал тогда старик, и тотчас же Мари шагнула к кровати. — Вы очень его любите?

— Очень, — отвѣтила она.

Что другое могла она сказать? Не могла же она противорѣчить тяжело больному, может быть умирающему? Так, по крайней мѣрѣ, я себѣ объяснил это "очень".

— Тогда все хорошо, — произнес старик. — Я его тоже очень полюбил, хотя не так давно его знаю. Он так же хорошо занимается моей фабрикой, как я сам ею занимался, когда мог. Может быть даже лучше...

— Не говорите слишком много, — вмѣшалась сестра. — Вам нельзя.

В это мгновеніе раздался звонок.

— Это доктор, — произнесла сестра и вышла, чтобы открыть.

— Так вот, — заговорил старик, явно пользуясь удобной минутой, — я вас срочно вызвал, и спѣшил с вызовом, чтобы сказать вам, что вы мой единственный наслѣдник. Сегодня у меня был нотаріус и я ему продиктовал завѣщаніе.

— Что? — спросил я, не поняв.

— Вы мой единственный наслѣдник, — прошептал он. — Нотаріус меня очень утомил...

Он стал судорожно дышать. Сестра и доктор вошли и послѣдній тотчас же пощупал пульс.

— Пусть всѣ выйдут, — сказал он. — Укол. Скорѣй.

Сестра бросилась к столику, стала надпиливать ампулку. В сосѣдней комнатѣ, куда мы проникли, я увидал испуганное лицо старушки-экономки. Я не знал что сказать, не знал что дѣлать. Я был точно у подножья скалы, подняться на которую очевидно нельзя: стоишь перед ней, смотришь на нее, и не знаешь, что дѣлать, о чем думать?

Прошло нѣсколько минут, наполненных до невозможности тягостным молчаніем. Наконец дверь отворилась и появился доктор. Он сказал что припадок миновал благополучно, но что для вѣрности он задержится еще на четверть часа.

— Больше его не тревожьте, — распорядился он, — ваш визит уже не пошел ему на пользу.

— Так это он меня вызвал.

— Он ли вас вызвал, сами ли вы пришли, — отрѣзал доктор, — значенія не имѣет. Если мои указанія не будут выполнены, я ни за что не ручаюсь.

— Послѣ завтрака, — вмѣшалась старушка-экономка, — приходил нотаріус, и пробыл довольно долго. Это он его утомил, а не директор. Директор пріѣзжает каждый вечер.

— Не спорю, но подтверждаю, что нужен абсолютный покой.

Сдѣлав неопредѣленный жест рукой, он вернулся в спальню. Я посмотрѣл на Мари и замѣтил, что из-под всегда опущенных ея рѣсниц скатились слезинки.

— Зачѣм, зачѣм все так было? — прошептала она. — Зачѣм вы сказали?..

— Теперь ѣдем обѣдать, — оборвал я ее, почти рѣзко.

3.

В автомобилѣ, который вез нас в ресторан, я не то, что обдумывал сложившееся положеніе, а как бы искал, какой внутренней стороной мнѣ обратиться к Мари? Конечно она мнѣ нравилась, в этом не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Но было ли этого достаточно для того, чтобы рѣшиться посвятить ей всю жизнь, или, по меньшей мѣрѣ, продвинуться с ней по тому пути, который приводит к совмѣстной жизни? Как будто для этого нужна любовь. С другой стороны мной только что были сказаны и подтверждены, да еще в нѣсколько торжественную минуту, обязывающія, связывающія слова, такія, от которых нельзя отказаться без ущерба, без стыда, без упрека самому себѣ, без нарушенія требованій чести. Могли, конечно, в Мари таиться свойства, нужныя для возникновенія настоящей любви и счастья. Но как это разгадать? А ничего не зная о ней, жениться только для того, чтобы остаться вѣрным случайному восклицанію, — не легкомысліе ли это в послѣднем счетѣ?

Входя в ресторан, Мари, по своему обыкновенію, смотрѣла себѣ под ноги. Когда к ней подбѣжал шассер, чтобы помочь скинуть пальто, она взглянула на меня смиренно и почти жалко улыбнулась. Что было в этой улыбкѣ? Просьба о прощеніи? Готовность стать рабой, никогда ничего не требовать? Я еще раз подумал, что если я подчинюсь магической силѣ сказаннаго мной слова, то и для нея это может стать источником мученія, и я сам, даже стараясь все всегда к лучшему устроить, только буду ее терзать. Мы выбрали столик, сѣли. Я спросил Мари об ея предпочтеніях, но она так на все заранѣе была согласна, что я составил меню сам. Невесело начинался мой обѣд с этой барышней, обѣд, к которому я так стремился. Колеблясь, не зная, как приступить к разговору, досадуя на себя за это, несвойственное мнѣ, колебаніе, за неумѣніе разобраться в путаницѣ намѣреній и побужденій, — я, со злобностью, допустил мысль, что Мари может быть просто интриганка, что у нея одна цѣль: непремѣнно и поскорѣй выйти замуж, и что, узнав случайно, что я стану богатым, она, в моем отношеніи, будет особенно предпріимчивой. Я посмотрѣл на нее с враждой и спросил, рѣзко:

— О чем вы думаете?

— О вас, — отвѣтила она. — О том, что вы теперь навѣрно раскаиваетесь, что назвали меня невѣстой. При других обстоятельствах это могло сойти за глупую шутку, но в этой обстановкѣ... Зачѣм вы это сказали?

— Это было первым пришедшим мнѣ в голову предлогом для

того, чтобы объяснить ваше присутствіе, ваше, в нѣкотором смыслѣ, вторженіе.

— Я сама это поняла именно так, — отвѣтила она, — а теперь я чувствую, что у меня что-то в душѣ надломлено.

И так как я промолчал, то она прибавила:

— Не надо опровергать, пока он жив. Для него вытекло бы лишнее волненіе. Когда его не будет, все очень просто устроится, так как выйти за вас замуж я все равно не могу.

— Не можете выйти за меня замуж? — спросил я, и от одного того, что я произнес эти слова, мнѣ стало не по себѣ, почти тревожно. Не дѣлал ли я, в это мгновеніе, еще шаг по той дорогѣ, с которой только что хотѣл свернуть?

— Не могу. Не знаю, как вам сказать. Не могу, потому-что у меня есть прошлое...

Это признаніе до такой степени противорѣчило всему ея цѣломудренному облику, всей ея скромности, ея всегда потупленному взгляду, что я спросил себя, не клевещет ли она на себя, не прибѣгла ли к хитрости, чтобы облегчить мнѣ отступленіе? Но тут же, слѣдом, как бы вплотную, послѣдовало опроверженіе. Впервые, с тѣх пор, как мы сѣли за стол, она подняла на меня свои глаза. Она мнѣ их дала: на, мол, читай в них. И когда она их отвела, когда снова опустились длинныя рѣсницы, я сам попросил: "еще, еще". И она вторично дала их мнѣ, и так кротко, так цѣликом, так покорно, что никакого не могло остаться сомнѣнія: Мари просила меня не осудить ее за прошлое и разрѣшала взять обратно опрометчиво данное слово.

Промелькнули тогда, перед моим умственным взором, один за другой цѣплявшіеся образы. Связывавшую их зависимость я не различал, и для того, чтобы найти объясненіе, спросил себя: не пріостановилось ли на секунду время? Дѣйствительно вѣдь разница между моими обычными заботами об установкѣ аппаратов, счетоводствѣ, о наймѣ персонала, о новой формѣ упаковки шоколадных плиток и тѣм, что произошло сначала у постели почти умирающаго старика и потом здѣсь, в ресторанѣ, была так неожиданна, что я точно бы заглядывал в другой, доселѣ от меня скрытый мір.

— Это не имѣет никакого значенія, кто в наше время про это думает, кто с этим считается? — произнес я, удивляясь и словам своим, и тону моего голоса: надо было найти другое опредѣленіе, и надо было говорить не с дѣловыми, точными удареніями. — Я сам не безгрѣшен. Я был студентом, и когда был студентом, у меня были приключенія. Были и послѣ... Так что как же мнѣ вас упрекнуть в чем бы то ни было? Мы на равной ногѣ.

— Молодым людям позволено гораздо больше чѣм дѣвушкам, — прошептала она. — Мнѣ и в голову не пришло бы упрекнуть вас за ваши связи. Даже если онѣ были многочисленны. Но не сказать вам, что я не дѣвушка, а женщина, я не могла. Так лучше, так яснѣй, так проще. И вам легче будет рѣшить: надо или не надо.

— Что надо или не надо?

В умоляющих глазах заблестѣла слезинка.

— Чтобы все продолжалось так, как началось там, у его постели, — прошептала она и закрыла лицо руками.

Я же думал: "Притворство это, или нѣт? Вѣдь не могла же она меня полюбить в эти нѣсколько минут? Ну а сам-то я? Не мог вѣдь и я. Так почему же я не встаю, не прощаюсь, не ухожу?"

— Вот закуски, — почти пропѣл, с веселой вѣжливостью, метрдотель.

Улыбка его была болѣе чѣм радостной: она буквально цвѣла на его губах. Увидав в каком состояніи Мари, он, внезапно, с непостижимой легкостью, превратился в олицетворенную заботливость и освѣдомился, не "нездорова ли мадам, не хочет ли она чтобы горничная проводила ее в уборную?"

Мари отняла руки от глаз и, тихо улыбнувшись, сказала, что все прошло, что было только небольшое головокруженіе.

Но точно оживляемые своей собственной волей, или обладающіе независимой жизнью, вопросы продолжали вставать. "Почему, обязательно, нужно, — спрашивал я себя, — много времени, чтобы полюбить? Не может ли любовь, как электрическій ток, пронзить мгновенно? Кромѣ того, мы вѣдь уже встрѣчались в автобусѣ до того, как я перемѣнил службу, и еще тогда она мнѣ понравилась настолько, что я ея не только не забыл, но еще был искренно огорчен когда не смог притти на свиданіе. И теперь, когда я на нее смотрю, я вижу, что она мнѣ очень, очень нравится. Очень, очень. В ней такая чуткость, которой я никогда ни у кого не видѣл, и мнѣ так нужно, чтобы рядом со мной всегда была вот такая чуткость. И она тоже обо мнѣ помнила. Не проще ли сказать себѣ, что у нас взаимное притяженіе, которое, у постели умирающаго, вышло наружу, проявилось? Тайное стало явным, и прежде всего для нас самих..."

Посмотрѣв на нее я еще раз отмѣтил ея привлекательность, — чтобы не сказать красоту, — тонкость ея рук, каштановые волосы. Но больше всего, конечно, меня трогал ея взгляд, хотя он лишь изрѣдка выскальзывал из под рѣсниц.

— Разскажите мнѣ о себѣ, — сказал я, когда метрдотель отошел. — Я вѣдь о вас не знаю почти ничего, во всяком случаѣ гораздо меньше, чѣм вы обо мнѣ. Гдѣ вы живете? С родителями? С братьями, сестрами? Одна?

— Одна, в гостиницѣ. У меня есть отчим. Он тоже живет в гостиницѣ, но в другой. Ни сестер, ни братьев у меня нѣт, и моя мать умерла, когда я была дѣвочкой.

— А ваш отец?

— Я его не знала. Он умер почти сразу послѣ моего рожденія.

Помолчав, точно поколебавшись и приняв рѣшеніе, она добавила:

— Он покончил самоубійством.

— Покончил самоубійством? — переспросил я.

— Да, — подтвердила она, совсѣм тихо.

Я не знал, что сказать. Она же, как бы придя мнѣ на помощь, медленно проговорила:

— Все, что я знаю о моем отцѣ, мнѣ разсказал второй муж моей матери.

— И что же он вам разсказал?

— Что отец бросился с парохода ночью, в море. И была буря.

Я спросил ее тогда, чѣм занимался ея отец, предположив, что в профессіи его могли быть такія стороны, которыя иногда подталкивают к самоубійству: биржевая игра, напримѣр, или какая-нибудь должность, таящая в себѣ искушеніе растраты. Но оказалось, что ея отец был преподавателем исторіи в лицеѣ.

— А ваша мать?

— Она вышла вторым браком за Леонарда Аллота через год послѣ смерти отца и шесть лѣт спустя умерла от воспаленія легких.

— Вы значит мадемуазель Аллот?

Только сказав это, я понял, что говорю нелѣпость. Почему, в самом дѣлѣ, она могла бы носить фамилію второго мужа матери? Но впечатлѣніе, произведенное моим вопросом, выходило за предѣлы обычнаго. Мари точно съежилась, точно приготовилась к тому, чтобы принять удар.

— Да нѣт же, — воскликнула она, — мой отчим меня не удочерил, я ношу фамилію моего покойнаго отца. Меня зовут Мари-Анжель-Женевьев Шастору.

И так как послѣ этого я тоже назвался, то и вышло, что мы познакомились. В сущности в этом таился безпорядок, так как мы сначала оказались женихом и невѣстой, потом друг другу представились. Но этой обратной послѣдовательности я удивляюсь только теперь, когда все припоминаю. Тогда она меня не поразила. Тогда я слишком был под впечатлѣніем сцѣпленія обстоятельств, подчинявшихся каким-то непонятным правилам, очень отличным от моего обычнаго времяпрепровожденія, сплошь заполненнаго земными дѣлами.

— А что дѣлает ваш отчим? — спросил я.

— Аллот? Я не знаю, что он дѣлает. Я его почти никогда не вижу.

— Зато мы будем видаться часто, — сказал я, без всякой вопросительной интонаціи, и тотчас же подумал, что вѣдь для этого нужно ея согласіе. Я посмотрѣл на ея вѣки. Онѣ поднялись. "Да" отвѣтило мерцаніе зрачков. И голос подтвердил:

— Да, часто.

— Очень часто. Ежедневно. Но скажите мнѣ все-таки хоть приблизительно чѣм занят ваш отчим?

Мнѣ пришло в голову, что я мог бы в чем-нибудь ему помочь, и что Мари это будет пріятно.

— Что он теперь дѣлает, я не знаю, — отвѣтила она немного сухо, — я вам уже это сказала. Раньше у него было туристическое бюро, и над ним квартира, в которой мы жили. Он обо мнѣ заботился послѣ смерти матери и помог кончить лицей. Потом его дѣла пошли гораздо хуже и он продал свою контору. Но я уже раньше начала работать, так что для меня эта перемѣна прошла незамѣтно. Я уже жила одна. Мнѣ было восемнадцать лѣт.

— Но что он теперь дѣлает? — настаивал я.

— Я же вам говорю, что не знаю. Какими-то занимается дѣлами.

— Вы не думаете, что его могла бы устроить должность на моей фабрикѣ? — спросил я, наугад.

— Совсѣм не знаю, совершенно не знаю, — быстро отвѣтила она. И я даже рта не успѣл открыть, чтобы добавить, что мнѣ, как раз, нужен кто-нибудь для завѣдыванія отдѣлом отправок, как она добавила:

— Никакой спеціальности у него нѣт.

— Скажите, Мари-Анжель... — начал я.

— Не называйте меня Мари-Анжель, — оборвала она меня. — Просто Мари.

— Хорошо. Хотя мнѣ и нравится Анжель, но пусть будет по-вашему. Только все-таки, почему нельзя Анжель?

— Когда-нибудь я вам объясню. Но не сейчас. А как мнѣ вас называть?

— У вас выбора нѣт. У православных бывает одно имя.

Я задумался и, не желая, вѣроятно, меня безпокоить, Мари ничего не говорила. Так что наступило молчаніе, продлившееся довольно долго. Мысленно я воспроизводил пройденные этапы. Знакомство, попытки встрѣч, поѣздка к больному владѣльцу фабрики, его неожиданное, — хотя, в сущности, довольно понятное, — рѣшеніе насчет наслѣдства... Потом разговор с Мари. Ея признаніе о прошлом. Мое подозрѣніе — не интриганка ли она? Что-то очень неопредѣленное в ея разсказѣ об отчимѣ Аллотѣ, нѣкоторая тѣнь, — очень, правда, мимолетная, но все-таки тѣнь, — в связи с ея разсказом о самоубійствѣ отца... и вдруг я почувствовал в себѣ внезапное возникновеніе увѣренности: мы будем счастливы, у нас будут дѣти, мы будем богаты. И все показалось мнѣ закономѣрным. Случайнаго не было ничего, — развѣ что встрѣча в автобусѣ? Но мало ли происходит таких встрѣч?

— О чем вы думаете? — спросила меня Мари, но не с враждой, как я ее об этом же спросил когда мы сѣли за стол, а с заботой.

— О вас.

— Что вы обо мнѣ думали? — почти прошептала она.

— Что я буду с вами счастлив.

Еще раз всколыхнулись темныя рѣсницы, но до того, как онѣ снова спрятали взгляд, я успѣл прочесть в нем как раз то, чего хотѣл.

4.

Я прекратил разспросы. Теперь мнѣ было пріятно смотрѣть, как она кушает: с аппетитом, и воздавая должное отличной кухнѣ. Она мнѣ призналась, что ни образ жизни ея, ни средства не позволяют ей ходить в дорогіе рестораны, а приглашеній или нѣт, или они исходят от людей, с которыми пойти одной страшновато. К концу обѣда я протелефонировал сестрѣ милосердія и узнал, что все обстоит сравнительно благополучно: старик-владѣлец спал. Когда я подѣлился этим извѣстіем с Мари, в лицѣ ея вдруг промелькнуло что-то вродѣ тревоги, тѣнь какая-то по нему пробѣжала. Я насторожился: подозрѣніе в интригантствѣ, только что отброшенное, о себѣ чуть-чуть напомнило. Но оказалось совсѣм другое, оказалось противуположное. Мари подѣлилась со мной этим с подкупающей откровенностью, сознавшись, что ей немного страшно от присутствія у самаго начала наших отношеній болѣзни, может быть даже кончины. Я постарался ее успокоить, сказав, что вызвали меня не из-за опасности конца, а для того, чтобы сказать о перемѣнѣ в завѣщаніи, что старик может прожить еще долго, и что от пріема его у меня осталось скорѣй умиленное и растроганное впечатлѣніе. Что до доходов — то я получаю отличное жалованіе и, сверх того, заинтересован в ходѣ дѣла.

— Конечно, — добавил я, — когда оно станет моим, я буду по-настоящему богат. Но даже и теперь нам с избытком хватит.

Мы коснулись разных практических вопросов, обсудили, и с удовольствіем, и робко в одно и то же время, какую будем искать квартиру, в каком кварталѣ, из скольких комнат? Возможность мысленно управлять будущим была соблазнительна, но ни Мари, ни я не спѣшили: не была ли перед нами вся жизнь? К тому же, в тот вечер, мы еще недостаточно понимали значеніе во всѣх отношеніях существенной перемѣны, нас постигавшей. Нас как бы ограничивал круг непосредственнаго, близкаго, того, что только что наступило, что захлестнуло. И развѣ все было нами тогда друг другу сказано?

Но в такси, по дорогѣ к той улицѣ, гдѣ жила Мари, мы оба почувствовали, что законы природы на нас распространяются точно так же, как на других. Я был молод, полон сил, Мари — тоже. И по мѣрѣ того как текли минуты и объятія наши становились все болѣе тѣсными, я стал думать, не дать ли шоферу другой адрес, — адрес той студіи, в которой я тогда жил. Возможно, конечно, что влюбленный и опьяненный поцѣлуями и нѣжными словами, я слегка утратил контроль над памятью. А может быть мнѣ стало чуть досадно хоть в чем-нибудь ущербить очарованіе? Я назвал ее так мнѣ понравившимся сочетаніем имен: Мари-Анжель.

И тотчас же она отпрянула, оттолкнула меня, забилась в угол и стала нервно повторять:

— Я же просила, я же просила вас никогда не называть меня

Анжель, никогда не называть меня Анжель, никогда, никогда. И вы обѣщали. И как раз теперь назвали Анжель.

Не понимая в чем дѣло, я старался ее успокоить, брал ея руку, просил прощенія, завѣряя, что это не повторится. Но она продолжала отстраняться, стала плакать.

— Но почему же, почему это так важно? — допытывался я.

Сквозь слезы, она прошептала:

— Потому, что он называл меня Анжель...

Так она мнѣ сама дала в руки повод подумать, что то прошлое, о котором она мнѣ говорила, не совсѣм еще прошлое, что опередившій меня соперник не безслѣдно покинул ея сердце. Я выпустил ея руку, отодвинулся и — в который уже раз в этот вечер? — испытал колебаніе. Если так, если все с ней случилось так недавно, если все это еще так свѣжо, не лучше ли вырвать зло с корнем, пока не поздно, пока это может быть сравнительно легко? Уже зашевелились во мнѣ холодныя, презрительныя слова, тѣ самыя, которыя, в нѣсколько секунд, могли все безвозвратно погубить. И тут она снова ко мнѣ прижалась, положила мнѣ на плечо голову, обняла и нѣсколько раз повторила:

— Нѣт, нѣт, нѣт, это не то, что вы подумали, не то, что вы подумали. Я его никогда не любила. Я его ненавидѣла. И он меня называл Мари, а потом когда все случилось, стал называть Анжель. Даже мадам Анжель. И всегда улыбался, говоря мадам Анжель. Он меня мучил, он меня ужасно мучил...

Такси остановилось возлѣ ея гостиницы. О том, чтобы ее привлечь ко мнѣ в студію, я больше не думал. Я помог ей выйти, проводил ее до лѣстницы, поцѣловал ея руку...

5.

Наша свадьба состоялась через нѣсколько мѣсяцев.

За это время мы смогли лучше друг друга узнать. Я предложил Мари бросить работу и согласиться на мою поддержку, но она отказалась. Она предпочитала быть занятой, тѣм болѣе, что я — тоже был занят и до предѣлов возможнаго. Я всегда поздно покидал фабрику, послѣ чего часто ѣздил с докладом к старику-владѣльцу. Хотя врач и настаивал на покоѣ, он продолжал всѣм интересоваться и давал мнѣ, всегда очень полезные, совѣты. Досугов у нас с Мари не было. Поэтому мы только изрѣдка посѣщали театр, да предприняли нѣсколько воскресных экскурсій. Мы ежедневно завтракали совмѣстно, в ресторанѣ, расположенном на полпути от фабрики до ея склада. Мнѣ приходило в голову попросить ее пріѣхать в мою студію и быть там хозяйкой, но каждый раз я воздерживался. Не из осторожности, конечно, а подчиняясь нѣкоему, мной самим установленному правилу. И сколько я видѣл, Мари была в этом совершенно со мной согласна.

Два существеннѣйших обстоятельства отмѣтили эти мѣсяцы: знакомство с Аллотом и кончина владѣльца фабрики.

Насчет Аллота должен сказать, что у меня возникло к нему нерасположеніе с самаго начала, с самаго того вечера, как мы впервые обѣдали с Мари в ресторанѣ. Сама Мари своей непріязни к нему не скрывала. Несмотря на это, она сочла себя как бы обязанной мнѣ его представить — вѣрнѣй меня ему, так как он был старше. Почему так было — я не знаю. Допускаю даже мысль, что Мари выполнила его приказаніе, ему подчинилась.

Знакомство состоялось в ресторанѣ, за завтраком. Лил дождь. Из окна ресторана, куда я пріѣхал первым, мнѣ была видна часть улицы, вѣтви деревьев, дрожавшія под каплями, совершенно мокрый тротуар, по которому с поспѣшностью пробѣгали рѣдкіе прохожіе, под зонтиками. В подворотнях жались нахмуренные и нетерпѣливо ожидавшіе конца ливня мужчины и женщины. Вскорѣ пріѣхала Мари. Едва войдя она взглянула на меня вопросительно. Потом перевела глаза на кого-то другого, и в то же мгновеніе я услыхал, что за мной кто-то встает. Навстрѣчу Мари прошел невысокій господин, котораго я узнал, так сказать, даже его не видя, вѣрнѣй, видя только его спину. Мнѣ стало непріятно. Я поднялся и пошел к Мари, но Аллот достиг ее раньше. Он ее обнял. Послѣ этого он обернулся, и тогда я прежде всего замѣтил улыбочку. Позже я узнал, что улыбочка эта его не покидает никогда, даже если улыбаться рѣшительно нечему. За улыбкой послѣдовали глаза: не мигающіе, не мерцающіе, так сказать пустые, противорѣчившіе улыбочкѣ: серьезные, чуть-что не строгіе. За глазами походка: тѣ нѣсколько шагов, которые он сдѣлал, были мелки, поспѣшны и напоминали ход мышей. Наконец рукопожатіе: для начала прикосновеніе, которое он чуть продлил, чтобы обратить в сильное и продолжительное потрясываніе.

— Мой жених, мой отчим Леонард Аллот, — произнесла Мари.

— Очень, очень рад, — заговорил Аллот, — очень, очень пріятно. Я уже до того, как Мари нас познакомила, пока сидѣл за вашей спиной, думал, что вы ея жених. Не знаю почему, но мнѣ казалось, что это вы, я присматривался ко всѣм, а посѣтителей тут не так уж мало, но никто не привлек моего вниманія... хэ-хэ,.... когда вы вошли я вас не то что замѣтил, хэ-хэ, а как бы вас почувствовал, точно бы сразу познал, что это вы будете счастливым мужем Мари, моей падчерицы, мать которой я так любил... К сожалѣнію нам не дано было долго прожить совмѣстно, она скоро скончалась, лѣт через семь, или семь с половиной, послѣ нашей свадьбы. Мари на нее похожа. О да! Она очень на нее похожа. Но вы сами очаровательный. Оча-ро-ва-тель-ный! Оча-ро-ва-тель-ный! Я ожидал, что ея выбор будет превосходным, но дѣйствительность превосходит ожиданіе. Вы — просто прекрасная пара! Я так рад, так рад... простите старика за это изліяніе, простите, когда вы меня лучше узнаете, то вам оно станет понятным до самых малѣйших оттѣнков...

Он вынул платок и не то высморкался, не то протер глаза. Я, со своей стороны, нѣсколько выбитый из колеи, слегка смущенный, пробормотал, преодолѣв что-то вродѣ озноба:

— Я тоже очень рад, я тоже очень рад...

— Понимаю, понимаю, понимаю вашу стѣсненность, отлично ее понимаю, я сам был молодым, сам был влюблен, сам был женихом... Да, конечно, не совсѣм как вы, так как женился на матери Мари послѣ ея вдовства, но все-таки был женихом и знаю, что это нѣсколько стѣснительно. Не выходит ли, для жениха и невѣсты, что они дѣлают явным то, что было секретом? Что было очень интимно, что было только между ними? И надо это всѣм показать! Жениховство в сущности значит: мы больше наших намѣреній не скрываем. Не так ли? Может быть в это и можно ввести нѣкоторыя поправки, но в общем это так, я увѣрен, что это так. Хэ, хэ, хэ... Простите еще раз за изліяніе. Могу теперь же вам сказать, — прошу между нами, о! пока! для начала по секрету! — что я немного литератор. А литераторы, знаете ли, все иначе воспринимают чѣм не-литераторы, им во всяком стеченіи обстоятельств, даже проходящем, мерещится сюжет. Сю-жет! Да, да, сю-жет. Хэ-хэ! И мнѣ теперь как раз померещился ваш с Мари сюжет, хэ, хэ!.. ваш с Мари сюжет.

Недостававшее в моем перечнѣ звено — т. е. его голос — теперь было найдено: голос Аллота ни в чем не соотвѣтствовал ни его внѣшности, ни содержанію его тирад: он был мягок и пріятен.

— Сядем, — сказал я. — У нас не так много времени. И Мари, и я должны послѣ завтрака вернуться к своим обязанностям... Не правда ли, Мари?

— Конечно, — почти прошептала она, — конечно. Как каждый день.

— Счастливы тѣ, у кого каждый день есть опредѣленные часы присутствія, — заговорил Аллот. — Теперь у меня их нѣт, теперь я мечусь по всѣм направленіям в поисках дѣл и все так проблематично. Всѣ жалуются на застой...

— Я не жалуюсь, — прервал я его, — у меня не хватает времени со всѣм справиться. Спрос все возрастает и я помышляю о расширеніи.

— О расширеніи? Бывает, дѣйствительно, в жизни — очень это, по правдѣ сказать, бывает рѣдко, но все же бывает, что начинает не-хва-тать мѣ-ста. Буквально! Немного это можно сравнить с тѣм чувством, когда хочется расправить плечи, потянуться, а руки упираются в слишком близкія стѣны. Приходит в голову: а что если сломать стѣну и высунуть руки наружу? Вы вот, кажется, как раз так и располагаете поступить?

— Отчасти это вѣрно. Вѣроятно придется купить и сломать сосѣдній дом, правда, ветхій и необитаемый. Но это еще не теперь. Об этом я, если помышляю, то в связи с будущим.

— Будущее, — протянул Аллот, мечтательно. — Будущее! Кому

будущее, кому прошлое. Не забудем историков, напримѣр Фюстель де Куланжа, или Соловьева, или Момсэна, или Цезаря. Вѣдь он тоже историк, помните де Белли Галлици? Или Геродота? Хэ-хэ-хэ! Не так ли? Не так ли? Если я сейчас сказал: кому будущее, кому прошлое, — то это только оттого, что я уже не молод и у меня особеннаго будущаго быть не может, тогда как у вас все, рѣшительно все в будущем. Вы только начинаете! И людей пожилых это всегда трогает, всегда их побуждает к сравненіям...

За окном дождь не только не утихал, он, наоборот, усиливался. Исключительный был в тот день ливень. Он наводил на мысль, что все может в нѣсколько часов рухнуть и оказаться сметенным если вот такой ливень, или какая-нибудь неимовѣрная гроза, или еще что-нибудь, продлится дольше чѣм можно сопротивляться. Я посмотрѣл на Мари. Она имѣла вид стѣсненный и ѣла без обычнаго аппетита. Аллот же так и уплетал.

— Вы любите хорошую кухню? — спросил я его.

— Эта рыба превосходна, — отвѣтил он, — она просто сама тает во рту. Рыбу я вообще люблю, кажется мнѣ, больше всего другого. Если вы этого не знали, если Мари вам не сказала, что я так люблю рыбу, если это только совпаденіе, что как раз сегодня тут рыба, — то в этом я готов найти род благопріятнаго указанія касательно наших будущих отношеній. Хэ, хэ, хэ. Не думайте, однако, что я считаю потусторонніия силы за реальность. Ко всему этому я равнодушен. Нѣт, нѣт, только не это. В моем качествѣ немного литератора, я стараюсь отыскать внутреннее значеніе там, гдѣ, на первый взгляд, ничего кромѣ послѣдовательно одно за другим происходящих обстоятельств нѣт. Так гораздо интереснѣй.

В это время подошел мэтрдотель и доложил, что меня просят к телефону.

— Это вы, алло? — услыхал я нѣсколькими секундами позже голос старой экономки владѣльца.

— Я.

— Пріѣзжайте, он скончался полчаса тому назад.

— Что вы говорите? Скончался? Да, конечно, ѣду немедленно.

Повѣсив трубку я вышел в коридор. За окном, в эту минуту, дождь так и лил, так и лил, так и лил... Страшный был дождь.

Подойдя к столу, я молча сѣл, молча съѣл еще кусок рыбы, молча свернул салфетку. Не зная, как мнѣ быть, чтобы не оставить Мари вдвоем с Аллотом, я медлил. Кромѣ того я не знал, как в его присутствіи подѣлиться новостью, которая для Мари и для меня имѣла, разумѣется, совершенно иное значеніе и совсѣм другой вѣс, чѣм для него. Мнѣ казалось, что минуты отяжелѣли, что онѣ почти пріостановились, чтобы успѣть вмѣстить в себя все, что им предстояло вмѣстить.

— Мнѣ придется вас покинуть, — произнес я. — Меня срочно вызывают...

— О эти дѣловые люди, о эти дѣловые люди, — воскликнул Аллот

и выпил глоток бѣлаго вина. Он, казалось, входил в отличное расположеніе духа и, может быть, в сентиментальное умиленіе. — Во время завтрака, и еще во время такого вкуснаго завтрака, и как раз когда льет несосвѣтимый дождь! И вы не можете отложить этого дѣла?

"Дѣло, — подумал я. — Это не дѣло. Это перемѣна, и большая".

Перемѣна, хотя и предусмотренная, дѣйствительно, было большой. В эти минуты я становился богатым. Правда, я только потом узнал, насколько я дѣлался богатым. Но уже и так, не оказывался ли я владѣльцем хорошо налаженнаго, развивавшагося, разраставшагося, цвѣтущаго предпріятія?

Как же все это было сказать, как было все вмѣстить в нѣсколько слов, и таких, чтобы не оказалось в них никакого оттѣнка предосудительнаго удовлетворенія? Чтобы Мари поняла мое состояніе?

— Не могу, — отвѣтил я Аллоту, — не могу, потому что оно уже вошло в такую стадію, когда от человѣческой воли ничего не зависит. Мнѣ сообщили, что владѣлец моей фабрики скончался...

Сказав, я посмотрѣл на Мари; но она глаз своих не подняла. Складка губ, однако, говорила о сдержанном волненіи: вѣроятно, она сжала челюсти.

Аллот же был просто поражен.

— Как? Ваш хозяин умер? И вас вызывают? Что все это значит? Хэ, хэ, хэ! Как раз мы говорили о будущем! И вот оказывается, что оно цѣликом под вопросом. Теперь вѣдь будет новый владѣлец и это всегда сопровождается перемѣной персонала. А для умершаго — хэ, хэ, — теперь все в прошлом, он сам вошел в прошлое, находится уже в составѣ исторіи, не общей, конечно, но его частной. Можно даже сказать, что его частная исторія кончилась. Хэ, хэ! Дивны дѣла Господни и неисповѣдимы пути Его. Ох-хо-хо-хо-хо-хо-хо! Как раз когда мы познакомились, когда у нас начали шевелиться надежды, т. е. у меня даже не надежда, а увѣренность возникла, что все у вас с Мари пойдет так хорошо, и вдруг это извѣстіе, которое все мѣняет. Рискуете вы или не рискуете утратить должность директора? Скажите прямо? Я выдаю за вас свою падчерицу, и в правѣ задать такой вопрос.

— Прошу тебя, ну прошу тебя, пожалуйста не волнуйся, — обратилась к нему Мари.

— И я прошу вас об этом же, — дополнил я. — И не тревожьтесь насчет моей службы. Смѣю вас завѣрить, что у меня и сил и способностей совершенно достаточно для того, чтобы со всѣм справиться.

Посмотрѣв в окно, я сказал.

— Ливень-то, ливень какой!

Подозвав метрдотеля, я попросил сразу подать всю заключительную часть завтрака и послать шассера за такси.

Затѣм, извинился перед Аллотом:

— Обстоятельства, как вы сами можете судить, нѣсколько необычны. Само собой понятно, что спѣшка касается только меня, и что

вам не надо нарушать ход завтрака. Еще прошу вас простить меня за то, что я увезу Мари.

— Зачѣм? — спросил Аллот, вытаращив глаза.

— Ея присутствіе мнѣ будет нужно, — пояснил я недопускающим возраженій тоном, и взглянув на Мари — прочел в ея взглядѣ признательность.

Перед ресторaном, под все лившим без устали дождем, произошла обычная церемонія усадки в такси: суетящійся шассер, красный зонт, громко названный адрес. Сквозь блестѣвшіе от воды и дрожавшіе под ударами капель дождя листья я видѣл желѣзное кружево знаменитой на весь мір мачты, вершина которой уходила в облака. Мари вошла, заняла мѣсто первая. Ожидая чаевых шассер, послѣ того, как вошел и я, не захлопывал дверцы. Я посмотрѣл тогда на окно ресторана: прямо против меня, на разстояніи нѣскольких метров, я увидал глаза Аллота, и его несмѣняемую улыбочку. Что мнѣ это напомнило? Кажется, такія улыбающіяся, с неподвижным взглядом, есть гдѣ-то в Мексикѣ, или в Южной Америкѣ, а может в еще какой-нибудь безводной пустынѣ, в Азіи или в Африкѣ — странныя и страшныя ящерицы. "Понятно что Мари его не очень-то любит", — подумал я, давая мелочь. Дверца такси захлопнулась и глаза и улыбочка Аллота скрылись за ея запотѣвшим стеклом.

6.

В хорошо мнѣ знакомой квартирѣ покойнаго царила суета: появившійся, на этот раз, слишком поздно доктор, какіе-то сосѣди, консьержка... Телефонировали, принимали первыя, послѣ смерти, мѣропріятія, не зная хорошенько, что именно надо дѣлать. Старушка экономка попросила меня взять продолженіе хлопот на себя, под тѣм предлогом, что я, за послѣднее время, бывал ежедневно и пользовался довѣріем умершаго, и посовѣтовала отправить депешу в провинцію дальнему родственнику, единственному, котораго она из его родни знала, может быть и вообще его единственному родственнику, пояснив при этом, что раньше вечера завтрашняго дня он пріѣхать не сможет. В дѣйствительности же он прибыл через два дня, так как когда пришла депеша, был в отъѣздѣ. Я его увидал вернувшись с кладбища для того, чтобы поговорить с экономкой. Когда я вошел, она сидѣла в столовой в обществѣ этого невысокаго и толстаго господина, с оттопыренными усами, с подстриженными бобриком густыми, черными с сильной просѣдью волосами, по провинціальному одѣтаго. Со мной он еле поздоровался. Он даже сѣсть мнѣ не предложил и, продолжая бесѣду со старушкой, раза два остановился, давая понять, что мое присутствіе его стѣсняет. Но я повода для ухода не видѣл. Уже одно то, что я еще оставался директором фабрики, давало мнѣ право интересоваться ходом дѣл по крайней мѣрѣ до вскрытія завѣщанія. Оно могло, конечно, быть измѣнен-

ным в пользу этого непріятнаго, похожаго на таракана или жука господина, и тогда все перемѣнилось бы. Все-таки, это казалось мнѣ мало вѣроятным.

Послѣдовавшая через нѣсколько дней у нотаріуса сцена не была лишена красочности. Для меня она оказалась памятной еще и потому, что я стал владѣльцем не только шоколадной фабрики, но еще и пакетов акцій довольно большой фармацевтической лабораторіи и экспортнаго банка. Кромѣ того, мнѣ отходило имѣніе на югѣ, на берегу моря.

Толстый провинціальный родственник был так поражен, так налился кровью, стал так громогласно протестовать, что присутствовавшіе, видя его волненіе, оглянулись с тревогой: при такой сангвинистической комплекціи мог случиться удар. Прервав словоизверженіе, нотаріус холодно сказал, что завѣщаніе составлено по всѣм правилам, подписано приведенными им к больному свидѣтелями и что ни малѣйших поводов к опротестованію нѣт. Тогда тараканообразный господин начал было что-то говорить о моих недобросовѣстных кознях и о том, что пользуясь болѣзнью, я втерся в довѣріе... На этот раз нотаріус его остановил почти рѣзко, предупредив, что такого рода замѣчанія грозят ему непріятностями.

— Этто, этто, этто, — заговорил тогда дальній родственник, — этто, этто... Это все заговор, в котором вы, мэтр, сами приняли участіе...

Нотаріус разсердился совсѣм и сказал, что находясь при исполненіи служебных обязанностей он может прибѣгнуть к мѣрам воздѣйствія, добавив, что дальнѣйшее пребываніе провинціальнаго кузена в его кабинетѣ излишне. Толстый господинчик буквально вылетѣл. Больше никогда я его не видѣл и ничего о нем не слыхал.

Еще один, связанный с этой перемѣной, аккорд прозвучал на шоколадной фабрикѣ, гдѣ я появлялся ежедневно, ничего точнаго, однако, никому не сообщая. Мой помощник и начальники отдѣлов тоже ждали молча. Словно электрическій от меня изошел разряд, когда я, наконец, вызвал в бюро главных сотрудников и поставил их в курс обстоятельств. Слова, жесты послѣдовавшіе как бы в отвѣт на мою коротенькую рѣчь и тѣ слова и выраженія глаз, которыя я мог угадать за закрывшейся дверью, были, надо думать, не совсѣм одинаковыми. Но зависть, не непремѣнный ли это спутник всякой удачи, каждаго успѣха?

Не теряя времени я принялся за дѣла. У секретарши все было отлично подготовлено: письма подобраны в порядкѣ срочности, бумаги, требовавшія моей подписи, сложены. Я стал диктовать:

"...аппараты для наполненія тюбиков, вами поставленные, не вполнѣ нас удовлетворяют..."

"...нам стало извѣстно, что одна иностранная марка выпустила новый сорт бумаги, который нам кажется очень подходящим..."...

И вдруг я замолк: внезапно на меня нахлынули не то опасенія, не то предчувствія. Точно из стѣн комнаты, или откуда-то еще, пройдя

сквозь эти стѣны, донеслись до меня шопоты, или лучи, которым нельзя было не подчиниться. И я спросил себя: в чем заключается сущность сокровенной природы метаморфозы, приведшей меня с береговъ холоднаго озера, — откуда моим родителям пришлось бѣжать, — в это бюро, гдѣ я сейчас занимаю мѣсто богатаго промышленника? Конечно я трудолюбив, упорен, предпріимчив, одарен. Конечно мнѣ помог дальній родственник. Конечно я получил наслѣдство. Но кромѣ этих понятных, очевидных данных, которыя можно перечислить, кромѣ того, что я не щадил своих сил, не знал досугов, кромѣ моего желанія и умѣнія пользоваться благопріятными условіями, нѣт ли во всем этом еще чего-то другого, неопредѣлимаго, неуловимаго, такого, чего не объясняет послѣдовательность связанных только внѣшней причинной связью обстоятельств?

Я подумал о Мари, которую, — очень послѣднее время занятый, — видѣл всего нѣсколько раз, и всегда мельком. Я тотчас же принял рѣшеніе запретить ей работать. Не становилась ли ея работа просто нелѣпостью? "Я поручу ей поиски квартиры, — сказал я себѣ, — и увезу ее в город, прославленный своими дворцами, соборами, церквами, площадями... А фабрика? Ею займется помощник!.." Но всѣ эти соображенія мнѣ самому казались похожими на уловки.

"Что счастье мнѣ открывает свои двери, — продолжал я свой внутренній разговор с самим собой, — какое же в этом может быть сомнѣніе? Но надо ли мнѣ войти в эту дверь? Нужно ли вообще это самое счастье?".

Мои минуты вдруг отяжелѣли, пріостановились. Отвѣт на мой вопрос о счастьѣ, не заключался ли он в полной их неподвижности, в той самой, которая теперь была удѣлом моего благодѣтеля?

"...кажется нам очень подходящим...", напомнила мнѣ, с деликатностью, секретарша, и, выведенный этим из задумчивости, я продолжал: "...для нѣкоторых сортов нашего шоколада".

И работа продлилась. Телефонные вызовы, появленія служащих, освѣдомлявшихся о моих распоряженіях, докладывавших о том, что произошло в моем отсутствіи...

Когда рабочій день подходил к концу, мнѣ сказали, что в пріемной ждет дама.

— Кто это? — спросил я.

— Она не захотѣла назваться, но она очень настаивает.

Нѣсколько раздосадованный, я вышел и увидал Мари! Она мнѣ призналась, что соскучилась, что просит простить вторженіе в неурочный час, но что уж очень хотѣла бы со мной пообѣдать в том ресторанѣ, гдѣ мы обѣдали совмѣстно в первый раз.

— Гдѣ такіе пестрые абажуры, — улыбнулась она, — и домотканныя скатерти...

— Ну, конечно же! Ну конечно!

7.

В такси я подробно разсказал Мари про все, что случилось за послѣдніе дни и подѣлился с ней, как впечатлѣніями, оставшимися у меня от сцены у нотаріуса, так и тѣм, как все сложилось в бюро. В отвѣт она слегка сжала мою руку. К происшедшей перемѣнѣ она относилась со смиреніем, ея тихій нрав ни к какой бурной радости ее предрасположить, разумѣется, не мог. Начинавшее принимать осязаемыя очертанія богатство ее скорѣе пугало.

Но в ресторанѣ с пестрыми абажурами ей явно было пріятно, может быть даже весело. Она выбрала закуски, жаркое, согласилась на шампанское, потребовала, чтобы я сѣл не против нея, а рядом.

— Так ближе. Я хочу быть ближе. Мнѣ от этого спокойнѣй и проще, я еще счастливѣй.

— Если ты счастлива, то счастлив и я. Точно магическая какая-то палочка открыла нам двери счастья, — произнес я и, тотчас же, внутренне испугался. Всего нѣсколькими часами раньше, не допустил ли я мысли, что "неподвижныя минуты" — лучше счастья? Конечно, Мари этого моего мимолетнаго недоумѣнія не замѣтить не могла, и спросила, в чем дѣло.

Я солгал:

— Меня кольнула тривіальность моих собственных слов, и я подумал, что мнѣ надо было просто отвѣтить: и я тоже. Тѣм болѣе, что именно так оно и есть.

Посмотрѣв на нее я разсмѣялся и в награду мнѣ из под приподнявшихся рѣсниц сверкнуло горячее сіяніе.

— Конечно, чѣм проще, тѣм лучше, — улыбнулась она.

Такой доброй, такой благодарной была улыбка Мари! Мнѣ она проникала в душу и возстанавливала равновѣсіе, которое часто бывало нарушено сухостью и точностью дѣловых разговоров. Она одобряла и подогрѣвала тѣ человѣческія свойства, которыя от точности и сухости отмирают. Я навѣрно знаю, что это отмираніе считается шагом вперед на жизненном пути и что нѣкоторые его сознательно поощряют. Иной раз и мнѣ, особенно когда дѣла шли хорошо, казалось, что "присутствіе души" излишне и что в ея отсутствіи достигаешь большаго. Но когда Мари мнѣ улыбалась, то я отдавал себѣ отчет в том, что учет оборота и умѣлое движеніе за спиной конкурента, расширеніе мастерской и удачная сдѣлка — не самое главное и не могут самаго главнаго замѣнить.

— Начиная с завтрашняго дня ты перестанешь работать, — сказал я. — Нужно, чтобы ты занялась нашим устройством. У меня на это нѣт времени.

— Хорошо.

— Кромѣ того ты переѣдешь в другую гостиницу. Мы совмѣстно выберем достаточно дорогую.

— Хорошо. Хотя, сознаюсь, мнѣ жаль будет покинуть мою комнатку. Но понимаю твое желаніе.

— Я пришлю тебѣ агента по найму квартир. Он поможет выбрать.

— Развѣ это так легко? Я думала, что квартирный вопрос очень остр.

— Если не постоять за цѣной... — произнес я, подавляя в душѣ стыд, — то вопроса этого вообще не существует.

— Ты непремѣнно хочешь, чтобы у нас была большая квартира, в новом домѣ и модном кварталѣ?

— Раз это возможно, зачѣм упускать случай?

— Хорошо, — снова сказала она, и тихонько вздохнула.

— А тебѣ это не по душѣ?

— Не по душѣ. Я привыкла к скромной жизни и в большой квартирѣ мнѣ будет холодно.

— Ну, это просто иллюзія.

— Не знаю. Не прими, что я настаиваю, но сознаюсь, что мнѣ гораздо больше говорит небольшая квартира гдѣ-нибудь на тихой улочкѣ. И чтобы все было под рукой: лавки, рынок, автобусы, метро...

— В этом теперь не будет никакой надобности. За провизіей будет ходить горничная, а для разъѣздов будет автомобиль.

— Хорошо. Но только...

— Что только?

— Ты сам только что сказал, что нам открылись двери счастья. Развѣ все это для счастья нужно?

— Милая Мари, моя Мари, — сказал я, с порывом, которому сам удивился, — если ты думаешь, что комфорт и роскошь ни к чему, то и не надо их. Я хочу чтобы тебѣ было хорошо, и самому мнѣ хорошо только, если хорошо тебѣ!

Наступило недолгое молчаніе, и потом, тихо, робко, нерѣшительно Мари произнесла:

— Если ты ничего не имѣешь против, то мы пошли бы завтра осмотрѣть квартиру, насчет которой мнѣ сказали, что ее можно получить, дав отступныя. Ея теперешніе жильцы хотят уѣхать в провинцію и им нужны деньги. Я ее уже видѣла. Я ничего про нее не говорила потому, что как бы готовила тебѣ подарок...

— Ну конечно, ну конечно, моя Мари, мы завтра же пойдем осмотрѣть эту квартиру, — воскликнул я, растроганный, — и я вперед знаю, что мы ее возьмем. Как бы я мог отказаться от твоего подарка?

— Но ты только что говорил о большой, — промолвила она, с долей удивленія в голосѣ, точно ей показалось, что я слишком легко согласился.

— Я думал, что роскошь тебѣ будет пріятна, что ты будешь довольна. Но вижу, что ошибся. Всѣ эти большія квартиры, автомобили и модные кварталы, какое нам до них дѣло?! — снова воскликнул я, еще раз подивившись своей горячности.

— Почему ты так волнуешься? — спросила она. — Если ты с трудом идешь на уступку, то не надо.

— Нѣт, нѣт, никакой уступки нѣт. Я разозлился на квартиры и

на автомобили потому, что они вмѣшались в то, что их не касается, в наше с тобой счастье. Представь себѣ, что я испытал что-то похожее на невѣрность тебѣ, на то, что чуть было тебѣ, с автомобилями и квартирами, не измѣнил!

— Что ты говоришь, — прошептала она, — ты не знаешь, что говоришь.

— Ты видѣла Аллота? — спросил я.

— Да, — отвѣтила она, неохотно. — Он приходил ко мнѣ, чтобы спросить, когда ему можно будет с тобой поговорить.

— Поговорить? О чем?

— Он не сказал о чем. Но я думаю, что он собирается сдѣлать тебѣ дѣловое предложеніе. У него всегда разные планы в головѣ.

— Его дѣловые планы... не знаю. Посмотрю. Но тогда, за завтраком, он сознался что он немного литератор, и я про это потом вспоминал. Что он пишет и гдѣ печатается?

— Он нигдѣ не печатается. И даже по-настоящему не пишет. Он добывает матерьялы, чтобы писать.

— Но у него есть какое-нибудь общее направленіе?

— Не знаю, как сказать. Он старается найти у простых вещей не простое значеніе. Он даже сам устраивает разныя обстоятельства, для того, чтобы потом их описывать. Не могу объяснить.

Она замолкла и, что-то внутри себя поборов, прибавила:

— Прости меня, но мнѣ непріятно про это говорить.

Я припомнил тогда впечатлѣніе, произведенное на меня усмѣшечкой Аллота, его глазами, его голосом, его походкой. В тот, в первый раз, как я его видѣл, я не успѣл хорошенько к нему присмотрѣться. Потом были дни переполненные всякими заботами, но все-таки я об Аллотѣ, время от времени, думал. Почему я запомнил его признаніе в том, что он литератор, и почему меня это заинтересовало, я не знаю. Может быть в нем, несмотря на гнусную усмѣшечку, сквозило что-то артистическое? Голос его, напримѣр, пріятный и музыкальный, мог об этом свидѣтельствовать. Во всяком случаѣ в нем было что-то необычное. Мнѣ показалось, что я слишком долго о нем думаю. Это походило на его заочное вмѣшательство и я поспѣшил перемѣнить тему, заговорив о свадебном путешествіи и о том, что до свадьбы оставалось не слишком много времени и что надо успѣть все подготовить.

— Я все, все тебѣ поручу, — сказал я, — у меня на фабрикѣ горы дѣла...

8.

Мое здоровье всегда было отличным, — я не знал, что такое болѣзнь. Едва открыв глаза, я выскакивал из постели и сразу же приступал к приготовленію кофе, на что уходило нѣсколько минут, что

казалось досадной задержкой: вездѣ меня ждали, повсюду от меня что-то зависѣло. Установленное наканунѣ расписаніе напоминало о себѣ без всяких церемоній. Я не вѣдал, что такое "плохое утреннее настроеніе". И вот раз — в один из этих дней — проснувшись я, на короткое мгновеніе, о чем-то задумался. О чем? Не знаю. Что-то было в этих, не нашедших своих слов, мыслях такое, что я могу опредѣлить общим названіем: сомнѣніе. Но в чем именно я усумнился — я тоже не знаю. Да и длилось это состояніе всего нѣсколько секунд. Затѣм я разсердился. На кого, на что, — опять таки не знаю. Могу только уточнить, что во всяком случаѣ не на самого себя. На себя сердиться у меня не было никакого повода. И увѣсистое ругательство, которое я прошипѣл, было обращено в пространство, было вообще ругательством, в нѣкотором смыслѣ безпредметным, облегчающим, абстрактным ругательством. Взглянув на часы, я замѣтил, что стрѣлки показывают семь с четвертью: не слишком рано, не слишком поздно. Солнце уже блестѣло. Как раз позвонила дѣвчурка, приносившая мнѣ сдобныя булочки, к кофе. Я подумал, что холостецким моим привычкам наступает конец. И день потек так же, как текли предшествовавшіе.

9.

Мари переѣхала в другую гостиницу и теперь мы ежедневно завтракали там совмѣстно. Воспользовавшись как-то удобным поворотом разговора, я предложил пригласить Аллота. С рѣшительностью, которой я не ожидал, Мари попросила меня от этого воздержаться. Я посмотрѣл тогда в мою записную книжку и обнаружил, что между четырьмя и пятью буду сравнительно свободен, что позволяло вызвать его в бюро. Послать ему пневматическое письмо было проще простого, — и так я и поступил.

Потом, чтобы слегка прощупать почву, я сказал Мари, что когда мы устроимся в квартирѣ, Аллот, вѣроятно, не будет у нас слишком частым гостем.

— Если окажется возможным, — отвѣтила она, — чтобы он вообще ни разу не появился, я только буду довольна.

Мы поговорили о затрудненіях, возникших на пути к найму найденной Мари квартиры; занимавшіе ее жильцы просили длительной отсрочки в довольно рѣшительных выраженіях: что, мол, если не нравится, мы вернем задаток. Отмѣчу, что Мари это огорчало свыше мѣры.

На фабрикѣ меня захватила обычная суета, — и так продолжалось до тѣх пор, пока не появился Аллот. Проникнув в пріемную, я обнаружил, что он не один. С ним была молодая дама.

— Здравствуйте, здравствуйте, — заговорил он, и сразу же меня поразило несоотвѣтствіе между его отвратительной улыбочкой и мягким голосом, — здравствуйте и позвольте вам представить мою пріятельницу Зою Малинову. Не прогнѣвайтесь за то, что я пришел с ней, не

испросив предварительнаго разрѣшенія. И даже вас не предупредив! Но я не знал вашего телефона, да если бы и знал, то предупредить за такой короткій срок было невозможно. Ваше пневматическое письмо запоздало: на штемпелѣ значится половина перваго, а пришло оно незадолго до пяти. Впрочем, оно раньше притти, пожалуй, не могло, хэ-хэ-хэ... Но все равно. Прочесть письмо, и до вас добраться, развѣ можно было успѣть скорѣй? Конечно мы поѣхали на такси. Но теперь повсюду такіе заторы — просто автомобильные сугробы, хэ-хэ-хэ! — что такси не ускоряет. Подземная желѣзная дорога гораздо быстрѣй! Как раз у меня была Зоя Малинова! Я рѣшил ее взять с собой! Я увѣрен, что она рада познакомиться с директором шоколадной фабрики, моим будущим бофисом! Здравствуйте, здравствуйте.

Я предложил пройти в бюро.

Смущенная тирадой Аллота, и еще тѣм, что я и не думал скрывать удивленія, Зоя не двинулась и молча переводила глаза с Аллота на меня.

— Застѣнчивость Зои равна ея привлекательности, — заговорил Аллот, — хэ-хэ! Во всѣх отношеніях она прогрессирует, но в смыслѣ застѣнчивости — совершенно неподвижна. Сравненіе, о только сравненіе: если бы у ея застѣнчивости были ноги, или колеса, то ноги эти, или колеса были бы как вросшими в землю! Увязшими в глинѣ! Какой там в глинѣ, — в цементѣ! Но ноги и колеса ея других качеств, и недостатков... скажем свойств! — дѣйствуют прекрасно, и именно из-за этого я и рѣшился взять ее с собой. Ваше знакомство будет плодотворным! Увѣрен! Убѣжден!

Посмотрѣв внимательно, я замѣтил, что Зоя не только не лишена привлекательности, но даже соблазнительна. Свѣтло-золотыя кудри не совсѣм соотвѣтствовали глазам, довольно темным, не то синим, не то зеленым. Лицо ея было круглым, со слегка выдававшимися скулами, щеки — румяныя. Широкое, легкое пальто не позволяло судить о степени совершенства сложенія. Но все-таки можно было угадать, что она стройна.

— Я совершенно не застѣнчива, — сказала она, глядя мнѣ в зрачки.

Как только мы оказались в бюро, Аллот затараторил:

— Она уклоняется от правды. Она почти притворяется. У меня не было никакой причины сочинять, что она застѣнчива. Кто мог бы от этого выиграть? Я говорил сущую правду... И готов ее повторить: Зоя Малинова застѣнчива, и это всегда ей мѣшало, и продолжает ей мѣшать. Она отличная декораторша. У нея и вкуса и умѣнія сколько угодно, и все это пропадает даром, из-за застѣнчивости.

И, удобно устроившись в креслѣ, продолжал:

— Увѣряю вас, что ея робость ея главный враг! Не будь так, она, вѣроятно, была бы уже извѣстной женщиной. Не всемірно извѣст-

ной, конечно, хэ-хэ-хэ! Но извѣстной в кругах прикладного искусства. И уж конечно отлично зарабатывала бы! Вы любите шоколад?

— Умѣренно, — сказал я. — Видите эти плитки? Это новый сорт, который мы выпускаем в продажу. Нам удалось найти формулу мягкаго и горькаго шоколада, совсѣм особаго вкуса, для знатоков. Очень оригинальный шоколад. И теперь мы ищем оригинальную упаковку.

— Ну вот, — так и подхватил Аллот, — опять таки и еще раз: ну вот! Смотрите: оригинальный шоколад, который надо выбросить на рынок. Но он еще без рубашки! А декораторша, против него сидящая, готова ему сшить рубашку! Не даром я вам сказал, что я немножко литератор! Литераторы всегда ищут совпаденій, вообще чего-нибудь такого, что стоит описывать, что отличается от обычнаго теченія дней нашей жизни! Не повторять же содержаніе будней? Не воспроизводить же письма, которыя диктует промышленник или банкир, или распоряженія унтер-офицера, или зызыванія уличнаго торговца? Интересное начинается только там, гдѣ нормальное прерывается. Пока банкир диктует письма, что в нем толку? Он наживает деньги, вот и все. Но когда, закрыв свой банк, он идет в притон курить опіум, или подсматривать в щель, чтобы убѣдиться, что его жена измѣняет ему с главным счетоводом, или со швейцаром, то дѣло становится другим. Только что получилось совпаденіе. Шоколад, которому нужна рубашка, и портниха, готовая ее сшить! Директор, от котораго зависит поручить или не поручить портнихѣ шить рубаху, и портниха, от которой зависит согласиться или не согласиться шить! И от того, как протечет этот разговор, и от красоты будущей рубашки, зависит или тріумфальное шествіе новаго шоколада, или его безславная кончина. Видите: будучи литератором можно оживить, одухотворить самое обычное обстоятельство!

— Ради Бога! Леонард! — проговорила Зоя.

Как раз зазвонил телефон.

— Мадемуазель Шастору, — сказала стандардистка.

Нѣсколько стѣсненный присутствіем Аллота я попросил дать соединеніе.

— Я только что получила письмо от квартирантов, — услыхал я голос Мари. — Они сообщают, что всѣ их планы измѣнены, и что они в провинцію не ѣдут. Я очень, очень огорчена.

— Не надо огорчаться, прошу тебя: не огорчайся! Навѣрно это можно будет еще устроить.

— Это Мари? — перебил Аллот. — Что случилось?

— Пріѣзжай поскорѣй, — продолжала Мари, — я совсѣм в грустях.

— Увѣряю вас, Леонард, — шептала Зоя, — что всѣ эти ваши исторіи рубашек, портних и шоколада...

— Не грусти, прошу тебя, — говорил я, в трубку. — Ты знаешь, что я все умѣю устраивать. Устрою и это.

— Умоляю, не задерживайся... Я все приготовила, и у меня все

из рук вырывают. Единственный подарок! Мой единственный тебѣ подарок!

— Я сейчас уѣзжаю. Я сейчас буду у тебя...

Затѣм, обратившись к Аллоту, я предложил ему назначить новое свиданіе.

— Все, что вы только что продекламировали касательно шоколада, меня заинтересовало, — прибавил я.

— А? Очень счастлив.

— Не в прямом, а в косвенном смыслѣ.

— Косвенный смысл иной раз значительнѣй прямого, — зачастил он. — У прямого смысла и результат прямой. Намеки, недоговоренности позволяют приходить к выводам, которые можно уложить в разныя мѣрки, а разных мѣрок всякій держит в запасѣ очень много. Косвенный смысл полон возможностей. Прямой смысл...

— Прямой? — перебила его Зоя, почти зло.

— Прямой смысл это дѣйствіе равное противодѣйствію. Это неинтересно.

— Как бы там ни было, — вставил я, — поводом для нашей встрѣчи, в моих, по крайней мѣрѣ, мыслях, будут намеки и вскользь вами сказанныя слова о ваших литературных усиліях. Но не шоколад.

— Виноват, виноват... я именно в литературном тонѣ говорил о шоколадной рубашкѣ. В поэтическом даже. Хэ-хэ.

— Хотите в будущую пятницу в шесть вечера? Вы заѣдете за мной и мы совмѣстно отправимся пить виски?

— Хорошо, — согласился он, покорно. — Но Зоя? Надо ли мнѣ ее взять с собой?

— Всегда буду рад видѣть Зою, — отвѣтил я, с галантностью, — но мнѣ кажется, что предмет нашего будущаго разговора касается только нас.

— А как же насчет шоколадной рубашки?

Декорацію наших упаковок я, до сих пор, поручал давно мнѣ извѣстной рисовальщицѣ и поводов для перемѣны не было. Не знаю, какому я подчинился импульсу, какая и куда протянулась от этой секунды нить и с какой, еще не родившейся секундой меня связала, — только я отвѣтил:

— Зоя может принести набросок сюда. Сколько дней вам нужно чтобы его сдѣлать?

— Дня два, три. Скажем, четыре.

— Как только он будет готов, приходите в девять утра. Я скажу, чтобы вас провели ко мнѣ.

Я встал. Они распрощались и вышли.

10.

Я застал Мари в слезах. Я не знал, что сказать, тѣм болѣе, что повод для огорченія мнѣ казался недостаточным. Я даже подумал, что

необычайная чувствительность Мари и ея нервы должны быть не при чем, что на этот раз она жертва неизвѣстных мнѣ совпаденій, тяжести которых не смогла вынести. Глядя на ея вздрагивающія плечи, что-то бормоча об увеличеніи предложеннаго за квартиру отступного, я чувствовал, что иду по пути ложному, что у таких практических шагов, в ея глазах, настоящаго вѣса быть не может.

— Я знаю, что все кончено, — шептала она, сквозь слезы. — Единственный подарок, который я могла тебѣ сдѣлать, у меня вырвали из рук!..

Присѣв рядом с ней, я тихонько гладил ея волосы, нѣжно цѣловал мокрыя щеки и повторял:

— Мари, милая Мари, милая моя Мари...

— Мнѣ кажется, — промолвила она, еле слышно, — что если так вышло, то это плохой признак, что это навлечет на нас несчастье...

Как опровергнуть, как разрушить такое расположеніе мыслей? Не споря же, не выдвигая цѣпь логических доказательств?

— Я знаю, что я суевѣрна, — продолжала она, — и знаю, что это глупо. Но это так, и себя перемѣнить я не могу.

— Не плачь, не плачь, моя Мари милая, вѣдь ты моя, и будешь еще больше моей, будешь совсѣм моей. С тобой мнѣ будет хорошо не только в какой угодно квартирѣ, но и в пещерѣ, в лѣсу, в пустынѣ... Ничего от тебя, кромѣ тебя самой, не хочу.

Но она не слышала. Она точно к чему-то присматривалась, точно что-то видѣла.

— Анжель, — прошептала она, закрывая лицо руками.

И напрасными были мои повторныя утѣшенія.

— Нам надо разойтись, пока еще не поздно, пока еще ничего не было, — бормотала она.

Я отвѣтил:

— Я тебя люблю. Очень. Я не могу без тебя жить. Все остальное не считается.

— Ты найдешь другую.

— Мнѣ никого кромѣ тебя не надо. И тебѣ тоже только *я* нужен. Не плачь, успокойся. Все будет хорошо. *Я* все устрою. У *меня* права. *Я* рѣшаю.

Было ли, на этот раз, в моем голосѣ что-нибудь достаточно увѣренное, требовательное? Или просто она выплакала свои слезы? Так или иначе она стала успокаиваться. Оставшись близ нея теперь в молчаніи, прислушиваясь к ея дѣлавшемуся мѣрным дыханію, я понял, что она уснула, и накрыв ее пледом, тихонько вышел.

11.

Зоя появилась в бюро на слѣдующій же день вечером, когда я собирался уходить. Стандардистка мнѣ позже разсказала, что пришед-

шая почти в шесть Зоя так настаивала, что пришлось уступить. Когда я вышел в пріемную, Зоя стояла около двери, с папкой в руках.

— Я принесла набросок, — сказала она, не здороваясь.

— Но вы же сами говорили, что вам нужно два-три дня.

— Этот мнѣ удался сразу. Я нахожу его настолько хорошим, что рѣшила с вами посовѣтоваться. Если вы одобрите, я завтра отдѣлаю, и послѣзавтра утром сдам.

Она вынула из папки рисунок. Должен признать, что он мнѣ и не понравился, и не не понравился: он меня поразил. Он мгновенно вызвал во мнѣ ряд мыслей, прямого отношенія к коммерческой сторонѣ дѣла не имѣвших.

Из-за замысловатых букв, в духѣ славянской вязи, и из-за не то куполов церквей, или крыш пагод, прямо мнѣ в зрачки смотрѣли два глаза Аллота. И так искусно были они переданы, что непосвященный их сразу не отличил бы, а может и вообще не отличил бы. Но мнѣ-то они были видны! И тотчас я подумал, что согласись я на эту декорацію упаковки, глаза Аллота окажутся в магазинах, гдѣ продается мой шоколад, и оттуда проникнут в комнаты, спальни, дѣтскія, чтобы слѣдить за тѣм, как его ѣдят дѣти, женщины, дѣвушки. Соглядатаем я пошлю в эти дѣтскія и спальни Леонарда Аллота! Ему поручу наблюдать за послѣдствіями покупки моего производства! Окажется ли он, таким путем, сопричастным моему предпріятію, подпаду ли я сам под его вліяніе? Надо ли стараться этого избѣжать, или надо это поощрить?

Кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго рисунком, был еще вопрос о том, почему Зоя выбрала этот сюжет? Чтобы хоть приблизительно понять в чем дѣло, я прибѣг к хитрости.

— Глаза я вижу, — сказал я, — но кромѣ глаз у Аллота есть еще и улыбочка, которой вы, рисовальщица, не могли не замѣтить.

Зоя молча отступила на нѣсколько шагов и снова предъявила набросок, перевернув его на сто восемьдесят градусов. Из-за куполов и пагод, на этот раз опершихся крестами и крышами на небо, это самое небо, которое только что было над ними и по которому плыли легонькія розоватыя и голубоватыя облака, обратилось в отвратительно улыбавшійся рот.

Теперь мысли о том, что Аллот будет сопровождать мой шоколад в столовыя и дѣтскія отпали. Главным стал вопрос: зачѣм Зоѣ понадобилось сдѣлать такой рисунок?

Подумав об этом я упрекнул себя, что забираюсь слишком далеко. Я вѣдь был всего шоколадным фабрикантом и этим только и опредѣлялись мои отношенія с рисовальщицей, представившей проект упаковки. А так как набросок был оригинальным и краски удачными, то я склонялся к положительному заключенію. Я посмотрѣл на Зою, на этот раз одѣтую в узкое, черное пальто, отлично позволявшее судить об ея прекрасном тѣлосложеніи, на ея круглыя, розовыя щеки, на большой рот, на великолѣпныя кудри и на скорѣй темные глаза, в которых

дрожало ожиданіе, и не обнаружил в этом обликѣ никакого намека на заранѣе обдуманное, каверзное намѣреніе.

— Вы давно знаете Аллота? — спросил я.

— Да.

О том, какими они связаны отношеніями, я освѣдомиться не посмѣл. Мнѣ показалось, правда, с самаго начала, что они должны быть любовниками несмотря на бросавшуюся в глаза разницу в возрастѣ. Но я допускал, что он может просто интересоваться ея судьбой в силу какой-нибудь личной причины: заботиться о ней, как о дочери умершаго друга, или что-нибудь в этом родѣ.

— Почему вас поразили его глаза?

— Как же не поразиться, — усмѣхнулась Зоя. — Таких глаз я никогда ни у кого не видѣла. Вы сами, навѣрно, замѣтили, что у него нѣт зрачков, или что зрачки его так смутно очерчены, и такого сходнаго с роговицей цвѣта, что их как будто нѣт.

— А улыбка?

— Улыбка Аллота? Он так улыбается, будто знает, что другіе думают, и успокаивает: не тревожьтесь, я ничего никому не скажу. Я все время разсматриваю его улыбку, и все еще не разгадала совсѣм точно, от какой складки, или тѣни, она зависит. То, что здѣсь (она указала на свой рисунок) только частично ее воспроизводит. Всего я не уловила, или еще не уловила.

— Он ваш родственник?

— О нѣт! — воскликнула она.

Я помолчал и произнес:

— Хорошо. Кончайте ваш рисунок и приходите завтра утром, ровно в девять. Я дам окончательный отвѣт. Если не возьму, то возмѣщу расходы и оплачу затраченное время. Но думается, я возьму. До свиданія.

Даже не поклонившись, Зоя повернулась и вышла. Я замѣтил, что у нея очень красивыя икры, и что походка ея до чувственности упруга.

Когда она вернулась на слѣдующее утро, у меня, как раз, был один из наших провинціальных представителей, с которым мы начинали обсужденіе вопроса о расширеніи сбыта в деревнях. Для этого надо было наладить связь с мѣстными комивояжерами. Мы только обмѣнялись двумя-тремя фразами как мнѣ доложили о приходѣ Зои.

— Вот, — сказал я, — удобный случай оцѣнить новую упаковку.

Войдя, Зоя остановилась, точно ее что-то удивило.

— Я думала вы будете один, — проговорила она, покраснѣв.

— Не бойтесь, не бойтесь, входите, — вмѣшался мой помощник, — мы вас не съѣдим.

Зоя вынула из папки рисунок и поставила его на полку.

— Это очень хорошо, — сказал мой помощник, через минуту размышленія.

— А вы что думаете? — спросил я у агента.

— Не знаю, — отвѣтил тот, — для провинціи это кажется слиш-

ком сложным. Пагоды, церкви, кресты... В провинціи это меньше привлекает...

— Но вам надобно помнить, — вставил помощник, — что сам шоколад не будет завернут. Вот его упаковка.

Он протянул представителю род прозрачнаго футляра.

— Плитки будут в таких футлярах. Картинки будут вложены.

— Может лучше разныя картинки? — отнесся представитель.

— Мы всегда снабжали каждый новый сорт особой декораціей. Эта упаковка оригинальна. За прозрачной оболочкой, и вот такая картинка!

— Провинція не очень падка на новости, — продолжал спорить представитель, — провинція рутинна.

— Футляр мы сохраним во всяком случаѣ, — вмѣшался я. — Но что вы думаете насчет картинки?

Начался оживленный обмѣн мнѣніями, во время котораго я нѣсколько раз взглянул на Зою. "Мнѣ рисунок нравится", — говорил помощник, — "для провинціи слишком сложно, — твердил представитель, — и в деревнях успѣха не будет". — Я вмѣшался:

— Мы предназначаем этот шоколад, горькій и мягкій, знатокам. И прежде всего, постараемся наладить сбыт здѣсь. Что мы рѣшаем насчет рисунка?

— Повторяю, что мнѣ очень нравится, — произнес мой помощник. — Ново и, почему-то, возбуждает любопытство. Совсѣм не похоже на обычные рисунки.

— Так как я того же мнѣнія, — сказал я, — то мы в большинствѣ.

И мнѣ было пріятно видѣть, как, в отвѣт на эту фразу, Зоя вскинула на меня благодарные глаза. Я вызвал кассира, распорядился насчет уплаты. Когда всѣ вышли, со стоявшаго на полкѣ рисунка глаза Аллота, которых, думается, ни директор ни представитель не разгадали, и гаденькая улыбочка опрокинутаго рта твердили мнѣ о чем-то, чему я не находил названія, и что на минуту-другую помѣшало мнѣ погрузиться в чтеніе корреспонденціи.

12.

Через нѣсколько дней, придя в бюро, я нашел среди множества дѣловых писем одно на дѣловое не похожее, и, разумѣется, распечатал его в первую очередь. Оно было от Аллота. Начиналось претенціозным обращеніем: Реверендиссимус Доминус! и подписи предшествовала длинная и вычурная фраза, в которой говорилось о "преданном привѣтствіи", вытекавшем из особаго совпаденія "душевных ячеек автора сего посланія с душевными ячейками адресата".

Обстоятельства, о которых рѣчь ниже, даже гораздо ниже, позволили мнѣ овладѣть копіей этого письма, оригинал котораго мной утрачен. Полагаю однако, что копія ему соотвѣтствует полностью.

"Как вам вѣроятно повѣдала моя падчерица, — прочел я, — я был, в теченіе ряда лѣт, владѣльцем туристическаго агентства. Хотя мое предпріятіе и не процвѣтало, все же я извлекал из него доход достаточный, чтобы проводить мѣсяца два в году не работая, живя по моему капризу! И раз вышло так, что я поселился на пригоркѣ, в домикѣ, метрах в ста пятидесяти от большого желѣзнодорожнаго разъѣзда. Почему я выбрал этот домик чтобы провести каникулы, — я точно опредѣлить не берусь. Выбирает же бродячая собака, чтобы переночевать, это мѣсто, а не то? И выброшенный бурей, послѣ кораблекрушенія, моряк, шагая по пустынному берегу, говорит же он себѣ: разведу костер под этой пальмой, а не под той. Я ѣхал тогда по дорогѣ, в стареньком автомобилѣ. И слѣва от дороги увидал холмик, на котором было строеніе. Остановившись перед шлагбаумом, у самых путей, я вышел из автомобиля и выпил в кафе бокал пива. Тут-то вот, когда я его пил, мнѣ и пришло в голову спросить хозяина о только что замѣченном мной строеніи. Оказалось, что домик этот принадлежит ему, что он пустует, и что если бы кто пожелал его занять, то он с удовольствіем сдаст его. Я тут же заключил сдѣлку. Я заключил ее по тѣм же причинам, по которым выбирает мѣсто бродячая собака или пальму мореплаватель. Инстинкт это, или не инстинкт, я не знаю. С меня оказалось достаточным подняться на холмик, войти в комнату и выглянуть в окно. Из него открывался вид на пути передаточной станціи. Конечно, таких видов в мірѣ много. Но этот был моим видом! Как только он мнѣ открылся, так я и сказал себѣ, что ничего лучшаго мнѣ не надо, что это как раз то, чего я ищу.

"Там гдѣ начинался первый разъѣзд, стояла высокая будка, из цемента и стекла, слегка похожая на гриб: ножка и нахлобученная на эту ножку шляпка. Дальше рельсы, то блестящіе, то матовые, то темные, — разбѣгались, раскрывались, размножались точно живые, точно все время выполняющіе какое-то распоряженіе. Род стальной, распластанной по землѣ вытянутой в одном направленіи ткани, в которой продольныя нити рельс настолько преобладали над поперечными шпал, что поперечных почти-что и не было. Или сравненіе: постоянно задаваемая и постоянно разрѣшаемая задача, на практикѣ осуществленная формула, неопровержимое доказательство отвлеченных разсужденій. Но может быть я это пишу чтобы найти объясненіе моему выбору? Нѣт. У моего пребыванія в домикѣ, на холмикѣ, у передаточной станціи, почти сразу появилась цѣль, заслонившая созерцаніе, с грохотом проносившихся, ловивших на ходу стеклами окон блестки солнца, экспрессов. В грибоподобной будкѣ я разсмотрѣл два силуэта. Один из них я опредѣлил как основной, другой, его смѣнявшій, как побочный. Первому я придал такое значеніе, какого, конечно, не придал бы ему никто другой; во всяком случаѣ не тѣ, которые ему поручили заключенную в грибообразном домикѣ сложную сигнализаціонную механику. Для них он был просто служащим. Мнѣ он показался "душой разъѣзда". И для того, чтобы провѣрить свое первоначальное, поверхностное впе-

чатлѣніе, я поѣхал на другой же день в сосѣдній городок и купил там у антиквара древнюю подзорную трубу, которую и установил на треножникѣ так, чтобы мнѣ все время хорошо был виден грибообразный домик, да и не только домик, а еще и то, что было внутри его. Так разсмотрѣл я сложную систему рычагов, вспыхивающих лампочек, электрических проводов, катушки с бумажными лентами и распредѣлительныя доски с кнопками. Вообще спеціальную и усовершенствованную аппаратуру. В ея центрѣ находился интересовавшій меня силуэт, который теперь, благодаря подзорной трубѣ, перестал быть силуэтом, и пріобрѣл три измѣренія. По всей вѣроятности именно из-за того, что я смог его хорошенько разсмотрѣть, мое любопытство, первоначально бывшее только любопытством, обратилось в сложный комплекс чувств и мыслей, который и лег в основаніе моего дальнѣйшаго образа дѣйствій. Во-первых, лицо человѣка, которому я приписал сначала роль души разстилавшейся перед ним стальной сѣти, было необычным. Во-вторых, его образ жизни тоже был необычным. Сначала, стало-быть, о лицѣ. Оно было круглым, с чуть-чуть выдававшимися скулами, с чуть-чуть слишком узкими глазами, с чуть-чуть желтоватой кожей. Я тотчас заключил, что он не мѣстный житель, а иммигрант. Позже я узнал, что это так и есть. Теперь об образѣ жизни: у него были жена и дочь, с которыми он занимал небольшое помѣщеніе, по ту сторону путей; оно тоже находилось в полѣ зрѣнія моей трубы. В это помѣщеніе он удалялся, сдавая дежурство другому стрѣлочнику. Он пересѣкал пути, идя размѣренной и медленной походкой, никогда не поднимая головы. И мнѣ казалось, что даже покинув свою будку и не видя рельсовой сѣти, он продолжал быть в ея власти, жить для нея, ею и из-за нея. Какое-нибудь плоскогоріе, которое он покинул для того, чтобы прибыть сюда, воспоминанія, с ним связанныя, впечатлѣніе, которое оно могло на него наложить в дѣтствѣ, и весь обусловленный этим первым впечатлѣніем образ мыслей и образ чувств для него, думаю я, умерли. На их мѣстѣ образовалась пустота и он ее заполнил сначала учебой, и потом, когда выучился, рельсами, составами, сигналами и рычагами. Больше всего, вѣроятно, рельсами. Это я добавляю потому, что в пейзажѣ, который разстилался перед моим домиком, рельсы жили, постройки же и сооруженія никакой собственной жизнью не обладали. Навѣрно, идя домой, стрѣлочник продолжал видѣть только что покинутую сѣть путей. И ее же он видѣл садясь за стол.

"Я не мог, конечно, слышать, о чем он говорил. Но видѣть движенія его рта — мог. Их было так мало, что могу смѣло утверждать: семейный обѣд протекал в почти полном молчаніи. Его жена ему служила. Это была толстая, повидимому ничего кромѣ домашних забот и хозяйственных работ никогда не знавшая женщина. Ея лицо было до такой степени лишено выраженія, что даже о возрастѣ ея составить себѣ представленія я не мог: была ли она на 10, на 20 лѣт моложе мужа, или его ровесницей, или старше его, — видно не было. Лицо это, впрочем, искажала судорога не то жестокости, не то ненависти,

каждый раз как она обращалась к дочери с каким нибудь приказаніем. Дѣвочка срывалась со стула и все выполняла с панической поспѣшностью. С тѣм же выраженіем страха она помогала матери собрать со стола, подметать, складывать скатерть... Отец в это время садился против служебнаго телефона и курил трубку.

"Все это происходило лѣтом, вечера были длинными. Независимо от свѣта, от положенія солнца, от тишины и сіянія вечера, всегда в тот же час, ставни помѣщенія закрывались. Стрѣлочник и его семейство ложились спать. Не могу удержаться от того, чтобы тут же не добавить, что с точки зрѣнія желѣзнодорожной дирекціи сей стрѣлочник был вѣроятно идеальным стрѣлочником! Но дѣвочка, но его дочка! Она осмѣливалась — представьте себѣ! — спустя нѣкоторое время послѣ того, как и идеальный стрѣлочник, и его жена засыпали, когда вечер уже почти погасал, тихонько, тихонько, осторожно, безшумно пріоткрывать дверь, выскальзывать наружу и садиться на расположенную неподалеку, под кипарисом, каменную скамью, на которой, иной раз подолгу, оставалась, о чем-то (о чем, и как?) думая. Почти трагическим был этот образ, в серединѣ диска, очерченнаго моей подзорной трубой. И тѣм болѣе он был трагическим, что в часы утренніе, когда идеальный стрѣлочник шел на дежурство, а его жена на рынок, и дѣвочка оставалась одна, я мог ее разсматривать довольно долго. К удивленію моему я замѣтил, что эти часы она посвящала рисованію. Откуда-то у нея были карандаши и бумага, которые она, вѣроятно, и от отца, и от матери прятала. Она выходила, устраивалась на каменной скамьѣ и рисовала. Наблюсти это, впрочем, мнѣ удалось всего нѣсколько раз. Вернувшаяся как-то с рынка в неположенный час мать, увидав чѣм дѣвочка занята, буквально на нее набросилась, вырвала бумагу, смяла ее, схватила коробку с карандашами и наградила дочь нѣсколькими пощечинами. В обѣденный перерыв, за семейным столом, возник бурный разговор. Повидимому, жена разсказывала мужу про поведеніе дочери. Для начала, тот, в такт ея словам, равномѣрно наклонял голову. Но когда жена, в видѣ вещественнаго доказательства, положила перед ним коробку с карандашами, он пришел в движеніе. Взяв ее в руки, он ее нѣсколько раз безсмысленно повернул, потом что-то спросил у дѣвочки. Та молчала. Тогда он через стол дал ей пощечину и мать порывисто и грубо ее куда-то, в глубину, утащила. Должно быть заперла в чулан, подумал я. Так, с помощью подзорной трубы, я все глубже и глубже проникал в эту жизнь. Но мой способ оказался обоюдо-острым: то, что было перед моими глазами теперь, возстанавливало картины моего собственнаго дѣтства, загроможденнаго наказаніями, запрещеніями, выговорами, розгами, оплеухами и, главное, постоянным порицаніем. Это придавало всему, что я видѣл в трубу и тому, что угадывал, отличную рельефность! В тот вечер, дѣвочка из дома на каменную скамью не выскользнула. С почти физической тоской я представлял себѣ, как она сидит запертой, без свѣта, без пищи, может быть без воды. Я тут же рѣшил, что мнѣ надобно, мнѣ интересно, мнѣ облегчи-

тельно будет постараться ее из этого ада увести. Признаюсь, реверендиссимус доминус, что я думал не только о ней, принимая это рѣшеніе, но и о себѣ. Увести ее было задним числом уйти самому. Готовясь учинить жестокость и придавая ей, по моим мѣркам, очерченные контуры, я мстил и моему отцу, и моей матери за унизительныя дѣтство и юность. Дочь идеальнаго стрѣлочника мнѣ становилась настолько близкой, что морально сросталась со мной. Я начал с того, что постарался внушить ей "ненависть". Когда матери не было дома, я спускался в кафе и вызывал ее по телефону. Сначала она не отвѣчала. Но так как я свой вызов повторял по много раз, она стала отвѣчать. Перепуганный, тихонькій голосок произносил сакраментальное "алло", и ничего не прибавляя, глох. Позже, дочь идеальнаго стрѣлочника что-то бормотала. И еще позже стала слушать, сначала мои успокоенія, мои завѣренія, что ничего дурного она не дѣлает, потом указанія: тебя терзают, терзать дѣтей запрещено, если так будет продолжаться, то я подам жалобу, придут жандармы... но до этого доводить не надо, попробуй сопротивляться, посмотри какая твоя мать злющая, посмотри какой у нея толстый и противный живот, ударь ее как-нибудь кулаком в этот живот, плесни в него кипятком... Все это постепенно, понемногу, так, чтобы пріучить, так, чтобы не отпугнуть... Дойдя до извѣстнаго уровня, добившись того, чтобы она меня слушала, я убавил давленіе. Я стал говорить не о матери, а об отцѣ. Он всегда молчит. Он тебя не любит. Он только о своей службѣ помышляет, ты для него не существуешь...

"Еще немного спустя, замѣтив, что она снова стала выходить на скамью, я прошел раз, потом другой, потом третій мимо, потом заговорил, все продолжая ее к себѣ, потихоньку, в секретѣ, пріучать. И наконец, пріучив, увидав, что она меня не боится, что она даже мнѣ как-то вѣрит, я ее убѣдил, что одинокая, перепуганная она навѣрно очень много нашла бы утѣшенія в том, чтобы ласкать животных. Кошку. Собаку. Кролика. Ни о кошкѣ, ни о собакѣ рѣчи быть не могло. Она сразу, с трепетом пояснила, что ей очень хотѣлось бы имѣть собаку, но что она про это и заговорить не посмѣет. И что то же самое насчет кошки. Мнѣ только этого и надо было. Мнѣ только и надо было того, чтобы оказалось возможным ей подарить пару кроликов. Я стал втираться, и втерся, в довѣріе ея матери, с которой заговорил на базарѣ. Я навел ее на мысль, что кролики, которых кормить легко травой, которыми могла бы заняться ея дочь, будут большим подспорьем. Кролики быстро плодятся. Наконец, я довел благодѣяніе до того, что принес клѣтку, которую, сказал я, я сам смастерил, не зная чѣм заполнять досуги. А через день-два — принес и кроликов! Уход за ними, в естественном порядкѣ, пал на дѣвочку. По вечерам, проходя мимо скамьи, на которой она мечтала, я с ней про них говорил: какое это милое, какое хорошее животное, как можно привыкнуть, как жалко, что их убивают чтобы ѣсть. Потом наступил рѣшающій день: устроившись чтобы встрѣтиться с идеальным стрѣлочником, я ему, про кроликов, сказал, что они теперь, на мой взгляд, как раз всего вкуснѣй,

и что особенно они вкусны, если их обезкровить. А сдѣлать это всего легче, вырвав глаз. Вѣроятно, на том плоскогорьи, гдѣ он вырос, про это ничего не знали. Слушая меня он казался удивленным. Но я проявил краснорѣчіе и, похихикав, идеальный стрѣлочник сказал, что попробует. Тогда я возобновил телефонные звонки, усилил свою пропаганду и предупредил дѣвочку, что кроликов, для которых она собирала траву и которых полюбила, скоро убьют. Как именно убьют, я не пояснил. Но все же сказал, что убьют без состраданія, и что от ея отца это меня нисколько не удивит. И зорко за всѣм наблюдал в подзорную трубу... В нее я и увидал, как вернувшись вечером из будки идеальный стрѣлочник прошел к клѣткѣ, поймал одного кролика и вырвал у него ножом глаз, как кролик, теряя кровь, бился на травѣ, и как дѣвочка то бросалась к нему, его хватала, то отскакивала и бралась за сердце. Идеальный стрѣлочник потягивал трубку. Вѣроятно, он ничего не понимал. Вѣроятно, перед его глазами продолжали извиваться рельсы, и вѣроятно он спѣшил усѣсться у телефоннаго аппарата, чтобы не пропустить вызова, если бы таковой послѣдовал. Вечером я видѣл, как они обѣдали. Ни к одному блюду дѣвочка не прикоснулась. Когда ставни были заперты и когда, часом позже, я увидал тѣнь, прошмыгнувшую к скамейкѣ, все было готово. Багаж уложен, бензин налит, за домик на холмикѣ уплачено. Я спустился, перешел через пути, подошел к скамьѣ. Идем, сказал я дѣвочкѣ, если ты тут останешься, то только мучиться будешь. И, говоря это, думал, что и мнѣ надо было, в свое время, уйти из дому, но что мнѣ никто не помог. Пробѣл этот я и восполнял, уводя тогда, в сумерках, маленькую Зою... Теперь, за то, что вы ей предоставили заработок, пока только случайный, но который, я надѣюсь, превратится в постоянный, позвольте вас, Реверендиссимус Доминус, сердечно поблагодарить. И добавляю: все, что тут изложено, не совсѣм так произошло, как изложено. Это и дольше продолжалось, и сложнѣе было. Но принцип — понимаете ли вы? принцип! — безукоризненно вѣрен".

Я только успѣл прочесть, только успѣл наскоро что-то о прочитанном подумать, как меня вызвала стандардистка: говорил предприниматель, с которым я наканунѣ начал сговариваться об условіях сноса сосѣдняго дома и постройкѣ новаго крыла фабрики. Покончив с ним, я спустился в мастерскія. Жаркіе дни были на исходѣ. По моему распоряженію стекла, в лѣтнее время забрызганныя синей краской, отмывала спеціальная артель, и я хотѣл посмотрѣть, хорошо ли это дѣлается. Затѣм стал диктовать срочныя письма.

Телефонные вызовы, распоряженія, посѣтители, справки — всякаго, вообще, рода дѣла и занятія заслонили время до тѣх пор, когда полуденный звонок напомнил, что надо ѣхать завтракать.

13.

Теперь налицо было два существенных обстоятельства, которыя, если они не носили характера коммерческих, промышленных, юридических дѣл, были все же дѣловыми. Надо было нанять, или купить, квартиру, соотвѣтствующую моим средствам. И надо было найти форму дальнѣйших сношенiй с Аллотом и, для этого, разспросить о нем, и о Зоѣ, — Мари.

Вопрос квартирный разрѣшился проще, чѣм я опасался, что он разрѣшится. Когда я сказал Мари, что просторная и удобная теперь как бы сама напрашивается, она улыбнулась, с вниманiем посмотрѣла мнѣ в глаза и промолвила:

— С милым, говорят, и в шалашѣ рай. Я приспособлю эту пословицу к моему личному пользованiю: "с милым и во дворцѣ рай".

— И в нем, в этом "дворцѣ", ты все устроишь так, как тебѣ будет нравиться, если хочешь, то отдѣлаешь его так, чтобы он стал похожим на шалаш.

— На шалаш ему походить надобности не будет никакой. Тут не пословица мнѣ поможет, а формула. Я ея хорошенько не помню, но если ошибусь, ты меня поправишь. Не говорят ли, что двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собой? Не так ли?

— Так, моя Мари.

— Вот видишь! С тобой и шалаш, и дворец похожи на рай. Так что все равно, шалаш или дворец.

— Но ты сама, сама все выберешь...

— Теперь я хочу такую, чтобы было много свѣта, много воздуха. Я разставлю мало мебели, чтобы ничего не мѣшало, не загромождало, не загораживало тебя от меня, меня от тебя. Чтобы все было видно... Как на морѣ, как в степи. Надо чтобы самое наше счастье было нам видно! Я не хочу его скрывать. Ни от других, ни от нас.

— Но как быть с временем? Как устроить, чтобы оно не было загромождено дѣлами? Иной раз его, из-за дѣл, точно и нѣт.

— Когда ты будешь возвращаться и открывать дверь, — продолжала она, — я буду ждать тебя с *нашим* временем в руках. С тѣм, которое соберу для нас обоих в твоем отсутствiи!

Она засмѣялась.

— Как с охапками цвѣтов! С охапками нашего времени!... Но дѣл я домой не пущу. Дѣла останутся за дверью. У них прав на то, чтобы проникнуть к нам, не будет. Так же не будет, как в степи не может быть тѣсно.

— Почти мнѣ страшно про это думать, так это великолѣпно, так чудесно...

— Может быть и правда страшно, — проговорила она, на этот раз тихонько, опустив рѣсницы, — оттого страшно, что если одним очень хорошо, а другим очень плохо, то это, навѣрно, несправедливо?

Я молчал, удивленный, почти смущенный.

— Но может быть все относится к прошлому? — продолжала Мари. — Может быть наше счастье пришло для того, чтобы уравновѣсить прошлыя несчастья?

— Не знаю, право не знаю. Зато знаю, что дома дѣл не будет. так же как в степи не может быть тѣсно...

И в первый, кажется, в жизни моей, раз я подумал, что дѣла — занятіе не серьезное. Висѣть на телефонѣ, диктовать письма, свѣрять балансы, обдумывать планы производства и сбыта... к чему все это? Не глупо ли это?

— Для начала, — сказал я, — мы на мѣсяц уѣдем. И ты возьмешь с собой такія огромныя охапки нашего времени, что оно одно все заполнит.

— Ну, конечно, — отвѣтила она, совсѣм серьезно, — так и будет.

На улицѣ жизнь била ключем: прохожіе, автомобили, автобусы... В окно свѣтило солнце, совсѣм горячее, не тронутое еще едва-едва, гдѣ-то в небѣ, среди звѣзд и туманностей, замѣчавшейся осенью. До нас ей было далеко, так же далеко, как далеки были от нас мысли о том, что счастью горе нужно не меньше, чѣм бѣдность богатству.

— Гдѣ ты хочешь чтобы я искала квартиру? На берегу рѣки? У опушки лѣса? — спрашивала Мари.

— Хочу, чтобы тебѣ нравилось.

— Наверху? В первом этажѣ?

— Хочу, чтобы тебѣ нравилось.

— Я не одна. Нас двое.

— Хочу, чтобы тебѣ нравилось. Я вперед на все согласен.

— Ты всегда так занят. Как же мы поѣдем осматривать?

— Я оторвусь от дѣл. Важнѣй дѣл посмотрѣть на дверь, за которой ты будешь меня ждать, с охапками времени...

— А ты бросишь свои охапки дѣл у порога?

— За дверью.

К дѣлам мнѣ пришлось вернуться через полчаса. И одного, — важнаго, — я так и не коснулся, не спросив у Мари, знает ли она Зою, и какія отношенія связывают ее с Аллотом? Промолчать было легче, чѣм спросить. Это дѣло я "оставил за дверью". Но когда в бюро я сѣл к письменному столу, мнѣ пришлось признать, что Аллот и Зоя, которых домой я, пока, не пустил, на фабрику уже проникли!

14.

Свиданіе с Аллотом было назначено на пятницу. Но во вторник вечером мнѣ принесли пневматичку, в которой он просил о перемѣнѣ дня. "Реверендиссимус Доминус, —писал он, — признаю, что мой образ дѣйствій, хотя бы всего в эпистолярном планѣ расположенный, может послужить вам источником раздраженія. (Что было вѣрно; от одного вида аллотова почерка, мнѣ стало непріятно.) Мнѣ, дѣйствитель-

но, извѣстна императивная связь между дѣловыми людьми и временем. Извѣстно мнѣ также, что, иной раз, связь эта, принимая маніакальныя формы, приводит к тому, что не срок зависит от дѣлового человѣка, а дѣловой человѣк от срока. Но знаю я и о привилегіях аутсайдеров. Будучи, вслѣдствіе этого, увѣренным, что вы меня простите, настоящим сообщаю вам, что жду вас сегодня (а не в пятницу), в подземном кафе (слѣдовало названіе очень извѣстнаго полу-подвальнаго заведенія) начиная с семи часов. Если бы оказалось, что вы не появитесь, — гипотеза, которой нельзя отбросить! — то я сочту, что первоначальное расписаніе остается в силѣ".

Слѣдовала замысловатая фраза о признательности. Я подумал, что какое-нибудь неожиданное препятствіе, что-нибудь вродѣ пожара, помѣшавшаго мнѣ поѣхать на свиданіе с Мари, было бы кстати. Но ни пожара, ни срочной поставки машин, ни, вообще, ничего не случилось. В противуположность пути к Мари, который загромождали разныя трудности, путь к Аллоту был свободным! Больше того: подчинившись роду нездороваго любопытства, я сам поспѣшил протелефонировать Мари, что дѣла мѣшают мнѣ пріѣхать с ней обѣдать.

Едва начал я спускаться по большой, сѣраго мрамора, лѣстницѣ, по обѣим сторонам которой стояли ящики с розовыми цвѣтами, и, если можно так выразиться, заглянул под потолок низкаго этого помѣщенія, гдѣ было много столиков и много нарядных и оживленных посѣтителей, над которыми медленно колебались облака табачнаго дыма, сразу меня увидавшій Аллот мышиным ходом своим пошел мнѣ навстрѣчу. Пробираясь между столиками, он повторял, достаточно громко, чтобы посѣтители могли слышать: "Реверендиссимус Доминус, Реверендиссимус Доминус..." . Немного выходило так, точно он хочет привлечь ко мнѣ вниманіе, показать, что я гость именитый, и что он, с именитым этим гостем, на почтительно-дружественной ногѣ. "Хорошо еще что с ним нѣт Зои" — подумал я. Точно угадав мои мысли, он затараторил:

— Я один, я один. Но разумѣется, само собой, что приведшій меня сюда повод тѣсно связан с Зоей Малиновой. Даже больше: он прямо вытекает из вашего согласія принять ея рисунок, он находится в непосредственном продолженіи этого согласія. Отнынѣ, вы с ней в сообществѣ! В сообществѣ! Мы все подробно обсудим и придем к заключеніям... здравствуйте, Доминус, здравствуйте, Реверендиссимус!

Достигнув моей ступеньки он длительно потряс мою руку.

— Реверендиссимус Доминус, — повторял он, почти растроганным голосом, чуть что не со слезами на беззрачковых глазах своих.

И пока мы двигались к столику, говорил:

— Я всего в третій раз вас вижу, и всего дважды обращался к вам письменно... Но у меня такое чувство, точно мы оба уже отмѣтили внутреннее созвучіе, хэ-хэ-хэ! И тому я нахожу двѣ причины: первая, что мы если не в родствѣ, то в свойствѣ. Нѣт, нѣт, еще нѣт, свадьбы еще не было! Но можно ли усумниться в том, что она будет? И развѣ все не обстоит, в плоскости интимной, так, точно она уже была? И

вторая причина: именно та, что вы навѣрно прочли мое письмо как раз так, как я думал, что вы его прочтете, т. е. как письмо человѣка умѣющаго писать! Умѣющаго писать прикладного литератора! Литератора установившаго живую связь с объектами своих сочиненій! С натурой! С натурщиками и натурщицами! Драматурга, входящаго в видѣ дѣйствующаго лица в собственную драму, в собственную трагедію...

— Вы обѣдали? — спросил я, усаживаясь.

— Нѣт, не обѣдал. И сейчас голоден как Савонарола! Здѣсь подают отличныя шукруты с копчеными вядчинами и весьма наперченными колбасами, которыя, как утверждает дирекція, выписываются ею из-за границы. Может быть это не правда. Но что же из того? Прибавочная стоимость фантазіи, вот и все.

Пока я заказывал метрдотелю шукрут, запеченный под пармезаном сельдерей, страсбургскій пирог, салат и яблочный торт, Аллот произнес:

— Понимаю, понимаю! Для страннаго господина — странное меню! О, как я вас понимаю, Реверендиссимус! Налицо гастрономическая тематика. А тематика, как всякій знает, открывает необычайные горизонты. Именно это правило я соблюл когда писал об изъятіи Зои из семейнаго, из ро-ди-тель-скаго ада (он нѣсколько раз, с удареніем, произнес слово "родительскаго"). На самом дѣлѣ, все не совсѣм так произошло, как я описал. Но без прибавочной стоимости фантазіи не было ли бы все простой литературной фотографіей? Напримѣр: никакой подзорной трубы не существовало. Насколько, однако, лучше с трубой! Особенно не с современной, а с такой, которую держит в руках Наполеон на батальных картинах. Вы сами убѣдитесь, если захотите, сегодня же вечером... А пока давайте о дѣлах, так как я по дѣловой причинѣ рѣшился вас обезпокоить. Зоя мнѣ передала, что вы не только ея рисунок приняли, но уже за него расплатились. А так как Зоя и наблюдательна, и даже проницательна, то от нея не ускользнуло, что ея рисунок произвел на вас нѣкоторое впечатлѣніе. То-есть, что вы не просто его оцѣнили, а с волненіем...

— Рисунок Зои, — отвѣтил я, — был принят не одним мной, его оцѣнил и коммерческій директор.

— Ой, ой, ой! — воскликнул он. — Как сама жизнь все подтверждает! Просто удивительно! Сама жизнь, самое теченіе жизни...

— Что же она подтвердила? — перебил я его, раздраженно.

— Насчет прибавочной стоимости фантазіи. При чем, ваш директор? Зоя отлично поняла, что все от вас одного зависит, что *вы* рисунок приняли. Но развѣ можно было вам сразу это признать? Вот вы и ввели директора, а тут его вводите вторично. Дополнили теченіе обстоятельств. К литературному прибѣгли пріему! Если все описывать, как можно было бы вашу ссылку на директора разодѣть! В бальное платье!

— Что вы пьете? Бѣлое вино или пиво? — оборвал я его, теперь уже не раздраженно, а со сдержанной злобой.

— И вино, и пиво. Я жажду. И у меня большіе глотки. Однако, смѣю вас просить не уклоняться от основного, не прятаться за ширмы побочных вопросов. Э? Неплохо сказано: ширмы побочных вопросов! Так вот, Доминус. Моя цѣль поговорить с вами вполнѣ откровенно. Не думаете ли вы, что будет выгодно давать Зоѣ дальнѣйшіе заказы? Принять во вниманіе ея исключительныя способности и наладить с ней постоянное сотрудничество? Добавлю, что судьба Зои мнѣ не безразлична. Зоя мнѣ близка. Я ее люблю. Я состою при ней в роли пріемнаго отца. Раз вы проявили к ней такое вниманіе, а, с другой стороны, мы находимся с вами в родственных отношеніях, то лучше попросить прячущіеся за ширмами побочные вопросы из-за ширм выйти. Э? Что вы про это скажете? Так или иначе мы с вами оба и цѣликом расположены в темѣ нашего прикладного романа, так что нам обоим все должно быть ясно.

— Что нам должно быть ясно? Не понимаю.

Он даже глаз не поднял, точно мой вопрос был незаслуживающим никакого вниманія, вздором. Заложив то, что у него было во рту, за щеку, он произнес ровным голосом:

— Давайте откроем совмѣстно художественное ателье в котором Зоей и, если это окажется нужным, ея помощницами будут выполняться декоративныя работы для вашего предпріятія в первую очередь — это в видѣ, так сказать, постояннаго фона — и, в случаѣ притока заказов, и для других предпріятій. В этих условіях, я не окажусь вынужденным обращаться к вам за помощью, — буде таковая понадобилась бы, — через Мари, что могло бы ее огорчать.

— Поставили ли вы Зою в извѣстность о вашем намѣреніи поговорить со мной о вашем проектѣ?

— О нѣт, о нѣт. Как ни мало вѣроятным мнѣ казался, и кажется, отрицательный отвѣт, он все же не исключен. В случаѣ неудачи, ей вышло бы ненужное разочарованіе.

— Знаете ли вы, что на шоколадных фабриках надобность в декоративных работах возникает довольно рѣдко?

— Разумѣется, знаю, — отвѣтил Аллот, отпивая большой глоток пива и облизываясь. — Это само собой понятно. Мѣняю слегка тональность: увѣряю вас, что Зоя достойна всяческаго участія! О да, всяческаго! Она одарена и трудолюбива! Но ни дѣтство ея, ни юность радостными не были. О дѣтствѣ вы могли судить по тому, что я написал, ну а об юности я вам повѣдаю при случаѣ. А может и не повѣдаю. Скажу только, что не располагая средствами, я держал ее в совсѣм не роскошном пансіонѣ...

— Почему не дома?

— У меня не было мѣста для двух дѣвочек: Мари и Зои. Сверх того, Зоя была почти дикой, когда оказалась у меня на руках. Почти звѣренышем она была, и абсолютно скрытной.

— Мари ее хорошо знает?

— Совсѣм не знает. О! Доминус! Я остерегся совмѣстнаго воспитанія и был прав. Но все это не относится к дѣлу, к главной темѣ нашего разговора, не правда ли? Увѣряю вас, клянусь: Зоя достойна поддержки! Смѣю завѣрить, что художественное ателье избавит и Мари, и вас самих от учета побужденій, которыя будут меня приводить к просьбам о помощи.

— У вас навѣрно и помѣщеніе присмотрено, — усмѣхнулся я.

— Конечно, конечно, — затараторил он, возвращаясь к скороговоркѣ, — разумѣется. Ясно! Для живого романа, с живыми дѣйствующими лицами, помѣщеніе необходимо. Не в пустом же пространствѣ они будут вращаться? Но вѣдь вы мнѣ сами о помѣщеніи говорили. Помните? В ресторанѣ, когда такой лил дождь, когда вас вызвали к внезапно умершему владѣльцу? Вы сказали, что для расширенія фабрики будет куплен и снесен сосѣдній, ветхій дом.

— Это так и есть, — перебил я, — но только новое помѣщеніе цѣликом отойдет под мои мастерскія.

— Но дом, дом, уже пріобрѣтен Обществом? Владѣлец фабрики скончался, но, вѣроятно, акціонерное общество, акціонеры...

— Почти всѣ акціи принадлежат мнѣ.

Он повернулся в мою сторону, длительно на меня посмотрѣл и протянул:

— А-а-а...

— Я вас завѣрил в день нашего знакомства, когда, помните, за окном дождь такой лил? — проговорил я, — что матерьяльное положеніе Мари обезпечено. В этом смыслѣ теперь все стало еще прочнѣй.

— Да, да помню этот разговор. Можно ли его не запомнить? Вы тогда еще добавили, что у вас и сил, и способностей на это хватит с избытком. Как хорошо располагать способностями и силами! И большими! Так, чтобы Мари никак не могла угрожать нужда. И как способности и силы должны помогать строить планы и потом их осуществлять! Все оказывается послушным магической палочкѣ. Не из-за этого ли мы сейчас такую твердую, такую реальную под собой чувствуем почву? Э? Недурное выраженіе: реальная почва. Магическая палочка и реальная почва. Директор фабрики ставшій ея владѣльцем! Служащій превратившійся в промышленника. Вы про-мы-шлен-ник. Я стало быть вдвойнѣ был прав обращаясь к вам, жениху моей первой пріемной дочери, с просьбой основать художественное ателье для моей второй пріемной дочери. Даже если спрос на художественныя произведенія у вас спорадичен, все мое построеніе безупречно. Предлогом, предлогом послужит этот малый спрос. Отправной точкой. Затравкой. Выбивающим первую искру кремнем. А позже, я и Зоя организуем настоящій сбыт. Найдем декоративную жилу, похожую на золотоносную. Начнем вырабатывать ширмы и их расписывать. Ширмы для будуаров и афиши для выставок кошек и собак.

— Попробуйте этого запеченаго сельдерея. Он очень вкусен.

— Охотно, охотно. У меня сегодня и аппетит, и жажда. Что мы будем ѣсть послѣ сельдерея? Страсбургскій пирог, торт? И пить кофе с ликерами?

— Да.

— Всему найдется мѣсто. Когда же мы закончим, я попрошу вас проѣхать со мной загород. На такси.

— С какой цѣлью поѣдем мы загород?

— Вы увидите, как все было на самом дѣлѣ. Вы сможете оцѣнить, насколько интересно и даже увлекательно втискиваніе жизни в литературныя рамки. Реальной, протекающей на землѣ, в лѣсу, близ желѣзнодорожнаго пути, в кафе и продолженіе которой предстоит в художественном ателье. Метаморфоза. О Публій Овидій Назон, ты здѣсь, ты рядом! От грибовидной будки до художественнаго ателье. Через все это я проведу вас за руку, как ребеночка. По страницам книги проведу, которой, конечно, никогда не напишу.

— Я согласія еще не дал.

— Но уже *почти* дали. Говорю почти, так как в душѣ вы его уже дали, и осталось лишь подтвердить словами. Мнѣ извѣстно, что иной раз нужен совсѣм маленькій толчек, чтобы готовое внутри вышло наружу... Этот запеченый сельдерей великолѣпен. Но настаиваете ли вы на пирогѣ и на кофе с ликером?

— Не вижу причин отказываться.

— Куда ни шло с пирогом. Но торт и кофе нас слишком задержат. Я хочу поскорѣй поставить вас в удобное для послѣдняго толчка положеніе. В нѣкотором смыслѣ привезти вас во-время в родильный дом, в тот, гдѣ родят рѣшенія! И вы родите рѣшеніе! Э! Не плохія у меня сегодня сравненія? Но вот несут пирог. Я искренне рад тому, что его несут. Его появленіе предшествует концу обѣда. Мы скоро будем в пути! Вы не можете отказаться, вы обязаны поѣхать. Это ваш долг в отношеніи Мари, спокойствіе которой вам всего дороже. Попробуйте пирога. Он не плох, хотя, кажется, чуть-чуть маслянист.

Аллот распорядился подать счет и послать за такси.

— Я как бы принимаю командованіе, — пояснил он. — Не прогнѣвайтесь. Какой в наше время могут имѣть вѣс уколы самолюбія? Это вѣдь условность, почитай глупость.

Движеніе в этот час было небольшое и заторов не попалось. Промелькнули авеню, перекрестки и площади. Потом улицы стали уже и темнѣй. Мы скоро оказались в загроможденном фабриками и заводами пригородѣ. Со всѣх сторон надвигались неуклюжія и асиметрическія постройки, металлическія фермы, унылыя изгороди, на смѣну которым пришло обсаженное деревьями и скупо освѣщенное шоссе. Шофер зажег фары. Было совсѣм темно, но все же можно было разсмотрѣть по сторонам поля и, кажется, рощи. Кое-гдѣ мелькали огоньки. Позже они стали многочисленнѣй и мы въѣхали в довольно большую деревню, может быть даже городок, в серединѣ котораго была площадь-перекресток. Шофер взял влѣво, спустился в ложбину, пересѣк совсѣм малень-

кую деревню и еще раз свернул влѣво. Маршрут был сложный, но, видимо, он его знал. Мы оказались в лѣсу. Ярко освѣщенная фарами дорога бѣжала между темными, близко подступавшими деревьями. Все казалось пустынным. Прислушиваясь к своим ощущеніям, я говорил себѣ, что цѣль поѣздки мнѣ почти извѣстна, но предпочитал не уточнять. Неопредѣленность соотвѣтствовала противорѣчію между равномѣрным движеніем и окружавшей нас темной неподвижностью.

Так или иначе я уже был в нѣмом договорѣ с Аллотом. Припомнив его сравненіе с родильным домом, я нашел его удачным. Любопытство мое подогрѣвало желаніе узнать, в чем будет заключаться "послѣдній толчок", — до котораго, по всей видимости, было уже недалеко. Я спросил себя, почему Аллот, всегда такой многословный, теперь молчит. Как раз, вздохнув, он протянул: "да-а".

— Что да? -- спросил я.

— Все взвѣсив и перевзвѣсив я прихожу к выводу, что у меня нѣт никаких основаній безпокоиться о Мари.

— Разумѣется, — усмѣхнулся я.

— Мир ея сердца цѣликом в ваших руках, и руки эти мнѣ кажутся надежными.

— Если посмотрѣть в корень, вас это не касается, — отнесся я, стараясь быть ироническим и непріятным. — Оффиціально вы не пріемный отец Мари. И она даже проявила нервность, когда я, ничего не зная, назвал ее мадмуазель Аллот. Кромѣ того, ей уже 21 год.

— Совершенно вѣрно. Насчет же Зои, могу сказать, что хотя она мной и не удочерена, заботы о ней лежат на мнѣ.

— Именно так я и понял все, что вы мнѣ сегодня говорили. А наша совмѣстная экскурсія...

— Что наша совмѣстная экскурсія?

— Не стоит ли она в нѣкоторой связи с вашей заботой о Зоѣ?

— Восхищен вашей проницательностью, Реверендиссимус Доминус! — воскликнул Аллот, — и, примѣнительно к этому восхищенію, позволяю себѣ напомнить, что в ресторанѣ я вам сказал, что *почти* увѣрен в вашем согласіи учредить художественное ателье. Я подчеркнул: *почти*. Для того, чтобы это почти отпало, нужно рожденіе вашего рѣшенія. С этой цѣлью я вас и везу теперь в "родильную клинику". Хочу обставить рожденіе рѣшенія наилучшими условіями.

— И вы увѣрены в том, что достигнете цѣли?

— Увѣрен.

— А что вам эту увѣренность дает, позвольте вас спросить?

— Созерцаніе дѣйствительности всегда поучительно, — сказал Аллот сентенціозно. — А в данном случаѣ вам предстоит, кромѣ этого созерцанія, увидать задній ход. Вслѣдствіе чего, вы познакомитесь с оголенным.

— Нельзя сказать, что все это слишком ясно. Не пересмотрѣть ли вам ваш расчет?

Шофер, замедлив ход, сказал, что мы приближаемся и Аллот стал

слѣдить за тѣм, как развертывалась лента шоссе. Поворот был близок, мы свернули и еще километра полтора проѣхали по узкой дорогѣ. Лѣс разступился. Теперь кругом были поля и в небѣ, среди облаков, можно было отыскать нѣсколько звѣзд. Внезапно сзади стал нарастать грохот. Я не успѣл понять в чем дѣло, как раздался рѣзкій свисток и, освѣщенный, напряженный, только своей скоростью занятый, промчался экспресс. Аллот приказал остановиться.

— Подождите нас здѣсь, — отнесся он к шоферу, — мы вернемся через полчаса.

Мы зашагали по темной и пустой дорогѣ.

Метрах в двухстах перед нами, блестѣла неяркая ампулка и можно было различить группу домов, раздѣленных не то улицей, не то дорогой. Справа, обратясь фасадом на эту улицу и упершись задней стороной о холмик, стоял одноэтажный дом, главное окно котораго было еще освѣщено.

— Это кафе, — пояснил Аллот.

Когда мы почти с ним поровнялись, он свернул в сторону и, по узенькой крутой тропиночкѣ, обошел его сзади. Поднявшись до половины пригорка, он замедлил шаг, явно отыскивая знакомое мѣсто.

— Здѣсь, — прошептал он наконец и, остановившись, раздвинул руками низкорослый кустарник.

Мы были немного ниже крыши зданія. Продолговатое и узкое окно, почти фортка, позволяло заглянуть во внутрь помѣщенія.

— Без перемѣн, — сказал Аллот.

Посмотрѣв в свою очередь, я увидал в глубинѣ нѣсколько столиков и спину стоявшаго за прилавком кабатчика. В глубинѣ, налѣво, находился еще один стол, за которым сидѣло что-то такое, что иначе чѣм потерявшим человѣческій образ чудовищем, назвать я не могу. Нечесанная, грязная, краснорожая баба, с неподвижным, мутным взглядом, крѣпко сжимала руками бутылку. Пока я смотрѣл, она налила себѣ стакан, выпила и снова уставилась в одну точку. Через минуту налила снова, и на этот раз бутылка была опорожена. Тогда глаза бабы повернулись в сторону кабатчика и она что-то сказала. Тот отрицательно покачал головой. Баба начала колыхаться, заголосила и попыталась встать. Хозяин тотчас уступил и подал новую бутылку. Она наполнила стакан, который и выпила залпом.

— Узнаете? — прошептал Аллот.

Вопрос этот и был тѣм, что называют послѣдней каплей. Я увидал перед собой превратившуюся в развалину, преждевременно состарившуюся, распухшую, оскотенѣвшую Зою. Испытанный игрок Аллот умѣло разставил пѣшки! Его вопрос всего на долю секунды предшествовал моему собственному заключенію, и был не чѣм иным, как до предѣла умѣлым насиліем.

— Идемте, — сказал он.

Я думал, что мы вернемся к автомобилю. Но Аллот повел меня дальше по тропинкѣ, и, сначала поднимаясь, потом спускаясь, мы ока-

зались у строенія, разсмотрѣть которое в темнотѣ я смог только приблизительно. Зато убѣгавшіе в ночь, чуть поблескивавшіе рельсы бросились мнѣ в глаза тотчас же и с отчетливостью.

— Вот, — сказал Аллот, — домик, в котором я жил. А дальше за ним помѣщеніе сторожа. Он всего сторожем был, не стрѣлочником. Да и разъѣзда тут нѣт. Никакой подзорной трубы нужно не было.

Разстояніе между шлагбаумом и домиком было метров в тридцать-сорок.

Подчиняясь импульсу, которому я и не пытался найти объясненія, я напрягал вниманіе, стараясь хорошенько все запомнить. Тѣни, неподвижныя деревья, рельсы разлагали письмо Аллота на составныя части, освобождая сокровенную его сущность от малодушнаго вымысла. Мрак стыдливо прикрывал подробности.

Аллот тронул мое плечо.

— Я иду вперед, — сказал он, начиная шагать. — Я буду вам предшествовать.

Так мы обогнули кафе, но когда вышли на дорогу, он остановился, чтобы дать мнѣ с ним поравняться.

— Я вам указал путь, Реверендиссимус Доминус, — проговорил он. — Я ваш предтеча. Надо ли добавить, что я не считаю себя достойным и обувь вашу нести? Хэ-хэ. Надѣюсь вы не обижаетесь?

— Лучше бы было вам молчать.

— Молчать, как раз когда рѣчь заходит о главном? О практической, о реальной, по мѣркѣ земных дѣл скроенной, в нѣкотором смыслѣ полицейской власти, которую я вам предлагаю?

— Аллот, замолчите! Имѣйте в виду, что если вы таким путем хотите на меня повліять, то попросту теряете время.

— Теряю время? Хэ-хэ!

— Перестаньте.

— Но я говорю совершенно серьезно, Доминус. Я только что вам объяснил и теперь повторяю, что считаю себя за вашего предтечу. Хэ-хэ.

— Если вы не прекратите...

— Если я не прекращу? Ну, ну! Кругом мрак, сырость и лѣс. И нас ждет единственный в сих мѣстах автомобиль. Гораздо лучше меня выслушать чѣм рѣшиться на ночевку под деревьями. Так вот. Слушайте хорошенько: творить милостыню надлежит в тайнѣ.

Он помолчал и прибавил:

— Не довелось ли вам только что наблюсти удручающее, и не почувствовали ли вы за ночными этими силуэтами нѣчто еще болѣе удручающее?

Я недоумѣвал. Что ему было нужно?

— Да, да, — продолжал он, — не забывайте, ни на минуту не упускайте из виду, Реверендиссимус, что тот, кто вам предшествует, о себѣ не помышляет. Всего-на-всего могу вам посовѣтовать: не стремитесь к тому, чтобы тайное стало явным. Пусть несчастныя окажутся

окруженными вашими заботами. Благодаря мнѣ вы увидали скрытое, — храните его в сердцѣ вашем и да не оскудѣет рука ваша.

— Если вы стремитесь к тому, чтобы я сорвался с нарѣзов...

— Сорвался с нарѣзов! Бывают же выраженія. Ох-ох-ох-ох-ох-ох. Доминус. Сорвался с нарѣзов! Да не о спасеніи ли души вашей идет рѣчь? Горе отказывающим в помощи тѣм, кто гибнет. Проклятіе богачам презирающим нищих!

— Не кривляйтесь, не паясничайте. Скажите попросту: чего вы хотите? Что вам нужно?

— Уж не предположили ли вы, что мной руководит любостяжательство? Бѣдный, бѣдный Доминус. Поясню: если вам показалось, что над вами совершено тайное насиліе, то помните, что насиліе это было благожелательным. Его подоплека не зло, а добро. Я близко принимаю к сердцу судьбу Зои и спокойствіе Мари мнѣ дорого. Так что не переступайте черты, вѣрнѣй не прибѣгайте к единоборству. Гораздо лучше...

— Что гораздо лучше?

— Гораздо лучше чтобы художественная мастерская была основана и процвѣтала. И чтобы никакая забота не омрачала душу вашей невѣсты. О Реверендиссимус Доминус. Вы же видите, что я не фарисействую и что моя мораль — это активная мораль праведника. Клянусь вам, что иной раз выпавшая на мою долю отвѣтственность кажется мнѣ превосходящей силы простого гражданина, и что без потусторонних вмѣшательств я погиб бы. По счастью, вмѣшательства всегда были тут как тут. Там знают, что я добр, и это учитывают. Ох-хо-хо! Сегодня я это ощутил с особой четкостью. Меня точно вдохновило и я тотчас же с вами подѣлился, пояснив, что сам останусь в тайнѣ, и что вы единственный, которому я позволил заглянуть в сокровищницу моих побужденій. Но вон, в десяти метрах, наше такси.

Мы приблизились к автомобилю. Аллот открыл дверцу и вошел первым. Слѣдуя за ним я видѣл как он точно вполз на сидѣніе: сѣрая какая-то была передо мною масса. Едва мы тронулись, я обернулся. В темнотѣ страшных беззрачковых глаз видно не было, но я почувствовал, что они направлены в мою сторону, и, признаюсь, показалось мнѣ тогда, что взгляд Аллота, нащупав в моей нервной системѣ слабую точку, вонзил в нее род жала, проник в глубину и со спокойной точностью выпустил каплю яда.

Автомобиль быстро ѣхал по пустынной дорогѣ. Когда шофер замедлил на перекресткѣ, Аллот произнес:

— Вознесем хвалу Всевышнему. Поистинѣ безгранична милость Его. Она лучше и прочнѣй утверждает и надежды и безопасность, чѣм самая бдительная полиція.

Я не реагировал.

У дверей гостиницы, уже стоя на тротуарѣ, он сказал:

— До свиданія, Доминус. Я вам протелефонирую в самое ближайшее время. Из нашей экскурсіи вытекло нѣсколько вопросов, тре-

бующих отвѣтов. Без них практическая сторона рискует остаться не совсѣм ясной.

Я промолчал.

Дома я почувствовал совершенную растерянность, думая о постоянных предосторожностях, которыя придется принимать. Во всякую щель, каждый день мог вѣдь добраться до нас с Мари аллотов взгляд. Да и сам он, мышиной своей поступью, всегда мог проникнуть в нашу переднюю, в нашу столовую, в нашу спальню. От одной мысли об этом мнѣ дѣлалось страшно.

Я упрекнул было Мари за то, что она нас познакомила. Но мысль эту тотчас же и откинул, сказав себѣ даже, что Мари была права, что это было с ея стороны предосторожностью, дававшей возможность приготовиться. Но уже мнѣ надо было хитрить, скрывать, недоговаривать...

Когда, успокоившись, я вызвал Мари и услыхал ея голос, то обступившія было меня тѣни отодвинулись. Мари уже лежала. Она сказала, что осмотрѣла четыре квартиры и что не может рѣшить, какая лучше, радостно при этом повторив все, что мнѣ так понравилось об охапках времени...

15.

Если кто-нибудь, проснувшись, хоть косвенно сравнит свои ощущенія с тѣми, которыя, предположительно, мог испытать извлеченный из могилы и уже разлагавшійся Лазарь, — то налицо всѣ поводы для безпокойства. Как раз так все сложилось на слѣдующее утро, и одно только я нашел средство чтобы такое состояніе духа преодолѣть: разозлиться. На кого, на что — не знаю. Знаю, что гнѣв мнѣ помог, что послѣдовавшая за ним прохладная ванна и крѣпкій кофе привели меня в равновѣсіе. Я поѣхал на фабрику. По установленному правилу, у стандардистки был список лиц, для которых я не был "срочно занят", или не "отсутствовал". Проходя мимо ея бюро я, в тот день, попросил внести в этот список привилегированных Леонарда Аллота. Затѣм прочел письма. Одно из них было от нотаріуса, просившаго меня заѣхать, чтобы обсудить нѣкоторые вопросы, касавшіеся моего приморскаго владѣнія.

Вскорѣ послѣдовал вызов Аллота, который выразил желаніе притти для продолженія переговоров. Но я был так занят, что попросил его повременить, что, судя по его интонаціи, оказалось ему не по душѣ. "Он, кажется, спѣшит" — подумал я. Но дѣла тоже спѣшили. Утро вышло переполненным, и только к полудню мнѣ удалось вырваться, в чуть-чуть раздраженном настроеніи.

Но ожидавшая меня за столом Мари казалась привѣтливѣй, яснѣй, нѣжнѣй чѣм когда бы то ни было. Она меня обняла, прошептала

ласковыя слова и добавила, что послѣ завтрака мы поѣдем осматривать квартиру.

Когда, часом позже, мы подъѣхали к только что достроенному, не слишком высокому, дому, когда поднялись на лифтѣ во второй этаж и задержались перед дверью, которую отпирала предупредительная швейцариха, мнѣ казалось, и Мари, навѣрно, казалось так же как мнѣ, что наше время сложено в ожидавших нас просторных комнатах цѣлыми стогами. Было это до послѣдней степени привлекательно. Мари, — на этот раз слегка шалунья, — весело улыбалась. Все было симпатично, все очаровывало. И так согласно, так вѣрно все произошло, до такой удивительной степени ожиданіе ни в чем нас не обмануло, настолько было радостно увлеченіе Мари, уже наканунѣ квартиру осмотрѣвшей и теперь мнѣ ее "показывавшей", что тут же, отбросив первоначальное намѣреніе посѣтить еще другія, я, — нѣт: мы, — рѣшили подписать контракт.

Но самой восхитительной улыбкой приближавшагося счастья была, как выразилась Мари, "репетиція". Когда мы со всѣм согласились, все нашли соотвѣтствующим нашим пожеланіям, нашим требованіям: и мѣсто, и свѣт, и расположеніе комнат, и их размѣры, — и направились к выходу, и вышли на площадку, и швейцариха вынула из кармана ключи, чтобы запереть, Мари прошептала:

— Одну минутку.

Вслѣд за тѣм она вернулась в переднюю и захлопнула за собой дверь. Не понимавшая что это значит швейцариха удивленно на меня смотрѣла. Я тихонько постучал, дверь распахнулась и передо мной оказалась Мари, с протянутыми ко мнѣ руками, с единственной в мірѣ улыбкой на губах, с сіяющими, на этот раз совсѣм не спрятанными рѣсницами, глазами.

— Так? — спросила она.

Я ничего не отвѣтил. Я ее обнял, крѣпко прижал и нѣжно поцѣловал.

16.

К этому времени объятія фабрики становились все требовательнѣй. Даже в часы отдыха она меня не оставляла. Хотѣл я того, или не хотѣл, мнѣ приходилось думать о связанных с ней вопросах, готовиться к рѣшеніям, соображать то, взвѣшивать это. Так что к нотаріусу я выбрался и с трудом, и наспѣх. Он сообщил, что оставленное мнѣ (помимо фабрики) имѣніе невелико, что там есть два дома, один довольно большой, господскій, другой поменьше, в котором живет управляющій. В большом домѣ была, как он мнѣ сказал, хорошая обстановка, цѣнная мебель, старая посуда, книги, ковры... В свое время покойный проводил там по нѣсколько мѣсяцев в году, но возраст и пошатнувшееся здоровье прекратили эти ежегодныя побывки. Вокруг дома было немного земли, преимущественно под виноградником, небольшой огород,

нѣсколько фруктовых деревьев, были кролики, птица, двѣ козы. Все это, конечно, удовлетворяло только нужды управляющаго, который жил там безвыѣздно, и которому покойный переводил жалованіе и, время от времени, суммы на текущій ремонт.

— Повидимому, — сказал нотаріус, — что-то его связывало с этими мѣстами.

Но он не смог сказать, что именно.

— Все расположено на берегу моря, — прибавил он, — и сколько можно судить по фотографіям, мѣстность пустынная и глухая. Чтобы там жить, не надо опасаться одиночества.

— У управляющаго семья?

— Жена. Он далеко не молод. Не могу сказать, есть ли у него дѣти; если есть, то они не с ним. Для того, чтобы вести хозяйство, он берет иногда рабочаго, и жалованіе ему переводили отсюда.

В общем, сообщенныя нотаріусом свѣдѣнія были скупы. Все же было ясно, что корней, уходивших в далекое прошлое, быть не могло: имѣніе было купленным и купчую крѣпость, нѣсколько десятков лѣт тому назад, составлял отец теперешняго нотаріуса, тоже бывшій нотаріусом.

Покинув его бюро я почувствовал, что мнѣ надобно съѣздить осмотрѣть и дом, и окружающую его мѣстность, что бѣглый и дѣловой разсказ далеко всего не исчерпывает, и что — больше того — не поѣхать было бы родом неблагодарности, или неуваженіем воли умершаго. Но ревнивая и капризная фабрика не допускала отлучек. И была Мари, которую мнѣ не хотѣлось покидать даже не надолго. Я помыслил не взять ли ее с собой, если бы рѣшился на поѣздку, но это пришлось отбросить: ея почти болѣзненная впечатлительность с одной стороны, и нежилой дом в дикой и глухой мѣстности с другой могли бы слишком на нее повлiять.

Я уже готов был ограничиться письменными распоряженіями и не уѣзжать, когда, у фабрики, попал в какой-то особенно страшный автомобильный затор. Он так долго не разсасывался, что мнѣ пришлось оставить такси и итти пѣшком, по жарѣ, в толпѣ, вдыхая бензиновые пары, запах какой-то гари, какой-то кислятины... В бюро один телефонный звонок слѣдовал за другим, одно распоряженіе нагоняло другое, в один разговор врывался другой. И вот тогда-то пустынный морской берег, старый дом, виноградник и тишина властно поманили меня. Я послал управляющему депешу, извѣщая о прибытіи и прося встрѣтить, предупредил по телефону Мари о неизбѣжности недолгаго путешествія, поручил, скрѣпя сердце, наблюденіе за фабрикой помощнику, и в тот же вечер выѣхал на юг.

До того, как протянуться на узенькой и некомфортабельной кушеткѣ спальнаго вагона, я долго сидѣл у окна, слѣдя за колыхавшимися тѣнями ночи и мелькавшими, в отдаленіи, огоньками. Потом был сон, и, на утро, был веселый вокзал небольшого провинціальнаго городка, и были площадь перед ним, и оживленное кафе, в котором мнѣ

пришлось ждать автокара, и непривычный южный говор, и негорячіе еще солнечные лучи, их обиліе и их щедрость, и разсѣянная, казалось, в самом воздухѣ доля лѣни.

В окно автокара, который подали с запозданіем, всѣми принятым благодушно, я смотрѣл на побѣжавшіе по обѣим сторонам дороги зеленые виноградники, рощи, фруктовые сады, отдѣльныя фермы с прожженными солнцем, пересушенными вѣтром старыми черепичными крышами, с каменными, вокруг них, оградами, с колодцами во дворах. Через два часа ѣзды автокар остановился на главной улицѣ большой деревни, и шофер сказал, что я пріѣхал.

Среди нѣскольких, ожидавших у остановки человѣк, был и управляющій, сразу же меня отличившій и подошедшій поздороваться: облик мой, дѣйствительно, ни в чем не соотвѣтствовал деревенским силуэтам. Мы усѣлись в маленькій и старенькій автомобиль и тронулись по дорогѣ, ласково пробиравшейся между все такими же зелеными, такими же свѣжими виноградниками. Вскорѣ, однако, начался некрутой, но длинный подъем, виноградники стали рѣже, худосочнѣй, их смѣнила твердая, усѣянная булыжниками, земля, сквозь которую, тут и там, выглядывали зазубрины известковой подпочвы. Ютились пучки сѣрых, пахучих трав, от мѣста до мѣста зеленѣли раскидистыя сосны. Но вскорѣ онѣ исчезли и пошли мхи, лишайники, рѣдкій и низкорослый, колючій дубняк...

Мы все поднимались. Управляющій пояснил, что мы взбираемся по плоскогорью, которое, у моря, обрывает почти отвѣсная скала. И дѣйствительно, приблизившійся горизонт указывал на скорую перемѣну. Мы свернули вправо, начали спускаться в род ущелья: по обѣим сторонам дороги теперь были темныя скалы. Еще один поворот и внезапно открылся вид на море, на уходившій вдаль, песчаный пляж, на бѣлое кружево прибоя, на ставшее вдруг огромным, словно открывшимся, небо, на лѣпившіяся тут и там к обрыву деревья, и, так как на все это мнѣ пришлось взглянуть сверху, совсѣм не будучи к такой перемѣнѣ готовым, то впечатлѣніе оказалось нѣсколько ошеломляющим. Воздуха, свѣта и пространства было столько, что сразу я ко всему не приноровился, и поймал себя на каком-то внутреннем усиліи. "Напор раздолья, — сказал я себѣ, — такого раздолья, которое горожанам невѣдомо". Как раз все это было обратным стиснутой столичной жизни!

У самой почти подошвы скалы, метров, вѣроятно, на пятьдесят, а то и на восемьдесят ниже нас, до того как начинался песок пляжа, виднѣлась полоска плодородной земли, по которой растянулся виноградник. Теперь дорога слѣдовала естественным уступам и вскорѣ мы приблизились к роду мыса, вдававшагося в пляж, на краю котораго, среди трех десятков сосен, кипарисов и вѣчно зеленаго дубняка, виднѣлось два каменных строенія, крытых черепицей, с виду старинных, но хорошо отремонтированных: окна, двери, ставни, все было свѣтлое и крѣпкое. Недалеко, из щели утеса, падала струя воды.

— Вот, — сказал управляющій, — ваше владѣніе. Там, ниже, у самаго подножья, почти гдѣ начинается песок, огород. Его только оттого и можно держать, что есть водопадик.

Мы съѣхали на площадку, расположенную перед главным домом, и остановились на нѣкотором от него разстояніи. Почти под крышей было забранное рѣшеткой небольшое окно, и под ним массивная дверь, которая не замедлила открыться, чтобы пропустить старую, сморщенную женщину. Постояв секунду чтобы дать привыкнуть глазам, она двинулась нам навстрѣчу и привѣтливо поздоровалась. Все сразу же мнѣ понравилось. И самый дом, и то, как он был расположен, и деревья вокруг него, и открывавшійся в обѣ стороны вид на пляж, и шум недалекаго моря, и обиліе солнца, воздуха, пространства.

Мы вошли в первую комнату. На стоявшем в серединѣ большом дубовом столѣ был приготовлен утренній завтрак: старинный, фаянсовый прибор, с отдѣленіями для кофейника и для молочника, сахарница, на тарелочкѣ желтоватое масло, вазочка с вареньем, другая с медом, хлѣб...

— Молоко у нас только козье, — предупредила жена управляющаго.

— У вас тут такой мир, — отвѣтил я, внутренне удивляясь и своему тону, и своим словам, — что душа как-будто сама укладывается в нарочно для нея приготовленный, обитый шелковым бархатом футляр.

Не поняв, она вѣжливо промолчала. Да я сам, понимал ли настоящее значеніе моих слов? Конечно нѣт. И не знал, почему мнѣ это могло притти на ум. Может они и соотвѣтствовали чему-то, разливавшемуся вокруг меня в прозрачном воздухѣ? Но о своем ли я говорил покоѣ? О футлярѣ для моей ли души?

Управляющій продолжал молчать — он был исключительно неразговорчив. Но жена его, которая, послѣ кофе, провела меня по комнатам, чисто убранным, тщательно подметенным, разсказала, как "старый господин", давно уже не пріѣзжавшій, любил и цѣнил этот дом, и был ревнив к соблюденію им самим установленнаго порядка.

— Он тут грустил и отдыхал, — говорила она, — и одиночество ему было, как молитва. Нельзя его было нарушать. Он даже распорядился почту подавать не чаще двух раз в недѣлю. По большей части он читал, иногда бродил по пляжу. Иной раз его окно свѣтилось почти до утра. В послѣдній его пріѣзд, у него часто болѣло сердце и он много лежал. Послѣ этого мы его не видѣли.

— А что его к этим мѣстам привязывало? Дом вѣдь не наслѣдственный, купленный?

— Не знаю, не могу сказать. Хоть мы и давно в его услуженіи, но первые годы, послѣ покупки, были другіе, не здѣшніе. Они уѣхали на родину, и не вернулись. Тогда мы заступили. Но мы тоже из другого департамента и мало кого тут знаем, и не разспрашивали.

Управляющій предложил произвести полную ревизію хозяйства и подробный осмотр всего, но я его предложеніе отклонил.

— Так как все останется попрежнему, — сказал я, — надобности в этом нѣт. Он мнѣ не только дом оставил, но еще и довѣріе, которое у него было к вам.

— По крайней мѣрѣ обойдемте владѣніе?

На это я согласился, и он все мнѣ показал, всюду меня провел. По дорогѣ, спускавшейся к подножью скалы, мы добрались до виноградника. Нѣсколько довольно тощих фруктовых деревьев росли между лозами.

— Для хороших сборов, — пояснил управляющій, — тут слишком много вѣтра. Все же каждый год мы собираем то, что нам нужно, и иной раз даже и продаем немного. Вино, не очень крѣпкое, по большей части бывает вкусным.

У конца лозовых полос я собирался было повернуть, но он мнѣ пояснил, что хоть дальше идут безплодные пески, до межи владѣнія остается еще добрых четверть километра.

— Мнѣ хотѣлось бы, — добавил он нерѣшительно, — с вами туда пройти.

Через нѣсколько минут мы достигли новаго выступа, меньшаго чѣм тот, на котором была усадьба, но все же довольно упрямо врѣзавшагося в пляж. За ним ютилось старое строеніе.

— Эта бывшая часовня — ваша, — сказал управляющій, — потом идут государственныя угодья.

Он отпер ржавым ключом покоробленную старую дверь, и, шагнув, я оказался в сводчатом помѣщеніи. Пол был устлан истертыми каменными плитами. Сквозь удлиненное, стрѣльчатое окно, пробиралось не слишком много косых лучей, и в них дрожали пылинки. Часовня была приспособлена под жилье: досчатый стол, покривившаяся желѣзная койка с плоским, затасканным тюфяком, полки, стѣнной шкафик с кое-какой посудой, старенькая чугунная печка.

— Тут кто-нибудь живет? — спросил я.

— Теперь никого. Но нѣсколько лѣт подряд помѣщеніе это занимал, по распоряженію покойнаго хозяина, отставной унтер-офицер колоніальной артиллеріи, инвалид. Уже старый. Позже он расхворался, я его отвез в городскую больницу и там он умер.

В оставшуюся открытой дверь виднѣлось море и, влѣво, уступы плоскогорья, у подножья котораго мы только что прошли. В разсѣлинах скал росли колючій кустарник, пахучая трава. Овладѣвшіе мной с утра солнце, море, воздух, тишина теперь, с особенной силой, противупоставлялись недавно покинутым шумам города. Старая часовня, в которой, сколько можно было судить, уже давно никаких служб не было, располагала к благочестивой сосредоточенности, и это новое для меня чувство словно вліяло на самый ход времени: он замедлился, стал торжественнѣй. Минуты наполнились совсѣм иным, чѣм в столицѣ, содержаніем, опредѣлить которое я не взялся бы, но которое чувствовал яв-

ственно. Что-то, что можно пожалуй назвать "чистым временем" — временем, не заполненным ожиданіем, не прячущим никаких вопросов, скорѣй, может быть, обращенным к прошлому, чѣм к будущему. А может и совсѣм неподвижным? Не знаю...

Мы молча вышли и зашагали по песку, потом между лозами чтобы подняться на площадку, гдѣ нас ждала жена управляющаго. Она освѣдомилась о моих кулинарных предпочтеніях и собралась уже было накрыть стол в главном домѣ, но я рѣшительно воспротивился и немного позже мы позавтракали втроем, в их домѣ, в большой кухнѣ, совсѣм по патріархальному, и я рад был отвѣдать простой и по-новому вкусной деревенской кухни. Все тут располагало к спокойствію, к радости и счастью и я, то и дѣло, ловил себя на мысли, что мѣста эти, навѣрно, придутся по вкусу Мари, и что мы с ней будем проводить здѣсь все наше свободное время; и что, может быть, иной раз она будет тут оставаться одна, или пріѣзжать первой и поджидать моего прибытія.

Послѣ завтрака я подробно осмотрѣл большой дом. Он был со вкусом обставлен красивой, старинной мебелью, на стѣнах висѣло нѣсколько полотен, была библіотека с пріятным подбором отлично переплетенных книг. В рабочем кабинетѣ стоял большой письменный стол, с многочисленными ящиками. Ключ от него мнѣ вручил управляющій, сказав, что он отпирает все сразу. Я долго не рѣшался его вставить в скважину и повернуть. Как, в самом дѣлѣ, даже будучи полноправным наслѣдником, посмѣть прикоснуться к той части наслѣдства, гдѣ, может быть, хранятся секреты, или даже тайны, или такія вещественныя воспоминанія, к которым сам покойный мог притрагиваться лишь с благоговѣйной сосредоточенностью? У каждаго из нас есть что-нибудь настолько личное, интимное, что малѣйшій намек может принять образ, если не оскорбленія, то нескромности. В этих ящиках могло случайно остаться что-нибудь такое, что не предназначалось ничьему взору.

В сущности я так мало знал о моем благодѣтелѣ. Он никогда мнѣ не говорил о прошлом, о том, как он жил, каким был в юности, в зрѣлом возрастѣ. Возможно, что у него была семья, гдѣ-нибудь исчезнувшая, или им брошенная, о которой он не хотѣл вспоминать, или, наоборот, вспоминал так, что не мог ни с кѣм подѣлиться. Никому не мог довѣрить ни одной частицы давившаго его горя, или слишком исключительнаго и внезапно оборваннаго счастья. Вѣдь прошел же он через тѣ годы, когда чувства становятся полновѣсными и возможности независимой жизни готовы их принять, как должное, в великолѣпное свое лоно? Все это и, конечно, многое другое было задернуто густой вуалью. Единственный его родственник, коротконогій и сангвиническій господин, с тараканьими усами, котораго я видѣл при вскрытіи завѣщанія, был враждебен, непріятен, почти груб. Он появился и исчез с равной стремительностью. Его выпады против меня не были лишены основанія, так как он был родственником покойному, хоть и

дальним, хоть и поссорившимся с ним, хоть и извѣстным нотаріусу с самой непривлекательной стороны, но все же родственником, в то время как я ему не приходился ничѣм. Угрозы опротестовать завѣщаніе были, в сущности, довольно вѣски. Но он ничего не предпринял, ничѣм и никак себя больше не проявил, и в этом я почерпнул лишнее доказательство тому, что думал раньше — именно, что мой благодѣтель был "один на землѣ".

И вот теперь у этого большого стола, с ключом в рукѣ, я находился у рубежа, я мог, повидимому, шагнуть в прошлое и если не вполнѣ его освѣтить, то составить себѣ о нем нѣкоторое представленіе, лучше узнать, кто был тот, который незадолго до кончины меня пригрѣл, обласкал, и потом поручил слѣдить за тѣм, что оставил на землѣ. Я присаживался к столу, отходил от него, снова к нему возвращался, что-то в душѣ перебирая, как перебирают музыканты струны: не то любознательность, не то опасеніе стать свидѣтелем слишком неожиданнаго, не то, наоборот, упрек себѣ в недовѣріи.

Позже я вышел на площадку и долго смотрѣл на скалу, на море, на небо, и только к вечеру, когда солнце обозначило намѣреніе приступить к началу грандіозной церемоніи заката, когда золотые лучи, еще продолжавшіе литься, перестали все затапливать, уступая часть мѣста красным, лиловым, фіолетовым, розовым, зеленым, серебряным — я вернулся домой, вложил ключ в скважину и повернул его. Раздался тихій звон.

Один за другим я выдвинул ящики. Всѣ они были пусты. Разочарованіе? Недоумѣніе? Подозрѣніе, что кто-то их уже опорожнил? Возможно, что одно из этих чувств, или всѣ они вмѣстѣ, и шевельнулись тогда во мнѣ. Но если так было, то на очень коротенькое мгновеніе. Тотчас же на смѣну пришла волна благодарности за то, что, покидая жизнь, он мнѣ поручил заботу только о том, что оставлял в ней дѣлового, точнаго, крѣпко установленнаго на землѣ, такого, чему не должно быть мѣры ни в сердцѣ, ни в душѣ. Возможно, конечно, что фабрика и дѣла заполняли какую-то пустоту, или отгораживали от горя, или заслоняли какое-то воспоминаніе. Но могло ли это быть чѣм-нибудь иным, чѣм надстройкой? Теперь пустые ящики, долго остававшіеся запертыми в нежилом домѣ, в этой пустынной мѣстности, поясняли, подтверждали догадки, говорили больше, чѣм могли бы сказать пожелтѣвшая рукопись, связка старых писем, поблекшія фотографіи, тетради дневника. Настоящее он взял с собой. Было ли это памятью о неудачной любви, об умерших дѣтях, о невѣрной женѣ, — как можно мнѣ было узнать? Посмертной грустью и посмертной радостью никто не подѣлится.

Его земному дѣтищу — фабрикѣ — все это было чуждо и естественно было, чтобы я, которому он его оставил, ничего не знал о том, что он уносил с собой. Так размышляя, я с особенной ясностью припомнил вечер, когда мы были у него с Мари, когда он, узнав, что она моя невѣста, ее к себѣ притянул уже слабѣвшей рукой, и так с

ней обошелся, точно бы ее благословлял. Он уже был тяжко болен и не мог не думать, что смерть его сторожит у порога каждаго часа. Непонятное, недооцѣненное, не совершенно взвѣшенное, вдруг получило законченный смысл: поручая меня Мари, и Мари мнѣ, не вложил ли он тогда в напутственыя слова надежду, что с "изъяном одиночества" покончено, и что мнѣ, когда я его заступлю у фабрики, не придется отдавать всѣ силы только фабрикѣ? Что я, — его продолжатель, — не буду одинок, как был одиноким он?

Взволнованный и растроганный глубиной его проницательности, пусть даже только предположенной, я отошел от письменнаго стола и, остановившись посреди комнаты, осмотрѣлся так, как, вѣроятно, осматривается заблудившiйся путник, вдруг обнаружившiй, среди дремучаго лѣса, начало тропинки. Как и чѣм можно благодарить усопших? Вѣрностью памяти? До щепетильности точным выполненiем малѣйших пожеланiй? Мнѣ чуть ли не хотѣлось увидать его привидѣнiе, его дух, чтобы испросить указанiя. Но лишенный такого рода воображенiя, я терялся и недоумѣвал. Нѣсколькими минутами позже мнѣ стало казаться, что между пустыми ящиками и нежилым домом есть внутренняя связь, что они говорят об одном и том же. Эти кресла, в которыя уже годами никто не садился, эти ковры, по которым никто не ходил, эти книги, которых никто не читал, эти картины, на которыя никто не смотрѣл, — не хранили ли они, так же как их самих хранил молчаливый управляющiй, тот же секрет, который хранили опорожненные и тщательно запертые на ключ ящики письменнаго стола? Я подошел к одному из полотен, — портрету молоденькой женщины, или дѣвушки, в старомодном платьѣ, в украшенной цвѣтами большой шляпѣ, в доходивших до локтей бѣлых перчатках, с жемчугом на шеѣ. Она скромно и печально улыбалась, и в глазах ея жили нѣжность, покорность и испуг. Прозрачной бѣлизнѣ кожи противорѣчил слишком синiй фон неба, и в чуть приподнятых плечах было что-то, что говорило о просьбѣ и удивленiи.

В дверь постучали, это был управляющiй, пришедшiй справиться когда я хочу обѣдать, когда думаю лечь и каковы мои расположенiя на завтра? Я попросил подать пораньше. Потом спросил, с кого писан портрет, но он не знал, с кого он писан. Я совершил недолгую прогулку по пляжу, и, почти дождавшись заката, вернулся, охваченный все большим и большим раздумьем. Но если бы меня спросили, о чем я думаю, я не смог бы отвѣтить и сослался бы на то, что от непривычно полнаго соприкосновенiя с природой, и от внезапнаго отсутствiя спѣшки и суголоки, от свѣта, солнца, моря, песка и пространства, — мысли мои разбѣжались и были одна с другой связаны не послѣдовательностью, а чѣм-то совсѣм иным.

Послѣ легкаго обѣда я лег и сразу уснул. Но, не затворив, по неопытности, ставень, оказался ночью разбуженным бившим мнѣ в лицо лунным свѣтом. Я быстро одѣлся и вышел. Кругом царила почти

полная тишина, был бѣлый свѣт, были черныя провалы тѣней; в небѣ неярко мерцали звѣзды; море и вѣтер дышали тихо и ровно.

Я пошел вдоль виноградника, не торопясь, без опредѣленной цѣли, и добрел, сам того не замѣтив, до конца его. Тогда, по пляжу, я дошел до часовни. Но ключа у меня с собой не было, и я не смог узнать, как в ней бывает ночью, какіе шевелятся лучи, и послушать, что там шепчут шорохи. Я только посмотрѣл, как серебрит старые камни и старыя черепицы луна, как темнѣет стрѣльчатое окно, и еще раз подумал, что у всего тут, и у дома, и у часовни, у сочетанія опустѣлаго жилья и дикой мѣстности есть что-то, что наталкивает на мысли о преданіях, по меньшей мѣрѣ о том, что все налицо для того, чтобы могло зародиться преданіе. И, возвращаясь, спрашивал себя, как мнѣ быть, что мнѣ сдѣлать, чтобы понять это преданіе, и потом молча его хранить, для себя одного, как пустые ящики хранили память о том, что им было довѣрено.

На утро, едва проснувшись, я подошел к окну. Солнце уже было высоко, но по морю еще бродили легкіе туманы, небо было огромным, дали — непостижимыми. Я подумал об охапках времени Мари. Тут его были не охапки, тут его было столько, что обычные минуты, часы казались непригодными.

Чѣм, в самом дѣлѣ, можно заполнить космическое пространство и свѣтовые годы, распластанные над нашей, до жалости коротенькой, земной жизнью? Самим собой? Своим внутренним міром? Существуют, может быть, мыслители или горящіе страстью великаны, которым это по силам. Но я не был таким. Этот свѣт, это солнце, это море противорѣчили моим, практическим побужденіям. Одно быть занятым, спѣшить, не успѣвать, стараться все разсчитать, предусмотрѣть, ошибаться, соглашаться, возражать и вдруг увидать Мари, которая говорит: вот начинаются наши минуты, посчитай, сколько их накопилось, пока я была одна... И другое соприкоснуться с развернувшимся со всѣх сторон временем, которое питает созвѣздія и туманности. "Тысячелѣтія заморожены, столѣтья вписаны в грань камней, а в душах наших небрежно сложены лишь яшмы мѣсяцев и жемчуг дней...", так, кажется, мнѣ как-то сказал случайно встрѣченный молодой поэт. И я заключил, что для моего спокойствія, для того, чтобы не быть раздавленным вдруг проснувшейся романтической мечтательностью, чтобы она не помѣшала мнѣ продолжать жить так, как я жил, мнѣ надобно поскорѣй уѣхать и никогда больше не возвращаться: несочетаемо было мое городское счастье с невысказанной легендой, для которой и не надо было искать слов, которая жила в тишинѣ, сама для себя самой. Так что я рад был, когда появился управляющій с кофе.

Он освѣдомился, как я спал и не передумал ли и не рѣшился ли все-таки предпринять провѣрку счетоводных книг. Когда я подтвердил, что нѣт, что я всѣм доволен, что перемѣн не будет, что в столицѣ меня ждут неотложныя дѣла и что я спѣшу с отбытіем, он огорчился. Но мнѣ было не до утѣшеній. Я хотѣл двинуться в путь как можно скорѣй,

я, в сущности, хотѣл бѣжать. Всѣ вчерашнія мысли о том, что мы будем проводить здѣсь с Мари наши недѣли отдыха, что нигдѣ нам не найти лучших условій и больших тишины и спокойствія, — испарились. Все тут принадлежало мнѣ, но пользоваться я не должен был ничѣм. Я был назначен хранителем притаившихся тут воспоминаній, и вспугнуть их и, потом, безцеремонно расположить в этих комнатах и вокруг этого дома слова, восклицанія, волненія моего счастья было бы грубостью. Во всяком случаѣ, раньше, чѣм на это рѣшаться, надо было дать пройти многим годам.

Пока управляющій готовил автомобиль, я еще раз обошел комнаты, еще раз выдвинул пустые ящики, как бы для того, чтобы убѣдиться, что они дѣйствительно пусты и что никто другой никогда в них ничего не найдет. Мнѣ казалось, что так я выполняю волю покойнаго. Остановившись на минуту перед портретом дамы в большой шляпѣ я постарался понять ея выраженіе. Косой утренній свѣт мѣнял ея улыбку: вчера она мнѣ казалась несмѣлой и печальной; нынче я различал в складкѣ губ зарождающееся удивленіе. Точно бы она говорила: так в жизни не бывает, так в жизни быть не может, так бывает только в сказках. Я чуть-что на себя не разсердился и приписал эту преувеличенную впечатлительность рѣзкой перемѣнѣ темпа жизни. Мои нервы, перегруженные непрерывными заботами и постоянным усиліем, котораго требовал город, отказались без протеста подчиниться спокойствію.

Раздался шум мотора, я распрощался с женой управляющаго, занял мѣсто в автомобильчикѣ и мы тронулись. Подъем между скалами, пустынное плоскогорье, виноградники... Я начинал ускользать от охватившей меня странной мечтательности и разсчитывал в карѣ, и потом в поѣздѣ, совсѣм с ней справиться, настолько, чтобы осталось лишь нежеланіе скоро в эти мѣста возвратиться. Но порча мотора и тѣ сорок минут, которыя понадобились управляющему, чтобы что-то промыть и подвинтить, привели к тому, что я опоздал к автокару и, так или иначе, мнѣ приходилось дожидаться вечерняго и дальше ѣхать с ночным поѣздом.

Управляющій предложил было вернуться в усадьбу, но я это предложеніе отклонил, предпочтя провести нѣсколько часов в деревнѣ, позавтракать в ресторанѣ, развлечь мысли прогулкой и чтеніем газет. Была там большая базарная площадь, магазины сельскохозяйственных продуктов, машин и орудій. Обычная главная улица, с единственной гостиницей, лавки, многочисленныя, для скромной цифры населенія, кафе, кузница, строительные склады, почтовая контора, аптека — словом все, что полагается для удовлетворенія деревенских нужд. И была, от всего этого нѣсколько отдѣльная, старая, за столѣтія не измѣнившаяся, желтоватаго известняка, высушенная вѣтром и солнцем, омытая дождями, большая церковь. Противорѣчіе между ея сокровенным смыслом и поверхностной значительностью всего, что ее окружало, бросалось в глаза, даже такому безразличному к религіи человѣку,

каким был я. Я остановился перед ней и долго ее разсматривал, разсчитывая потом войти внутрь: точно что-то поманило отдохнуть в ея тишинѣ.

Пока я так стоял, в раздумьи, отыскивая в памяти и оживляя дѣтскія и юношескія, окрашенныя благоговѣніем воспоминанія, боковая дверь открылась и вышел старенькій священник, котораго сопровождала тоже старая, одѣтая во все черное, женщина. Так как я был в полутора от них метрах, то я и счел нужным поклониться, на что священник отвѣтил привѣтливой улыбкой. Тронутый свѣтившейся в его глазах добротой, я назвался и пояснил, что я проѣзжій, и что красота старинной церкви меня поразила; и сказал еще, что я счастлив засвидѣтельствовать почтеніе ея хранителю.

— Так как Хозяин ея, — прибавил я, — не Сам ли Господь?

И тотчас старый священник, подумав, вѣроятно, что я глубоко вѣрующій и преданный церкви человѣк, освѣдомился о том, на сколько я тут времени и, узнав, что я всего жду вечерняго автокара, предложил войти в его домик отдохнуть за бесѣдой и выпить, если я пожелаю, прохладительный напиток, который так прекрасно умѣет приготовлять его сестра, — и он представил меня сопровождавшей его старушкѣ.

Так и вышло, что я оказался гостем стараго священника и смог ему разсказать, почему я пріѣхал в эти мѣста и подѣлиться отчасти впечатлѣніем, которое на меня произвело имѣніе. Имѣніе это священник знал довольно хорошо и легкая тѣнь омрачила его черты, когда я повѣдал ему о кончинѣ стараго владѣльца.

— С ним, — сказал он, — меня связывали давнишнія воспоминанія. Мы вмѣстѣ отбывали воинскую повинность. Но это было так давно! То, что ему довелось пережить послѣ конца службы, положило на него неизгладимую печать.

Нѣсколько мгновеній он задумчиво помолчал, точно взвѣшивая за и против, точно опасаясь, продолжив разсказ, позволить печали занять слишком много мѣста. Потом, найдя внутри себя разрѣшеніе продолжать, добавил:

— Я знал Маргариту, его невѣсту. У нея была очень слабая грудь. Знал он, или не знал, что морской климат может быть очень опасным для легочных, — судить не берусь. Но только привез он ее сюда, думая, что окруженная всѣми возможными заботами, она окрѣпнет. Может быть он хотѣл ее потом отправить в горы? Или помѣстить в санаторію? И до этого считал за нужное показать ей мѣста, в которых мечтал с ней жить? Так или иначе, она скоропостижно скончалась от кровотеченія; все так внезапно случилось, что он словно не совсѣм понял в чем дѣло, или придал всему свое собственное, мистическое толкованіе. Он так горевал, что можно было опасаться за его разсудок. Он повторял, что его невѣстой стала сама смерть, и что он с ней и будет жить, и когда умрет, то это и будет его браком. Он себя чуть ли не упрекал в убійствѣ. Так он с этим горем никогда не справился

и когда пріѣзжал сюда, то, до того, как ѣхать в имѣніе, проводил на кладбищѣ у ея могилы чуть ли не цѣлый день. Он никогда никого к себѣ не приглашал, и раз как-то мнѣ сказал, что так горевать, одному, от всѣх запершись, ему в утѣшеніе! Раз, когда я к нему все же завернул, он провел меня по комнатам, и говорил: "Видите, она тут, она тут живет! Вы только тѣло ея схоронили, а душу оставили дома, мнѣ душу ея оставили. Здѣсь, я ея желанный гость! А в столицѣ, чтобы не горевать, я себѣ ни минуты свободной не оставляю и настоящую жизнь загромождаю дѣлами и суетой, иначе не справился бы с собой. Я в горы, — говорил он, — должен был ее увезти, и там вылѣчить и потом только, здоровой, показать этот дом. А вышло, что не ея он стал домом, а домом ея души. Теперь мнѣ только надо ждать, чтобы ее настигнуть...".

Я молчал. Что, в самом дѣлѣ, мог бы я отвѣтить, и о чем спросить стараго священника?

— И еще он мнѣ сказал, — продолжил тот, — что времени, когда оно, как его время в столицѣ, цѣликом заполнено, — нѣт. А что тут его столько, что оно похоже на вѣчность, и что он у портрета Маргариты с ней встрѣчается словно забѣгая вперед, в вѣчную жизнь.

Потом старичек освѣдомился о моих намѣреніях: собираюсь ли я часто пріѣзжать и подолгу оставаться? Я пояснил, что у меня в столицѣ много дѣла и что на поѣздки выкраивать время будет трудно; и он замѣтил, что разумѣется само собой, что такого повода, как у покойнаго, оставаться тут подолгу у меня быть не может.

Разспросил о послѣдних мѣсяцах его жизни.

— Это был очень хорошій человѣк, Царство ему Небесное, — прибавил он. — Впервые я его оцѣнил, когда мы были товарищами по полку. Всѣ его любили, за прямоту, за доброту, за мягкость, за исходившее от него расположеніе к людям. Потом мы остались в постоянной связи, и это я ему подыскал имѣніе. Он отремонтировал дом, купил обстановку... Я сам уроженец здѣшних мѣст. Я тут был настоятелем, позже меня переводили в другіе приходы, а под старость вновь сюда назначили, на покой.

Мы еще поговорили о погодѣ, об урожаях, о деревенских дѣлах. Он, с огорченіем, мнѣ повѣдал, что благочестіе населенія оставляет желать очень многаго. Он сослался на времена.

— Они теперь такія, — пояснил он, — что вѣра становится исключеніем. Но времена мѣняются, и мы с ними!

Мы распрощались с сердечностью, и я пошел позавтракать, а послѣ завтрака побродил по мѣстному кладбищу.

Покачивались над моей головой вѣтви развѣсистых сосен, дрожала между памятниками сѣрая трава, темнѣли тут и там кипарисы. Я искал могилу Маргариты. И в то же время я опасался ее найти, говоря себѣ, что может быть лучше так и остаться под впечатлѣніем, что она продолжает жить в запертых комнатах стараго дома, на утесѣ, у моря? И когда наткнулся на совсѣм скромную могилку, с совсѣм

скромной надписью на небольшом, бѣлаго мрамора крестѣ, то мнѣ точно стало бы ясно, что я, а не кто-то другой, назначен хранителем легенды. Какое, в самом дѣлѣ, для других могло имѣть значеніе, что на крестѣ было имя, были день, год рожденія, а дня и года смерти не было?

17.

Я отсутствовал всего два дня, но оказалось, что и этого было достаточно, чтобы накопились разныя обстоятельства. Мари я застал в слезах. Она говорила, что рада меня видѣть, улыбалась, но слез сдержать не могла. Не понимая в чем дѣло я старался ее утѣшить, разсказывая подробно о поѣздкѣ, говоря, что сначала владѣніе мнѣ понравилось, но что позже я рѣшил, что оно не подходит и думаю его продать. Мари слушала разсѣянно, о чем-то другом помышляя. Когда же я стал настаивать, спрашивая, что с ней, она созналась, что у нея был Аллот. В комнаты свои она его не пустила, но в гостиной он пробыл почти два часа, подробно все выпытывая обо мнѣ, о том, что я дѣлал раньше, кѣм был, кѣм стал, о наших планах и о том, как далеко зашли наши отношенія. Она пробовала от него избавиться, ссылаясь на то, что она моя невѣста и что ей ни в чем перед ним отчитываться не надо, говоря, что она совершеннолѣтняя, что он ей всего отчим, а не отец. Все было напрасно. Он ушел только тогда, когда сам счел, что пора уходить. Разсказ Мари побудил меня предположить, что у Аллота есть в руках какой-то секретный козырь, или что он располагает нѣкоторой над ней властью. Своего он добился: она передала ему, как мы оказались у изголовья умирающаго, что мы сняли квартиру, что собираемся в заграничное свадебное путешествіе. То сквозь слезы, то ласкаясь, то снова начиная плакать, она точно бы мнѣ в какой-то невѣрности признавалась и просила ее простить. Под конец разговора с ней случилось что-то вродѣ истерики.

— Ты меня разлюбишь, ты меня разлюбишь, — повторяла она.

Моей преимущественной заботой становилась ея охрана: охрана от Аллота, от всяких, вообще, впечатлѣній, которыя грозили приводить ее в такое состояніе. Никакого упрека я ей, разумѣется, не сдѣлал и даже и не попытался ее разспросить, почему она так боится Аллота. Тревоги моей это не устраняло и я всячески обдумывал, как избѣжать дальнѣйших встрѣчь ея с ним. Но что я мог сдѣлать? Уже мнѣ надо было бѣжать на фабрику, гдѣ мое присутствіе было необходимо из-за угрозы забастовки. Само собой понятно, что персонал был оплачен в соотвѣтствіи с синдикальными ставками. Но спрос на мой шоколад так стремительно рос, что я часто прибѣгал к сверхурочным часам, разумѣется тоже по синдикальным нормам оплаченным. Рабочіе и работницы не хотѣли, однако, даже и этих дорого оплаченных и необязательных сверхурочных часов. Обычная исторія, не выходящая за границы подтвержденнаго практикой рабочаго шантажа. Все

дѣло было в том, чтобы предложить за сверхурочный труд больше, чѣм полагалось по тарифам министерства труда, войти в спеціальное, закамуфлированное соглашеніе. Считая, что непрерывно ширящееся производство приносит непрерывно возрастающій доход, рабочій комитет хотѣл выкроить в нем "свою долю". Для таких переговоров замѣстителя было мало, требовалось присутствіе хозяина. И, как раз, он был в отъѣздѣ. Так, по крайней мѣрѣ, думал комитет, так как, пріѣхав, я на фабрикѣ еще не появлялся. Как только я вошел в бюро, начались совѣщанія.

Надо было выработать условія, которыя позволили бы продолженіе дѣла. Опредѣлив крайнія позиціи, мы нашли счетоводную комбинацію и рѣшили, если персонал не согласится, сократить производство. Все было сложно, пришлось навести множество справок, просмотрѣть циркуляры. Так что я задержался. Ожидавшая меня в столовой Мари была все такой же разстроенной. Я все, что возможно, сдѣлал, чтобы ее успокоить, отвел послѣ завтрака в ея комнату и снова помчался на фабрику, гдѣ предстояла встрѣча с представителем персонала. Едва я вошел в бюро, как раздался телефонный вызов. Аллот!

— Я хотѣл бы с вами повидаться, — сказал он, — и поскорѣй.

От одного звука его голоса меня передернуло.

— Я очень занят, — отвѣтил я, подавив злобу.

— Может вечером? Послѣ дѣл? В том кафе, гдѣ мы в прошлый раз...

Обѣдать с ним меня устраивало меньше всего на свѣтѣ.

— Приходите в бюро без четверти шесть, — прошипѣл я.

Если аппарат, позволяющій видѣть телефоннаго собесѣдника, еще не придуман, то в этом случаѣ, это было безразлично, так отчетливо, без всяких приспособленій, видѣл я улыбочку Аллота.

Послѣдовавшіе за этим переговоры с персоналом чуть было не привели к разрыву. Под самый конец, когда все казалось потерянным, умѣлое вмѣшательство моего помощника выправило крен. Я прочел затѣм накопившіяся в моем отсутствіи письма, продиктовал отвѣты, принял директора большого продовольственнаго магазина, пришедшаго сговариваться о спеціальных конфетах к предстоящим праздникам, за ним архитектора, которому разсчитывал поручить перестройку сосѣдняго дома... Наконец мнѣ принесли пробные оттиски рисунков Зои. Глаза Аллота, на этот раз, так меня раздражили, что я склонялся к тому, чтобы все перемѣнить, думая даже обратиться к старой декораторшѣ. Но мой помощник, узнав о таком намѣреніи, удивился до чрезвычайности. Он горячо вступился за Зою.

— Ея рисунок чрезмѣрен, — сказал я.

Директор не понимал. Не мог же я, однако, ему объяснить, что улыбка Аллота мнѣ стала казаться прямо таки страшной.

— Мнѣ жаль с ним разстаться, — настаивал он.

— Ладно. Посмотрим.

Я совершил затѣм ежедневный обход мастерских. Будучи инжене-

ром и, почти случайно, став коммерсантом и промышленником, я не забыл долгих лѣт работы по чисто технической части и находил в наблюденіи за дѣйствіем моих машин успокаивающее удовлетвореніе. Часто мнѣ приходили в голову усовершенствованія и обмѣниваться по поводу них мнѣніями со старшим мастером мнѣ было пріятно.

Без четверти шесть я вернулся в бюро. Аллот, как мнѣ сказали, уже ждал в пріемной, и не один, а с дамой. Я распорядился ввести их ко мнѣ.

Первым вошел Аллот. Но я смотрѣл не на него, а на Зою. Ея привлекательность, ея походка, ея взгляд притягивали. Конечно она была хорошенькая. Но не только хорошенькая, а еще и нѣсколько необычная. Я подумал тогда, что она должно-быть сентиментальна, чувственна, может быть слегка черства, что она способна принимать непоколебимыя рѣшенія, ни с кѣм не совѣтуясь, одиноко и тайно. Что до сходства с матерью, — сходства фамильнаго, — то оно было несомнѣнным.

Остановившись перед моим столом, Аллот произнес:

— Как все-таки пріятно имѣть дѣло с дѣловым человѣком, который настолько в дѣлах дѣлен, что на все находит время. Хэ-хэ. Недурно сказано? Дѣльный в дѣлах дѣловой человѣк.

— Сказано мастерски. Здравствуйте. И позвольте замѣтить, что вот уже во второй раз вы не уступаете первое мѣсто дамѣ.

Демонстративно я протянул руку Зоѣ.

— Восхищен. Восхищен вашей преданностью свѣтским традиціям. Зоя, Зоя. Какое на вас производит впечатлѣніе эта дѣловая галантность? Галантность важнаго и богатаго промышленника? Скажите откровенно?

Зоя молчала.

— Садитесь, — сказал я ей.

— А мнѣ можно сѣсть? — спросил Аллот.

— Можно.

Сѣв и увидав на столѣ оттиск Зоинаго рисунка, он стремительно затараторил:

— А, вы не теряете времени! Вижу, вижу, что для вас время — деньги. Вот уже первые результаты. Мы только проекты строим, а у вас результаты и реальныя формы. Очень, очень, очень интересно.

Схватив рисунок он продолжал:

— Отмѣтим: анализ генезиса артистическаго вдохновенія так же любопытен, как анализ вѣроятных реакцій покупательниц. И дѣтей. Не так ли? О! Наша художественная мастерская будет полна неожиданных и скрытых ресурсов.

Он передал оттиск Зоѣ, которая, внимательно осмотрѣв, молча положила его на стол.

— Вы разочарованы? Исполненіе вам показалось неудовлетворительным? — спросил я.

— Нѣт.

Она никогда не говорит того, что думает, — вмѣшался Аллот, — так что удовлетворена она или нѣт, остается неизвѣстным. Впрочем, в данном случаѣ, это неважно: заказ принят и оплачен. Надо искать новых заказов.

Мнѣ хотѣлось наговорить ему грубостей и его выгнать. "Может быть", — сказал я себѣ, — "когда-нибудь это и случится. Но сейчас главное его хорошенько раскусить".

— Не исключено, — обратился я к Зоѣ, — что я закажу вам другой рисунок. Оттиск показался мнѣ менѣе интересным чѣм оригинал.

— Другой проект? Почему другой проект? — вскричал Аллот. — Развѣ первый рисунок нельзя исправить, если в нем обнаружены недочеты? Впрочем, все равно. Рисунок уже оплачен и новый рисунок будет новым заказом. Первым заказом для художественной мастерской. Не личным Зоѣ — а ею руководимому ателье. Отлично, отлично, привѣтствую. Кромѣ всего прочаго, на рисункѣ будет стоять подпись не артиста, а мастерской, предпріятія... У меня в головѣ нѣсколько названій. Я начал с того, что стал придумывать названія. Как нѣкоторые писатели, которые сначала придумывают названіе для романа, а потом пишут самый роман, подгоняя его под названіе. Прежде всего рамка! Если заказы, которые мы получим, придутся по нашим рамкам, мы далеко уйдем.

Он вдруг замолк и добавил, смущенно:

— Простите старика. Все та же привычка непремѣнно одѣвать обстоятельства в какую-нибудь форму. Искать и находить сравненіе. Простите старика.

И пока я, сжимая в карманах кулаки, дѣлал усилія, чтобы не разразиться площадной бранью, он добавил:

— Названія? Названіе? Ателье Зоя-Гойя. А? Что вы скажете? Не правда ли, недурно? Зоя-Гойя. Одно сочетаніе звуков привлечет массу заказов. Подумайте только: размалеванная ширма или афиша и подпись: Зоя-Гойя. Но признаюсь также в том, что я дрожу. Ввести тѣнь гиганта в художественное ателье? Не переборщить ли это? Но какое звукосочетаніе. Какое великолѣпное звукосочетаніе. Зоя-Гойя.

— На мой взгляд, названіе второстепенно.

— Сей взгляд безусловно ошибочен. Названіе — это род призывнаго сигнала. Как во время спортивных состязаній: выстрѣл и спортсмены бросаются вперед. Прежде всего названіе. Потом помѣщеніе. И, наконец, заказы.

— В концѣ концов, названіе меня не касается. Выбирайте что хотите. Но предприняли ли вы что-нибудь в смыслѣ пріисканія помѣщенія?

— О помѣщеніи, персоналѣ и бюджетѣ я представлю вам, Доминус, мотивированный доклад. Параллельно я займусь рекламой и поисками заказчиков. Каждому овощу свое время. Но ни в коем случаѣ

нельзя упустить из виду вопрос названія. Это — знак. И знак может оказаться магическим.

— А что вы думаете? — спросил я Зою.

— Ничего. Мое дѣло будет рисовать.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно, совершенно вѣрно, — зачастил Аллот. — Воздаю должное мудрости пришедшей, неожиданно, на смѣну застѣнчивости. У Зои-Гойи большущія качества, Реверендиссимус, огромнѣйшія у нея качества, превосходныя. Вы их со временем сами обнаружите и оцѣните. Зоя-Гойя, это живой персонаж еще не написаннаго романа. Но его вполнѣ можно будет написать, сняв всѣ мѣрки, как души Зои-Гойи, так и ея тѣла...

— Вы были у Мари, — оборвал я его. — Зачѣм?

— О! На это у меня есть моральныя права. Мо-раль-ныя пра-ва. Кстати: она мнѣ сказала, что вы наняли большую квартиру. Вот уже источник заказов для мастерской Зоя-Гойя.

— Вы знаете, — снова оборвал я его, — что у вас улыбка ящерицы?

— Ящерицы? В первый раз слышу. Я думал, что у меня обыкновенная улыбка.

— А что вы думаете про смерть?

— Про смерть? Этот вопрос...

— Я его вам задаю потому, что видѣл фильм с ящерицами. Онѣ улыбались и дрались. Фильм назывался Vae victis. И драка была такая, что одна непремѣнно пожирала другую.

— Что за ссылка? Что за ссылка? Я люблю ссылки на литературу, на спортивныя состязанія, на оперное пѣніе и на выставки картин. Это все в моем духѣ. Но ящерицы? Уж не думаете ли вы, что в предыдущем моем воплощеніи я был ящерицей? И что меня съѣла другая ящерица? Не усумнились ли вы в подлинности моего существованія? Смѣю вас завѣрить, что у меня есть доказательства того, что я дѣйствительно существую. Я вѣдь мыслю!

Он даже палец поднял, чтобы подчеркнуть торжественность сочетанія.

— Мнѣ предстоит дать вам нѣкоторыя разъясненія насчет нашей поѣздки загород, — продлил он.

И, обернувшись в сторону Зои, прибавил:

— Зоя-Гойя, прошу вас на нѣсколько минут оставить нас наединѣ.

Та послушно встала и вышла.

— Значит, рѣшено, Доминус, — промолвил Аллот, — что для того, чтобы можно было прилично содержать эту дѣвицу, мы основываем художественное ателье. Когда оно будет пущено в ход...

— Да.

Достав из ящика чековую книжку я выписал сумму, которую предположил достаточной. Во всяком случаѣ я не хотѣл спрашивать: сколько? Я рѣшал сам.

— Не перечеркивайте чека, — сказал Аллот, — у меня нѣт банковскаго счета. Я продолжаю. Когда мастерская Зоя-Гойя начнет давать доход, будущее дѣвицы будет обезпечено. Не так блестяще, конечно, как будущее Мари...

— Будущее Мари вас не касается.

— Понял, понял, — сказал Аллот, вводя чек в бумажник. — Не объясняйте, голубчик. Наш брат артист все с полуслова понимает. До свиданія. До скораго.

Он протянул руку, к которой я едва прикоснулся, и, мышиной походочкой своей, направился к двери.

— Иду, иду, Зоя-Гойя, — повторял он.

18.

Немного спустя я покинул мою студію и перебрался в ту же гостиницу, в которой жила Мари, сняв там комнату двумя этажами выше. Я отлично знал, что я и себя, и ее ввожу в искушеніе. Но ни она, ни я искушенію не поддались. Установленныя нами предсвадебныя отношенія были, в самом своем основаніи, совершенно вѣрными и сообщали нам обоим такую душевную ясность, которой, кажется мнѣ, должны позавидовать современные молодые люди и барышни, считающіе, что установленныя традиціями правила не больше чѣм предразсудок. Замѣчу, что хотя к числу невѣрующих я себя не относил, — далеко нѣт, — все же жалкая примитивность моего религіознаго воспитанія не позволяла мнѣ имѣть точное представленіе о том, что может обозначать слово "таинство" примѣнительно к бракосочетанію. Возможно, что в иных условіях, я ограничился бы регистраціей в мэріи. Но теперь вѣнчаніе в церкви казалось мнѣ необходимым уже из-за одного того, что Мари его очень желала.

Я полагал, что соглашаясь с ней, я ее поддержу в усиліи, имѣвшем цѣлью затушевать прошлое, усиліи, которому она придавала характер чуть-что не мистическій, или искупительный. Я не знаю гдѣ Мари почерпнула эту внутреннюю силу и на чем был основан этот ея образ мыслей. Методы Аллота, разумѣется, тут были не при чем. Думаю, что это стояло в связи с женской воспріимчивостью вообще, и с ея особой воспріимчивостью в частности. Отмѣчу еще, что в других отношеніях она такого строгаго религіознаго комформизма не придерживалась и вообще церковницей не была. Так или иначе, счесть себя моей женой она могла только послѣ вѣнчанія.

За нѣсколько дней до свадьбы, — взволнованная и сосредоточенная, — она меня спросила, надо ли ей итти к алтарю в бѣлом платьѣ,. в фатѣ? Я подумал, что вопрос этот она задала потому, что ей пришло в голову, не окажется ли затронутым мое самолюбіе, если она не надѣнет фаты, отсутствіе которой будет признаніем на виду у всѣх, и отвѣ-

тил, что мы ни в чем не нарушили предписаній жениху и невѣстѣ, и что фата может быть ей за это наградой.

— Но Бог вѣдь все знает, — прошептала она.

Замѣчаніе это меня так поразило, что я не смог произнести ни слова. Я молча смотрѣл, как задрожали ея рѣсницы, как она судорожно вздохнула и закрыла лицо руками.

С затаенным страхом я допустил на мгновеніе, что можно опасаться худшаго. С так истерзанной душой Мари могла порвать, скрыться, бѣжать... Но она собой овладѣла почти тотчас же, а не только попросила оставить ее одну. К вопросу о бѣлом платьѣ и фатѣ она больше не вернулась и о рѣшеніи ея я узнал лишь войдя в церковь.

О том, как все протекло в мэріи — что же разсказывать? Точно в комиссаріат сходили, чтобы получить подпись комиссара под видом на жительство. Увидав наши равнодушныя лица, мэр, уже старый господин, от обычнаго спича воздержался. Мы и наши свидѣтели расписались и все было кончено.

За нѣсколько дней до свадьбы я спросил Мари, не надо ли пригласить Аллота? Она этому воспротивилась с рѣшительностью, исключавшей всякое обсужденіе. Сознаюсь, что меня этот отказ нѣсколько затруднил, так как в минуту разсѣянности я сказал Аллоту когда и в какой церкви будет вѣнчаніе. Но дѣлать было нечего.

Всѣ инструкціи моему помощнику были даны, паспорта выбраны, мѣста в спальном вагонѣ задержаны. Мы могли пуститься в путь тотчас же послѣ окончанія церковнаго обряда.

Описывать этот обряд я не берусь. То, что я испытал, было так полно внутренняго содержанія, так было значительно и удивительно, что мнѣ приходится признать свое безсиліе, сказать, что это расположено за предѣлами моего разумѣнія. Был ли я вознесен на невѣдомую мнѣ до того дня высоту? Был ли я придавлен? Выбит из колеи? Или, наоборот, оказался в каком-то неизрекаемо прекрасном лонѣ? Не знаю, не знаю, не знаю... Может быть даже не хочу знать. Может быть не знать — лучше.

Стеченіе обстоятельств, на которое я уже ссылался, объяснив, что благодаря ему в мои руки попала копія письма Аллота, позволило мнѣ сохранить и им же составленное описаніе моей свадьбы. Вот оно:

"Дождик шел, дождик падал, сѣренькій, холодненькій дождичек, и хоть и грязно было стекло окошка моей комнаты, все-таки я его видѣл. Хоть бы занавѣсочка висѣла какая-нибудь. Но не было занавѣсочки. Прямо перед собой, едва проснувшись, прежде всего, увидал я дождичек. Я поежился под простынями. Грязноватыми были мои простыни, и одѣяло, когда-то веселое и пестрое, итальянское одѣяло, было теперь совсѣм мутным. Все, вообще, кругом было мутно, и, хотя холода я и не чувствовал, вздрагивал, как от холода или точно я был простужен, или болен, или разбит каким-нибудь частичным и досадным параличем. Образы, тѣ образы, которые соотвѣтствуют мыслям и воспоминаніям, — другіе какіе же, кромѣ окна и дождика за окном, могли

быть образы? — медленно и лѣниво ползли передо мной. И хоть бы меня тошнило! Но меня не только не тошнило, но и не могло тошнить, так как накануне никакой выпивки не было. Накануне я провел порядочно времени в общественной библіотекѣ, гдѣ читал Тацита, — описаніе пожара Рима. А потом мнѣ там еще попалась брошюрка, в которой говорится о средневѣковых сожженіях на кострах богохулителей и кабалистических евреев. Все как слѣдует, со всѣми подробностями разсказано. Так вот, мол, на самом дѣлѣ все происходило и ничего ни убавить, ни прибавить, ни перемѣнить нельзя. Это вмѣсто обычной выпивки вчера было. И сегодня утром, из-за этого, послѣ того, как немного повалялся, почувствовал, что не тѣло тошнит, а душу. Но как устроиться чтобы душу вырвало? У души горла нѣт, пальца туда не засунешь. Так и встал с этой тошнотой душевной, так с ней и одѣлся, так с ней и кофе свой мерзкій выпил, так и пошел под дождиком, по мокрым улицам между автомобилями: когда дождик, так столько их набирается, что почти один на другой лѣзет, как льдины во время ледохода. Прямо к церкви шел. Выдаю замуж падчерицу, выдаю замуж падчерицу, — долбило в головѣ. Выдаю падчерицу. А прохожіе, под зонтиками, так пихались, что уму непостижимо! И всѣ от меня отворачивались, и женщины, и мужчины, точно я зачумленный, или страшный какой-то. Народу, народу, столько народу, да в дождливый день, куда же это столько народу может спѣшить? Не лучше ли дома сидѣть? И ручейки текут, и по витринам капли текут, и по крышам что-то течет... До церкви не далеко, но пробраться сквозь толпу не так-то было просто. Однако, должен сказать, что я в пиханіи разобрал нѣкоторый внутренній смысл, именно, что я себѣ к церкви дорогу пробиваю сам, своими силами, как ледокол себѣ пробивает дорогу. Не пускает лед ледокол, а он все-таки идет. Так и я тогда к церкви насильно шел, наперекор и толпѣ, и дождю, и душевной тошнотѣ. Вы только себѣ представьте: меня вѣдь на свадьбу не позвали. Я свою падчерицу воспитал, поставил на ноги, я помог ей получить образованіе... а она меня на свою свадьбу не позвала! И не то, что она по секрету от меня рѣшила выйти замуж. Скрывать она ничего не скрывала. Но вот не позвала. Точно бы я для нея и не существовал. Конечно, обиды я испытать не мог, мало ли что дѣвчонкам в голову приходит? Грусти тоже никакой не получилось, ни ущемленія самолюбія. Но вот так все сложилось, что к церкви я пробирался как ледокол, силой, ломая лед. Не против теченія, а именно ломая лед, сталкиваясь с прохожими, нарочно не уступая дороги, нарочно пихаясь. Церковь была на площади. Церковь была довольно старая и дома, выходившіе на площадь, тоже были довольно старые. Площадь эту я знал хорошо и раньше; неподалеку от нея был антиквар, которому я, время от времени, приносил разную рухлядь для продажи. Но теперь я ко всему присмотрѣлся с особенным вниманіем. Дома мнѣ понравились. Они были узкіе, невысокіе: два, три этажа самое большее, — с любезными окнами, за каждым из которых крылось по секрету, а то и по нѣсколько секретов, с внимательными

дверями: перед тѣм как открыться чтобы пропустить, как слѣдует, мол, хочу узнать к кому и зачѣм идешь? В серединѣ площади фонтан, почти новый, и кругом фонтана большія деревья, листья которых шевелили дождевыя капли. Автомобилей, разумѣется, было много, — нѣт в наши дни от автомобилей спасенія. К входу в церковь вело нѣсколько ступенек, и по обѣим сторонам двери было по двѣ колонны. Все это я описываю с подробностями только для того, чтобы подчеркнуть, что никакой таинственной или мистической атмосферы не чувствовалось. Церковь, фонтан, дома, автомобили — все обыденное. Я разсердился. Надоѣло, замучило обыденное. И пришло мнѣ тогда на помощь воображеніе, при содѣйствіи котораго я все окружающее представил себѣ в другом свѣтѣ. Как тут все могло быть гораздо раньше, давно? Не жил ли в одном из этих узких домов тот кабалистическій еврей, про котораго я наканунѣ читал в общественной библіотекѣ? Притворившись христіанином он взял в рот частицу, но не проглотил ее, а принес во рту домой и там, выплюнув на стол, пронзил кинжалом. Хлынула тогда из частицы кровь, и все сильнѣй и сильнѣй, по всему полу разлилась, проникла на лѣстницу и по ступенькам ручьем дошла до улицы... Разсвирѣпѣвшая толпа ворвалась к кабалистическому еврею, схватила его, и тут же, соорудив костер, на том самом мѣстѣ гдѣ теперь бьет фонтан, живьем сожгла... Каждый чувствовал облегченіе. Не только наказаніе казалось заслуженным, но еще была устранена опасность: мало ли какое могло с каждым произойти несчастье, если кабалистическій еврей продолжал бы свои кощунства? Впрочем, может и не на этой площади церковь жгла неугодных ей, а на другой. Это несущественно. Существенно, что она сама была тут, что она непоколебимо продолжалась. Глядя на нее, укрываясь от дождика под платанами, я поджидал автомобилей: одного с моей падчерицей, другого с женихом. Мнѣ непремѣнно надо было видѣть, как они войдут в церковь и как из нея выйдут мужем и женой; хоть анонимным и тайным свидѣтелем этого мнѣ надо было быть. Поднявшись по ступенькам я заглянул в церковь. Там горѣли свѣчи и было нѣсколько молящихся, или ожидавших жениха и невѣсты. И я подумал, что когда кабалистическій еврей подошел к алтарю и принял частицу, то судьба его была рѣшена, что ничего измѣнить он уже не мог, что он всего-на-всего подчинялся. Я тоже чему-то подчинялся, по крайней мѣрѣ мнѣ так казалось, когда я вернулся под платаны. Дождь все шел и шел, шумя по листьям, и из пастей львов, которые были вокруг фонтана, лилась вода. Я совершенно промок и чувствовал себя прескверно, но уходить не хотѣл. Наконец, подъѣхал первый автомобиль, и из него вышел жених. Высокій, широкоплечій, длинноногій, статный. Как только он вошел в церковь, подъѣхал второй автомобиль, и я увидал мою падчерицу, которой какой-то господин помог ступить на тротуар. Тут-то вот самое главное и случилось! Тут-то вот мнѣ пришлось подумать о кабалистическом евреѣ, пронзившем частицу кинжалом. Это потому, что я знал, что моя падчерица не дѣвушка, а женщина. Ей, стало-быть,

надо было выбрать: итти к вѣнцу в бѣлом платьѣ и фатѣ, или в городском костюмѣ и без фаты. В первом случаѣ, ей надо было рѣшиться на ложь перед самим Святым Престолом. Во втором случаѣ грѣха она на себя не брала, но явно, во всем всѣм признавалась, что, разумѣется, могло быть жениху не по душѣ. Что она выберет, что она выберет? — об этом я себя спрашивал еще наканунѣ, читая про сожженіе кабалистическаго еврея, и потом, когда шел под дождем и стоя у фонтана, оскорбленный тѣм, что меня на свадьбу не позвали. Не для того ли она меня не позвала, чтобы я так никогда и не узнал, будет она в бѣлом платьѣ и с фатой, или в костюмѣ? Чтобы я не мѣшал, чтобы не встрѣтились наши глаза? Чтобы я не вмѣшался и, во всеуслышанье, не сказал, что на фату она права не имѣет, что она обманывает Провидѣніе, так же, как обманул его кабалистическій еврей, и что ее надо наказать, разстроить ея бракосочетаніе? Неплохое сравненіе! И потом я говорил себѣ: ну зачѣм мнѣ, доброму старичку, во все это вмѣшиваться? Какое мнѣ от вмѣшательства выйдет удовлетвореніе? К тому же, — и это самое главное, — фаты не было. Моя падчерица выбрала правду и надѣла свѣтло-сѣрый, очень ей шедшій костюм. Глаза она держала опущенными, еще болѣе опущенными, чѣм всегда. Видѣл я ее впрочем лишь мельком, приблизившись к автомобилю сзади так, чтобы она на меня не могла взглянуть, и потом тотчас отступив под деревья. Там я и простоял все время службы, еще больше промокнув, еще больше продрогнув, все больше мучаясь душевной тошнотой. Значит, без фаты, говорил я себѣ, и не в бѣлом платьѣ. И снова повторял: значит без фаты! Значит, она или уже раньше во всем созналась, или вот теперь сознается. Если раньше — то только жениху. А если теперь, то и ему и всѣм. Не смогла она, стало быть, пойти на соглашеніе с совѣстью, и вся, цѣликом, такою как она есть и душой и тѣлом, стала перед Престолом. Ничего, ничего как есть не побоялась, точно ни в чем не виновата, точно никакого на ней нѣт пятна, точно она, во всем сознаваясь, всякое право ее в чем бы то ни было упрекнуть заранѣе устраняла: я, мол, говорю чистую правду, и это самое главное, только это и считается. Молодец моя падчерица, повторял я себѣ, хоть ты меня и не пригласила на свадьбу и этим обидѣла, все равно я считаю, что ты молодец. Если бы у всѣх дѣвушек столько было прямоты, если бы онѣ всѣ опасались солгать перед Престолом, то часто, навѣрно очень часто можно было бы видѣть свадьбы без фаты. Хорошо, хорошо, хорошо... И я перестал замѣчать как осенній мелкій дождичек все брызжет и брызжет, и не чувствовал тяжести насквозь промокшаго моего пальто. Даже о кабалистическом евреѣ перестал помышлять. Все приходило в естественный, повседневный порядок, принимало привычныя очертанія. Ссылки на прошлое ничего пояснить не могли, были ненужными... Теперь я ждал, ждал, ждал... И дождался! Перед церковью обозначилось нѣкоторое движеніе. Подали автомобиль. Покинув убѣжище под деревом я осторожно приблизился. И когда дверь распахнулась и внутренность церкви, с мерцавшими в глубинѣ свѣчами, точ-

но бы всякому удѣлила частицу теплоты и сіянія, я увидал шедших под руку новобрачных. Муж моей падчерицы дѣлал большіе, размѣренные шаги, как раз такіе, чтобы она могла за ним поспѣвать. Он смотрѣл прямо перед собой, был сосредоточен, серьезен и почти задумчив. Еще раз я отмѣтил, что он очень хорошо сложен, высок, широкоплеч... Спокойной и увѣренной в себѣ была его осанка. У самаго порога, взглянув вверх и увидав, что дождь продолжается, он поморщился. Тотчас же над ним раскрыли большой зонт. Глаза падчерицы моей были опущены. Подняла она их на совсѣм коротенькое мгновеніе, когда они выходили, чтобы взглянуть на мужа и ему улыбнуться. Они быстро пересѣкли тротуар и вошли в автомобиль. И послѣднее видѣніе, оставшееся перед моим мысленным взором, это совершенно счастливый облик моей падчерицы".

Много лѣт прошло с тѣх пор. И если бы я теперь захотѣл описать мое бракосочетаніе с Мари Шастору, то навѣрно не смог бы. Поэтому и уступаю мѣсто Леонарду Аллоту. Надо ли добавить, что на самом дѣлѣ дождя в этот день не было; что никакой площади, ни фонтана перед церковью тоже не было, а была довольно широкая, проѣзжая улица; и что если я и не маленькаго роста, то все же не так высок и статен, как то вытекает из разсказа Аллота. По своему обыкновенію, он все передал на литературный лад, налгал. Для этого у него данныя, которыми я не располагаю. В этом смыслѣ я ему как бы подчинялся и, кажется мнѣ, продолжаю подчиняться и теперь. Не могу, однако, не замѣтить, что в описаніи его сквозит подоплека, которая тогда от меня ускользала. О том, что я узнал позже, я разскажу в свое время.

19.

Когда, на другой день, мы вышли из вокзала на весь мір прославленнаго своей единственной во всем мірѣ красотой, города, то нас поразило обиліе отовсюду подступавшей воды и, не нарушавшее тишины, оживленіе. Мелькнули разноцвѣтные дворцы, с произвольно расположенными окнами, бѣлое кружево балюстрад, тонкія колонны, — и мы оказались в международном палаццо, гдѣ я, заблаговременно, задержал комнаты. Но роскошь, комфорт, стилизованный персонал не пришлись Мари, — милой моей Машѣ, — по душѣ, а толпа интернаціональных милліонеров показалась ей досадной помѣхой. Я тотчас же приступил к поискам и, пользуясь аналогіей языков, объяснился с торговавшей на набережной спичками дѣвочкой, которая провела меня к матери, служившей сторожихой при дворцѣ, в котором я и снял цѣлый этаж. Огромныя комнаты, старинная мебель, широкія, высокія окна, тяжелыя гардины, — все это было нѣсколько обветшавшим, все носило печать ушедшей в прошлое, почти феодальной жизни. Сам наслѣдственный владѣлец дворца жил теперь в деревнѣ, сдавая свои покои богатым иностранцам.

Поздно вечером я вышел на балкон. В задернутом тучами небѣ было, все же, нѣсколько просвѣтов, в которых мерцали неяркія звѣзды. Передо мной простиралась колышущаяся, глубоко вздыхающая тьма, вдали виднѣлись немногочисленные огни и их дрожащія отраженія. И царила тишина, властительница нетронутых звуков, высшая и совершеннѣйшая из музык, предшественница готоваго остановиться времени, покоя и небытія. А мы с Мари, — с Машей, — молодожены, как раз приближались к истокам жизни, к тому ея тайнику, гдѣ хранится право на ея продленіе.

Я прошел в комнаты, тихонько обнял жену за плечи и привел на балкон. Там на молчаніе ночи мы отвѣтили молчаніем. Когда же вернулись в спальню, то снов нам присниться не могло никаких: мы в них вошли бодрствующими, в полном и ясном сознаніи.

По утрам, на ступенях древних пристаней, у старинных церквей, таких сосредоточенных и задумчивых, что больше онѣ походили на застывшія в ходѣ времени живыя существа, нежели на постройки, или под тронутыми дыханіем востока сводами, между колонн, когда все кругом было так свѣтло, так просто и ясно, так полно красок: золота, синевы, красноватых переливов, когда все колыхалось и дрожало в маревѣ горячаго южнаго, — хоть уже осенняго, — солнца, Мари радовалась, как может радоваться ребенок, или кто-нибудь, кто, считая себя безнадежно больным, неожиданно и почти чудесно вдруг поправился. Мари покупала цвѣты. На руках у нея всегда были большіе букеты, которые, принося домой, она разставляла по вазам.

— Видно, что синьора счастлива, — говорила сторожиха, помогая ей.

По вечерам все было розово на верхах расписных дворцов, внизу же, у воды камни казались черно-зелеными. То ли такими там становились тѣни, то ли принимала свою окраску, днем меньше замѣтная, обросшая их тина. Потоки крови лились с запада, смѣшиваясь с поднимавшимися им навстрѣчу туманами, парами, из прозрачных становившимися лиловыми, оранжевыми, фіолетовыми. Солнце, о котором можно было думать, что оно, перед тѣм как скрыться, обращаясь к самым душам человѣческим, хочет объяснить, что такое агонія, расточало столько лучей, столько красок, столько вспышек и огненных снопов, что все кругом казалось расплавленным, жидким. Потом, для нас, солнце изчезало. Но и скрывшись за горизонтом оно продолжало слать лучи из своего небытія, чтобы сказать, что оно о нас продолжает помнить даже тогда, когда уступает мѣсто ночи. Я смотрѣл как, подчиняясь перемѣнам окраски неба, мѣняется румянец на щеках Мари, и говорил:

— Мнѣ кажется, что дѣйствительность превратилась в сон. Дай мнѣ твои глаза, Маша, чтобы я навѣрно знал, что это не так.

И дрожавшій в ея взглядѣ луч проникал в самую сердцевину моего существа.

От очарованія этого города, который то был как призрак, то, на-

оборот, прочно обосновывался в строго очерченном пространствѣ составленном из послѣдовательных, никогда один на другой не набѣгавших образов, мы оба, Мари и я, не оторвались ни на минуту во все время нашего там пребыванія. Даже тѣнь, мелькнувшую в моих мыслях, послѣ телефоннаго звонка на фабрику, когда мнѣ было сказано, что туда дважды заходил, нетерпѣливо ждавшій моего возвращенія, Аллот, я разсѣял без усилія. И все-таки, все-таки!.. Когда я, в тот вечер, вернулся домой и застал Мари ожидавшей меня среди цвѣтов, то не я ей сказал, а она мнѣ:

— Дай мнѣ твои глаза. Моя очередь.

И я хотѣл, и не мог, через глаза отдать ей всю душу свою.

Раз мы предприняли длинную прогулку по взморью на лодкѣ. Когда мы возвращались, пронизанное, политое всѣми огнями вечера, неподвижное и безшумное море это было для меня живым: я к нему мог бы обратиться, если бы знал, на каком языкѣ это сдѣлать, и оно, я увѣрен, мнѣ отвѣтило бы. Но я не знаю языка моря. И единственное слово, которое у меня нашлось, когда мы подплывали к низкому берегу, гдѣ воду ласкали тѣни дворцов, было:

— Мари.

Рѣсницы ея, в ту минуту, не были прижаты к щекам, она смотрѣла перед собой, она, как и я, была охвачена окружавшим нас великолѣпіем. Ей не надо было поднимать глаз, она всего их в мою сторону обернула. И улыбнулась мнѣ.

Такой доброй, такой нѣжной, такой ласковой была улыбка моей Маши.

На мраморных ступенях пристани она оборвала молчаніе и сказала, почти с грустью:

— Этот город...

И остановилась. Подумав нѣсколько секунд, она прибавила:

— Если это только правда город, а не отраженіе другого города, который стоит по ту сторону... Я не знаю как объяснить. Но чтобы этот город можно было принять попросту и навсегда, надо в нем родиться. Для таких как мы, для случайных, в нем слишком много...

— Слишком много чего? — спросил я.

— Он слишком красивый, — отвѣтила Мари.

20.

Вернуться на фабрику было совсѣм пріятно. Я с радостью вошел в бюро, весело поздоровался со служащими, бодро обошел мастерскія, сердечно поговорил с работницами и рабочими, с удовольствіем погладил блестящія щеки и бедра моих машин. Солнце и расцвѣтки зачарованнаго города, его патетическая красота и благоуханіе просто и спокойно уступили мѣсто размѣренному пространству мастерских и улучшенному озонаторами воздуху. Квартира не была еще совсѣм отдѣлана

и мы временно поселились в гостиницѣ. Когда я, в самый день нашего прiѣзда, вошел в столовую, то метрдотель передал мнѣ, что меня просят поднятся в наш апартамент. Чуть-чуть обезпокоенный я вбѣжал на первый этаж через двѣ ступеньки и нервно постучал. Дверь распахнулась. Мари ждала меня счастливая и улыбающаяся.

— Нѣт, нѣт, — сказала она, угадав вопрос, котораго я не успѣл задать, — это еще не охапки нашего времени.

Всюду в комнатѣ стояли цвѣты и был накрыт стол.

— Это как бы в продолженiи нашего путешествiя, — смѣялась она, — так проще и лучше дождаться отдѣлки квартиры. И сейчас цвѣты. Накопленных минут надо еще подождать, и охапки нашего времени впереди.

Минут и охапок времени я готов был ждать сколько угодно. Я всего был готов ждать и на все заранѣе соглашался, лишь бы меня встрѣчали вот таким смѣхом, так мерцающим взглядом, с таким, мнѣ одному предназначенным, кокетством.

Послѣ завтрака мы проѣхали в квартиру. Работы шли полным ходом, — в то самое утро Мари, в нетерпѣнiи, уже протелефонировала декоратору, который нас ждал.

— Я хочу чтобы всегда было много цвѣтов, — настаивала Мари.

Оставив ее распоряжаться разстановкой мебели и развѣской картин, я вернулся на фабрику; по дорогѣ я остановился в цвѣточном магазинѣ и условился насчет ежедневной доставки больших и разнообразных букетов.

На фабрикѣ мнѣ доложили о прибытiи предпринимателя, который должен был расширить въѣзд для грузовичков; идя посмотрѣть на начало работ, я завернул в упаковочную. Там готовили ящики для ближайших отправок. И тут в мое безоблачное настроенiе проникла тѣнь. Из глубины одного ящика на меня пристально глянули глаза Аллота! Я тотчас позвал помощника и, признаюсь, с нѣсколько излишней нервностью сказал ему, что Зоин рисунок был вѣдь отставлен, и что я не понимаю, почему мое распоряженiе не выполнено? Он отвѣтил, что точнаго распоряженiя я перед отъѣздом не дал, что никакого другого рисунка не было и что, поскольку разсылка приняла срочный характер, было рѣшено использовать оттиски, которые поступили до отмѣны заказа. Таким образом, двѣ или три поставки, в провинцiю и заграницу, были сдѣланы в упаковкѣ с рисунком Зои. Мнѣ ничего не оставалось другого, как признать свое упущенiе. Но придавить внезапно зашевелившагося червячка сомнѣнiя было не так-то просто.

Возник, стало-быть, почти сам по себѣ вопрос об Аллотѣ. В глубинѣ души я разсчитывал с этим не спѣшить, но теперь мнѣ показалось, что ни его визита, ни, стало-быть, визита Зои мнѣ отложить не удастся. Тѣм болѣе, что он сам, без малѣйшаго сомнѣнiя, готовился меня провѣдать.

Чтобы отвлечь мысли я погрузился в текущiя дѣла, в письма, в подсчеты, в провѣрки и почти замучил в этот вечер свою секретаршу

диктовкой, поправками и порученіями. К вечеру, усталая, она начала нервничать.

— Видно, медовый мѣсяц пошел вам впрок, — сказала она, злобно, когда я попросил ее задержаться на полчаса. — Вы, как будто, не знаете усталости.

А я подумал, что усиліе мое имѣло цѣлью освободиться от присутствія на заднем планѣ моего сознанія Леонарда Аллота!

Он явился на другой день утром и вошел в мое бюро одновременно со звонком стандардистки, предупреждавшей меня об его прибытіи. Собственной, своей властью проник Аллот в мое бюро!

— Счастливый молодожен, счастливый молодожен, — заговорил он, приближаясь ко мнѣ с протянутыми руками. Словно от избытка умиленія голова его была чуть склонена на бок. — Почти завидую! Да что же притворяться: не почти, а полностью завидую! До неимовѣрности завидую! Покажитесь, покажитесь! Ровный, здоровый загар. Какими же должны быть щечки Мари!

Приняв слегка сгорбленную позу, он продекламировал, подчеркивая чѣм-то похожим на речитатив свой, и без того музыкальный голос:

Я не был там. Но через ваши
Глаза отсюда я смотрѣл
Как на щеках красивой Маши
Румянец золотой горѣл.

Я молчал.

— Здравствуйте, Доминус, — продолжал он, — здравствуйте. О, здравствуйте! Как съѣздили? Глупый вопрос. Сразу видно, что съѣздили отлично. Как же могло быть иначе?

Он с чувством пожал мою руку и прибавил:

— О дѣлах нам поговорить необходимо. Серьезнѣйшим образом. Только я хочу прежде всего завѣрить, что я не сержусь. Ни на вас, ни на Мари. Конечно, было бы лучше меня позвать на свадьбу. Но и так все очень хорошо. Вы меня снабдили темой, Доминус! А тема, сюжет — самое главное, самое трудное. Когда есть сюжет, все остальное складывается просто. Только присядешь к столу — перо так и ходит, так и ходит! Все дѣло в сюжетах. Оттого-то я и причисляю себя, — со всѣми возможными оговорками, разумѣется, — к охотникам за сюжетами. И даже к создателям сюжетов. Не вѣрите? Даю слово, что иной раз я сам так все комбинирую, чтобы вышел сюжет. Правда, для этого мнѣ надо себѣ позволять такія вещи, которыя немногіе себѣ позволяют. Зато сколько матерьяла, сколько матерьяла! Однако, я заболтался. К дѣлу, к серьезному дѣлу.

Он стал рыться в портфелѣ.

— Времени я не терял, — продолжал он, — и мнѣ удалось обдумать вопрос об организаціи художественнаго ателье и даже предпринять нѣкоторые шаги.

— Что до времени, — прервал я его, — то могу сказать, что мое расписано цѣликом. Давайте условимся о новой встрѣчѣ. А теперь я не могу вам удѣлить больше нѣскольких минут, так как жду посѣтителя, которому было назначено свиданіе.

— А! А! — удивился он. — А я думал, что мы все немедленно обсудим. И примем важныя рѣшенія.

— К сожалѣнію это невозможно.

— Понимаю, понимаю, — затараторил он, — за ваше отсутствіе накопилось множество дѣл. Но вѣдь и мое дѣло неотложно. Так что давайте условимся на ближайшее будущее, на сегодняшній вечер, или, еще лучше, на сейчас же послѣ завтрака.

Зазвонил телефон и стандардистка меня предупредила, что ожидаемый мною посѣтитель, — один из самых крупных наших заказчиков, — пришел и ждет.

— Завтра, — сказал я, рѣзко. — Сегодня — никак. Завтра в половину шестого. И приведите с собой Зою. Она мнѣ нужна.

На какое-то коротенькое мгновеніе я задумался, вѣрнѣй, прислушался к своим скрытым побужденіям. Опредѣлить их с точностью не могу. Но мнѣ показалось, что я на самого себя разсержен и что причиной тому ощущеніе неполной свободы. Я вынул из ящика чековую книжку и выписал чек. Аллот взял его молча, молча же и без поспѣшности спрятал в бумажник, с нарочитой, подчеркнутой медлительностью встал и протянул мнѣ руку, которую я, хотя и с отвращеніем, но все-таки пожал.

— Так стало-быть до завтра, — заговорил он, — до завтра половина шестого. О эти молодожены! О их нервы! Любопытно будет наблюсти впечатлѣніе, которое вы произведете на Зою-Гойю. Правда, она так скрытна и так умѣет собой владѣть, что ея внутреннія переживанія и колыханія ея души (в сущности даже и души, и тѣла, хэ-хэ) мало кому доступны. Пронзительный надо имѣть взгляд, чтобы их учесть. Даже мнѣ, хорошо ее знающему, не всегда все видно. До свиданія...

И он потек к двери.

А я отмѣтил, что за это время Аллот, без сомнѣнія, поднялся еще на нѣсколько ступеней по лѣстницѣ своих махинацій: мой второй чек был крупнѣй перваго. И сам я был больше разстроен.

21.

Чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе об отношеніях, которыя раньше связывали Аллота с Мари, я попробовал, со всяческой осторожностью, задать ей нѣсколько невинных и поверхностных вопросов о том періодѣ ея жизни, когда она от него зависѣла. Я даже не успѣл затронуть ничего мало-мальски значительнаго, как с ней случилось нѣчто вродѣ нервнаго припадка: сначала слезы, потом стоны,

потом какія-то конвульсіи. Я явно вторгся в область, куда доступа не было никому! Недоумѣніе мое только возрасло, и мнѣ пришлось заключить, что пока лучшим моим оружіем, самым надежным средством защиты нашего покоя, остаются деньги. Во всяком случаѣ я начисто отказался от мысли какого бы то ни было дальнѣйшаго объясненія. Для Мари оно закончилось бы катастрофой. Что до Аллота, то попытка принудить его дать уточненія казалась заранѣе обреченной на неудачу; откровенность явно не была отличительной чертой его характера.

И, конечно, я винил самого себя, так как, в сущности, проводником Аллотовых флюидов был я: не начни я разспросов, не произошло бы с Мари припадка и не прозвучали бы в моих ушах стоны, похожіе на стоны эпилептиков.

Так что, когда Аллот и Зоя появились в моем бюро, я был в довольно напряженном настроеніи. Желая поскорѣй кончить, я сразу сказал Зоѣ:

— Не можете ли вы сдѣлать другой рисунок? Ваш первый, в конечном счетѣ, был забракован.

— Конечно могу, — отвѣтила она, равнодушно.

Аллот пробормотал нѣсколько слов насчет "перваго заказа мастерской Зоя-Гойя", но тотчас, перемѣнив тон, сдѣлал мнѣ дѣловитый доклад о том, что успѣл предпринять: он уже вел переговоры насчет помѣщенія, наладил сношенія с нѣкоторыми предполагаемыми заказчиками, в частности с домами Haute-Couture, гдѣ у него нашлись связи, так же как с магазинами спеціализировавшимися на декоративных издѣліях; представил хорошо и подробно составленный список необходимых станков и аппаратов, перечислил будущих поставщиков матерьяла и, в заключеніе, дал план начала производства: ширмы, абажуры, раскраска матерій, поиски случайной мебели и отдѣлка ея в современном духѣ. Коммерческую сторону он брал цѣликом на себя, предоставляя Зоѣ завѣдывать частью артистической.

Я выразил нѣкоторое сомнѣніе: есть ли у Зои достаточный опыт?

— О, Доминус! — воскликнул Аллот, — могли ли вы подумать, что я оставлю Зою-Гойю без поддержки? Каждую минуту я буду возлѣ нея с моими опытом и авторитетом. Замѣтьте, что не обладая никаким дипломом, Зоя-Гойя располагает гораздо, гораз-до!.. большим дарованіем чѣм то, которое можно предположить у ея будущих подчиненных. А теперь — об основном. Для того, чтобы пустить в ход ателье, мнѣ нужно...

И он назвал сумму, которая мнѣ показалась пріемлемой.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе.

— А вы, что думаете? — спросил я Зою, чуть что не грубо.

Та порывисто вскочила, приблизилась к окну и, посмотрѣв на низкія облака, молча вернулась на свое мѣсто.

— О застѣнчивость, о скромность, о дѣвичья робость! — воскликнул Аллот.

— Леонард, перестаньте, — оборвала она его, с неожиданной твердостью. — Дайте мнѣ подумать.

Она казалась взволнованной. Посмотрѣв на Аллота, я замѣтил, что он слѣдит за ней с удвоенным вниманіем. Через секунду или двѣ Зоя, точно рѣшившись, произнесла:

— Я буду счастлива если вы нам поможете в устройствѣ этого ателье.

— До того, как дать согласіе, я, разумѣется, хочу все осмотрѣть, — замѣтил я.

— О! Конечно! — подхватил Аллот.

И мы условились о днѣ и часѣ.

Затѣм, они оба, одновременно, поднялись и направились к выходу. Аллот, мышиным своим шагом, впереди, Зоя — сзади. Еще раз я замѣтил, что у нея очень красивыя икры, и что походка ея и легка, и граціозна. На порогѣ она, точно почувствовав тяжесть моего взгляда, обернулась. Я видѣл, что она улыбается, и еще видѣл, что она что-то сказала, вѣрнѣй прошептала, — но что именно, я не разслышал, и по движенію губ угадать не смог.

Наём помѣщенія протек без осложненій. Нас ожидала владѣлица, уже немолодая, краснолицая, черноглазая, полногрудая женщина, во всяких, повидимому, побывавшая положеніях и ко всему привычная. Было там довольно примитивное оборудованіе, которое, по словам Аллота, можно было усовершенствовать и приспособить к новым требованіям, и нѣкоторый запас матерьялов: штуки матеріи, пергаментная бумага, краски и прочее. Двѣ дѣвицы и молодой человѣк были заняты, кто раскраской, кто клейкой. Вид они имѣли насупленный. Хозяйка, женщина опытная, сразу поняла, что все зависит от меня, и к Аллоту даже не обратилась. Теперь, примѣнительно к тому, что я видѣл, цѣна показалась мнѣ все же преувеличенной, но я не возразил. Мнѣ пришло в голову, что можно попросить персонал — дѣвиц и молодого человѣка — остаться, послѣ перехода мастерской в наши руки, у нас. Аллот, с которым я подѣлился этим соображеніем, его поддержал, и тут же высказал нѣсколько вполнѣ дѣльных замѣчаній насчет часов работы и соціальнаго страхованія. В общем, все складывалось ко взаимному удовлетворенію. Условившись о днѣ встрѣчи у нотаріуса для регистраціи сдѣлки, мы разстались. На улицѣ, Зоя нас покинула: она спѣшила на свиданіе с какой-то подругой. Что до Аллота, то, преодолѣв отвращеніе, я пригласил его со мной позавтракать. Мнѣ казалось, что может выйти разговор, который укрѣпит сооруженную мной денежную стѣну.

По началу, Аллот был невнимательным и разсѣянным. Но потом, явно сдѣлав над собой усиліе, он начал, обычной своей скороговоркой:

— Доминус! О Доминус! Карты на стол. Карты на стол! Я вѣдь вам должен дополнительныя разъясненія насчет всего того, что мы видѣли во время нашей ночной поѣздки. Помните? Тогда было темно.

Сейчас яркій день. Сама обстановка, как будто, способствует разстановкѣ точек на "і". Не правда ли?

— Я вас слушаю.

— Полагаю, что ваш интерес не болѣе не менѣе чѣм признак довѣрія. О! Доминус! Признак вашего ко мнѣ довѣрія!

Еще немного и он прослезился бы.

— Будьте великодушны, — продолжал он. — Я знаю, что вы способны на великодушіе, у меня есть доказательства. И Зоя-Гойя, которой с нами нѣт, совершенно раздѣляет это мое мнѣніе. Будьте увѣрены. Я проведу вас по еще нѣскольким страницам моего романа как ребеночка, ласково, за ручку, не спѣша. Можно?

— Повторяю: я вас слушаю.

— Вы вошли в состав сюжета. И сюжет правдив! Ах, как он правдив! Он прост! Идеальнаго стрѣлочника не было, не было и разъѣзда. Был сторож. А я сам жил в двадцати метрах от его будки. И мнѣ так легко, так просто было обнаружить необыкновенныя способности Зои-Гойи к рисованію. При этом, дѣвственныя способности, — она нигдѣ ничему не училась. Вундеркинд в самом лучшем смыслѣ слова. Вундеркинд, и, при нем, безсмысленный отец и злобная, склонная к пьянству мать! Я там ежедневно завтракал и обѣдал. Моим единственным развлеченіем были наблюденія. Клянусь, даю руку на отсѣченіе, что доля Зои-Гойи мнѣ переворачивала сердце! Это все — данное номер первый. Данное номер второй — то, что я существовал сам, со своими воспоминаніями.

Сказав это, он так упорно уставил на меня коричневые свои глаза, что я смог (в первый раз) разобрать в центрѣ сѣтчатки зрачки. В глубинѣ их колыхался какой-то свѣт, и свѣт этот произвел на меня до послѣдней степени удручающее впечатлѣніе.

— Вы и сейчас существуете, — отнесся я, со злобой.

— Существую! И знаю, что далеко не всѣ дѣти любят своих родителей. Что безразличіе и ненависть к родителям так же обычны, как безразличіе и ненависть вообще. Но я про это вам писал. Теперь только напоминаю, так как это данное номер второй.

— А данное номер третій?

— Данное номер третій — мое доброе сердце. Данное номер четвертый — моя преданность искусству. В результатѣ у меня возникла мысль возбудить в Зоѣ-Гойѣ ненависть к родителям и замѣнить послушаніе им службой прекрасному! Недурная комбинація? А?

— Осторожнѣй, Аллот. Насмѣшки ни к чему.

— Но какія же насмѣшки, Доминус? Не насмѣшки, а самая чистая правда, та самая, которую всѣ рекомендуют, как нѣчто непререкаемое и высшее. Я соединил свои данныя и увел Зою-Гойю.

— Это я знаю.

— Похищеніе дѣтей обычно приписывают изувѣрам и садистам, и это дает обильную пищу газетным писакам. Но в моем случаѣ налицо

были лишь самыя чистыя из побужденій. О! Доминус! От одной мысли об этом я испытываю умиленное волненіе. Самыя страшныя из подозрѣній, в то время как налицо была одна доброта и жертвенность. Как интересно было бы читать про все это и в каждом из репортажей, прежде всего, различать глупость репортера.

— И всѣ эти радости оказались вам доступными?

— К сожалѣнію, нѣт, так как похищенія никакого не было и газетчикам писать было не о чем. Моя доброта и мои заботы так повліяли на Зою-Гойю, что она ко мнѣ привязалась и стала называть дядей. И через нѣсколько недѣль я ее увел с полнаго согласія ея родителей, объяснив, что займусь ея воспитаніем и сдѣлаю из нея художницу. Ея матушка пила все больше и больше. Ея отец впадал во все большее отупѣніе и был только рад, что не будет лишняго рта. Никогда, ну никогда! Слышите ли вы Доминус! никогда мнѣ не было заявлено ни малѣйшей претензіи. У меня и извѣстій никаких не просили, и когда я появлялся сам, чтобы разсказать как и что, меня еле-еле слушали. Да и ѣздил-то я туда рѣдко. К чему было ѣздить? Вскорѣ сторож был раздавлен поѣздом. Его замѣнили автоматической сигнализаціей, его вдовѣ опредѣлили пенсію, которую она, как вы сами могли видѣть, по-скотски пропивает...

Он надолго замолк. Я, со своей стороны, не проронил ни слова.

— О, о, о! Доминус! О! — простонал он наконец, — вообразите себѣ, что я ошибся. Не совсѣм, но в значительной мѣрѣ. Я вѣдь был бѣден. Не совсѣм бѣден, но больше, чѣм вы можете думать. И, кромѣ того, у меня на руках была Мари, теперешняя ваша супруга. Двѣ дѣвочки на руках, только подумайте! — двѣ дѣвочки на руках у бѣднаго и добраго вдовца! И ни в коем случаѣ, ни за что я не согласился бы на то, чтобы онѣ друг дружку знали. Каждой надо было устроить отдѣльное существованіе. Онѣ были совершенно разныя. А мнѣ надо было имѣть два поля наблюденія, так интереснѣй, так возможны сравненія, заключенія, так очень многое возможно... Знаете ли вы, что ваша супруга даже не подозрѣвает о существованіи Зои-Гойи? А? Недурно было налажено? Но какой затраты сил это потребовало, особенно если помнить, что я был бѣден. Все-таки я справился и двойное существованіе шло без перерывов. Зою я отдал в пансіон, и, разумѣется, мнѣ приходилось за все платить. Я был бѣден. Но я был щедр, в мѣру моих возможностей. Я был бѣден, но это не мѣшало мнѣ быть добрым! Я был бѣден, но оставался служителем искусства! Признаю, что усилія мои были вознаграждены. Зою замѣтили. Ей даже стипендіи назначали! Позже она покинула пансіон и поселилась у меня. Не совсѣм у меня, но в комнатѣ, которую я для нея нанял. С ранних лѣт Зоѣ пришлось зарабатывать. И с точно такой же легкостью, с какой она научилась рисовать, она научилась шить. Она была портнихой! Шила у себя, на дому! При этом — рисовала, конечно. И была записана на заочные курсы. И старалась, и трудилась. Но какія данныя, Доминус, какія необычайныя природныя данныя!

Нам слѣдовало бы ей помочь добиться поступленія в высшую школу живописи и ваянія. В этом ея призваніе, ея настоящее призваніе, не сомнѣвайтесь, Доминус. И с основаніем ателье, эта мечта оказывается не неосуществимой. Кошмар позади. Шитье, недостаток заказов, затворничество... Браво, Доминус! Браво, брависсимо. Что мнѣ сдѣлать, чтобы засвидѣтельствовать мою огромную, мою колоссальную благодарность? Наши пути совпали! С нѣкоторых пор мы идем по одному пути, в ногу, не так ли? И вы вошли в мое сердце, увѣренным, бодрым шагом вошли вы в мое сердце, шагом воина, одержавшаго побѣду, шагом римскаго легіонера. В нем вы заняли много, очень много мѣста! Вы становитесь мнѣ дороги, Реверендиссимус Доминус! Очень, очень дороги. Вы частица того сюжета, который я в самой сердцевинѣ души своей взрастил, в квинтэссенціи этой сердцевины...

И все больше и больше впадая в свою комедіантскую болтливость. он так и не дал мнѣ вставить ни одного слова.

22.

Мы поселились в нашей квартирѣ, сосѣдній с фабрикой дом перестраивали и приспособляли под новыя мастерскія, найденный мной второй помощник оказался очень способным и добросовѣстным, предпринятыя в управленіи фабрикой перемѣны протекли отлично, спрос на шоколад продолжал возрастать, секретарша, для которой я пріобрѣл очень усовершенствованную пишущую машинку, перестала нервничать, художественное ателье Зоя-Гойя было пущено в ход, заказы на коробки, раскрашенныя шали и прочія издѣлія поступали безпрерывно... Здоровье Мари, и мое собственное, не оставляли желать лучшаго...

Я увѣренно вошел в полосу счастья!

Недостатка не было ни в чем: ни со стороны сердца, ни в смыслѣ матерьяльном. А так как занят я был свыше всякой мѣры, то часы свободы были особенно драгоцѣнными. Когда я, предварительно тихонько позвонив, открывал дверь ключом и проникал в переднюю, гдѣ Мари меня уже ждала, и видѣл как поблескивают из под рѣсниц ея глаза, то о сутолокѣ, только что мной покинутой, я забывал мгновенно. Мари раскидывала руки, смѣялась и говорила:

— Я выпускаю минуты! Видишь сколько их! Онѣ всѣ наши.

Поднимая голову, она точно слѣдила за их полетом и, с дѣланной строгостью, спрашивала:

— Ты хорошо запер дверь? Дѣла навѣрно за порогом?

Эти встрѣчи стали чѣм-то похожим на наш собственный, постоянно возобновлявшійся ритуал. Был он так насыщен, что порой нам казалось: не привезли ли мы с собой из зачарованнаго города какой-то магическій заряд?

Через нѣсколько мѣсяцев Мари мнѣ сказала, что ждет ребенка.

До этого, иной раз в бюро, меня охватывали сомнѣнія: вѣчно по-

груженный в дѣла я был вынужден оставлять Мари подолгу в одиночествѣ. Я чувствовал какую-то свою вину и как бы упрекал себя в том, что она, — всегда одна, — "копит для меня минуты". Теперь я знал, что она больше не одна, что она прислушивается к новой, в ней возникшей, жизни...

Все, все, все тогда у меня было, чего можно пожелать: и взаимная любовь, и легко сочетавшіеся характеры, и здоровье, и ожиданіе ребенка, и средства, и удачное устраненіе, возникшей было со стороны Аллота, угрозы... Конечно, краски счастья мѣнялись, но всегда к лучшему.

Однажды, когда мы обсуждали как назовем ребенка (касалось это только дочери, так как сына, — если бы родился сын, — Мари безапелляціонно рѣшила назвать моим именем), я сказал, что Мари-Анжель-Женевьев звучит очень хорошо.

— Нѣт, нѣт. Без Анжель, — возразила Мари, — во всяком случаѣ, без Анжель!

Помолчав, она стремительно прошла в спальню, гдѣ, минутой позже, я нашел ее в слезах.

— Это ничего, это ничего, — шептала она, — прости меня. Это от моего состоянія. Я приму пилюлю.

— Ну, конечно, милая, конечно, дорогая, если ты не хочешь Анжель, то не надо Анжель.

Вдруг разрыдавшись, она продолжала:

— Мнѣ страшно, что кто-нибудь когда-нибудь ее назовет мадам Анжель! Мадам Анжель! Моя дочка будет мадам Анжель, как была я...

Я уложил ее в постель и провел с ней почти час; и мы, совмѣстно, рѣшили назвать дочь Мари-Женевьев, опустив Анжель...

Рожденіе дѣвочки еще упрочило наше счастье. Мари-Анжель оказалась похожей на мать, что меня очень обрадовало. Ребенок был и здоровый, и спокойный. Минуты, которыя Мари для меня собирала, из одиночных стали двойными! Позже — когда родилась наша вторая дочь — Доротея, — онѣ стали тройными! В каждое мгновеніе вкладывал я все, что могло источить мое сердце, любви и к самой Мари, и к Мари-Женевьев, и к Доротеѣ. Добавлю, что жизнь Мари стала до краев заполненной счастливыми заботами. Были у нея, разумѣется, и нерс и всякія другія помощницы. Но, думается мнѣ, — отличная мать — Мари и без них со всѣм справилась бы ясно и весело.

Таким била горячим ключом моя жизнь, что лучшаго, думаю я, нельзя себѣ вообразить. За предѣлами семьи был "внѣшній мір", с увлекавшей меня дѣятельностью. Дома — но, может быть надо сказать: за предѣлами "внѣшняго міра"? — были охапки времени, с которыми, все так же нѣжно, продолжала меня ждать Мари и которыя мы, едва встрѣтившись, начинали безудержно расточать. Дни, мѣсяцы, годы текли ровно и сильно.

Так ровно и так сильно, что я готов был себя спросить, не таится ли в этой полнотѣ опасность? Не окажется ли, что в силу нѣкоего пету-

сторонняго закона на слишком яркій свѣт непремѣнно будет наброшена тѣнь?

Но ничего такого не случалось.

Аллот оказался прекрасным коммерсантом, энергически заботился о притокѣ заказов, хорошо слѣдил за их своевременным выполненіем.

— Я говорил, я говорил, Доминус, — зачастил он, как-то заглянув в мое бюро, — что сотрудничество наше попросту напрашивалось. Хэ-хэ! Помните, как все началось? Шоколадная плитка, требующая рубашки, и молодая портниха, готовая эту рубашку сшить. Два взаимно дополняющихся понятія, два притягивающихся, одно к другому, тѣла! Тѣла, тѣла! Как хорошо, когда тѣла одно к другому тянутся! Согласитесь, что для нашего брата, охотника за сюжетами, это в высшей степени заманчиво. Вѣдь из этих притяженій могут вытечь рожденія. В нашем случаѣ как раз так и получилось: родилось Ателье. А? Недурно сказано? И позже, Доминус, сможем, для вашего шоколада. не рубашки шить, а дома строить, — я хочу сказать поставлять вам для него красивыя коробки. Для каждой плитки по особняку. И портниха обратится в строителя. А? Хэ-хэ.

Через нѣсколько дней появилась Зоя. Она сослалась на то, что сдѣлала набросок небольших рекламных плакатов. Едва она приступила к поясненіям, как мнѣ стало ясно, что не в плакатах дѣло, и приготовился было выслушать жалобу на Аллота. Но Зоя ограничилась тѣм, что показала рисунки, как всегда превосходные. Пока я их разсматривал, она молчала и, не спуская с меня глаз, точно ждала что я скажу. Когда я плакаты одобрил, она низко опустила голову и стала теребить лежавшія у нея на колѣнях перчатки. Что она была взволнована, замѣтил бы всякій. На мой вопрос:

— Что с вами? — отвѣта не послѣдовало.

Встав, она собрала рисунки.

— Так что вам нравится? — спросила она.

— Ну да. Я уже сказал, что нравится.

— Надо сдѣлать еще?

— Пока, я думаю, хватит и этих.

— Но я сдѣлаю еще, если вам понравилось?

Я молчал.

— Мнѣ пріятно, что вам понравилось, — почти прошептала она и взглянув мнѣ в глаза чуть настойчивѣй, чѣм слѣдовало, направилась к выходу, по обыкновенію своему, не попрощавшись. Я же смотрѣл на ея походку, на ея икры, на то, как покачивалась ея юбка.

Я знал, что она и Аллот живут в одной квартирѣ, и иной раз думал, что отношенія их совершенно интимны; только очень уж велика была разница в возрастѣ! Так что проще было полагать его за ея пріемнаго отца и покровителя. А так как в мои намѣренія входило ограничить отношенія с ними возможным минимумом, то я и находил себѣ род алиби: в концѣ концов все это меня не касается! Раз Аллот меня оставляет в покоѣ, не лучше ли считать себя удовлетворенным?

Но вот, года, кажется, через четыре послѣ свадьбы, я проснулся не в обычном состояніи бодрости, не вскочил, как всегда, без промедленія, с постели, а пролежал минуты двѣ, а может быть и пять, в недоумѣніи и безпокойствѣ. Рядом со мной Мари продолжала тихо дышать. Мнѣ пришлось подавить в себѣ желаніе ее разбудить. Безпокойство перешло тогда в злобу, ни к чему, впрочем, не относившуюся: в злобу вообще. Я жевнул, ощутил во рту непріятный вкус, предположил, что дѣло в желудкѣ и удивился, так как никакого излишества я себѣ никогда не позволял, и наканунѣ от этого правила не отступил. Да и вообще неурядиц со здоровьем у меня не бывало. Выскользнув тихонько из постели я прошел в ванну и там проскрежетал нѣсколько нечленораздѣльных звуков: немного, так сказать, порычал. Шум воды и распространившійся от нея пар обозлили меня окончательно. "Хам", — сказал я, и удивился своему голосу, который был хрипл и чуть-что не казался чужим. Кто мог быть "хамом"? К кому я обратился? Ни непріятных встрѣч, ни дѣловых неудач, ни размолвок в предшествовавшіе этому утру дни не произошло. Никакого повода для злобы никто мнѣ не дал. Не найдя объясненія, я погрузился в воду. Слишком горячая, она, с нѣкоторой, так сказать, безцеремонностью, все разставила по мѣстам.

Все пошло как раньше. Однако, воспоминаніе о моем восклицаніи, о том, что я обратился к какому-то "хаму" — который, хоть и невидимый и невѣдомый, был как будто в непосредственной ко мнѣ близости, меня не покинуло. Не понимая какой склонности моего воображенія условный этот "хам" мог соотвѣтствовать, я приписал все чрезмѣрности дѣловой нагрузки, что могло, конечно, быть поводом к нѣкоторому нервному утомленію. На теченіи нашей жизни это не отразилось, Мари я ни о чем не разсказал. Если что-нибудь и начинало случаться, то было это, так сказать, параллельно ежедневному обиходу и ни в чем его не нарушало.

23.

Шли годы.

Почти к самому концу этого счастливаго періода моей жизни — надо бы сказать: когда полнота счастья стала напоминаніем о существованіи горя, — я получил извѣщеніе от моего нотаріуса, что жена управляющаго моим южным владѣніем преставилась, и что без нея вдовец там оставаться больше не хочет. К тому же он очень постарѣл и мучился ревматизмами. Нотаріус просил распоряженій.

У меня мелькнула мысль проѣхаться на юг с Мари и двумя дѣвочками: провести нѣсколько дней в дорогѣ, в автомобилѣ, с семьей, с нерс, с остановкой, двумя в гостиницах, было соблазнительно, а смѣна впечатлѣній была бы отдыхом. Кромѣ того, если бы Мари владѣніе понравилось, можно было бы устроить там каникулы. Но пока

мы с ней обо всем этом совѣтовались, пришла депеша, что дом сгорѣл! Точно бы сама судьба вмѣшалась в мои предположенія. Не принял ли я, в самом дѣлѣ, в первую мою поѣздку рѣшенія никогда Мари туда не привозить, — рѣшенія, вытекавшаго из моего благочестиваго желанія не потревожить жившей в этих комнатах напрасной мечты о счастьи? И не улыбнулась ли мнѣ с портрета молодая женщина тихо и довѣрчиво, точно зная, что я не захочу чтобы чужое веселье прошло там, гдѣ болѣзнь и смерть не дали ей радоваться и смѣяться? В противорѣчіи со всегдашней моей привычкой все мѣрить глазами дѣлового человѣка, я установил тогда нѣкую связь между тѣм, чтобы привезти в дом Мари и дѣвочек, и пожаром. Больше того: я подѣлился этой мыслью с самой Мари, повторив ей разсказ о первой поѣздкѣ, и добавив, что теперь нѣт ни дома, ни портрета... И тотчас же она сказала, что мнѣ непремѣнно надо туда съѣздить все лично устроить, что это будет лучшим средством устраненія какого бы то ни было сомнѣнія. И я поѣхал.

Пространство, море, свѣт, солнце, лучи и проносившіеся над моей головой страшные свѣтовые года, несоизмѣримое с нашими земными мгновеніями, безразличное к нашим горестям и радостям звѣздное время, — распластанное теперь над обгорѣвшими стѣнами, — все это было, пожалуй, еще грандіознѣй, чѣм в первый раз; сама приходила в голову мысль о каком-то, неизвѣстно откуда донесшемся, дыханіи, которое унесло с собой задержавшуюся на землѣ, послѣ смерти, душу...

Старик-управляющій, скрюченный ревматизмами, ютился в своем домикѣ. За ним ходил, ожидавшій своей участи, батрак. Оба они ждали моего пріѣзда так, как ждут могущественнаго посланца, от котораго все зависит и который все разрѣшит к лучшему. В сосѣднем городкѣ я навѣстил сестру стараго священника, уже нѣсколько лѣт как преставившагося. Она меня познакомила со своим братом, который очень любезно согласился наблюдать за ликвидаціей оставшагося имущества. Управляющаго перевезли в пріют для престарѣлых, гдѣ я обезпечил его содержаніе до конца его дней. Батрак направился в свою деревню. Маленькій домик заперли, живой инвентарь распредѣлили между, как раз во-время появившимися, сосѣдями (из которых ближайшіе были в добрых пяти километрах! Но в деревнѣ все всегда извѣстно...), а огороды, фруктовыя деревья и виноградник предоставили их судьбѣ. Я купил старый автомобиль, подарил его брату сестры покойнаго священника, попросив вывезти все, что осталось в маленьком домикѣ мебели и распорядиться ею по своему усмотрѣнію. Когда я покинул владѣніе — все там было пусто. Я оставался единственным хранителем воспоминаній моего благодѣтеля, воспоминаній, которыя я, до тѣх пор, все-таки раздѣлял с взглянувшей на меня из рамки портрета его умершей невѣстой.

Пока, в городѣ, я ждал поѣзда, ко мнѣ приблизился скромный старичок, представившійся как мѣстный часовщик. Узнав во мнѣ вла-

дѣльца сгорѣвшаго дома, он сообщил мнѣ, что два года тому назад управляющій поручил ему починку замѣчательных старинных часов, о которых я сохранил лишь приблизительное воспоминаніе. Но механизм их был так сложен, что на мѣстѣ сдѣлать было ничего нельзя, и их перевезли в мастерскую, благодаря чему они и уцѣлѣли. Часовщик пригласил меня зайти к нему, чтобы взглянуть. Часы оказались совершенно великолѣпными, и я сам себѣ удивился, подумав, что в первую поѣздку их хорошенько не разсмотрѣл. Вдѣланные в большой, стоячій, краснаго дерева рѣзной футляр, старинный механизм этот, с эмалированным циферблатом, украшенным миніатюрными инкрустаціями знаков зодіака, указывал часы, дни, недѣли, мѣсяцы, фазы луны, годы... Маятник, в неподвижности своей, казался просто-таки величественным. Часовщик признался, что его искусства не хватило и что часы, к нему перевезенные, так и остались неисправленными. Теперь он просил указаній. Не могло, разумѣется, быть и рѣчи о том, чтобы оставить этот шедевр в темной и безвѣстной провинціальной починочной мастерской.

Я внес, стало быть, сумму, с лихвой покрывавшую расходы, и попросил стараго мастера отправить мнѣ часы по желѣзной дорогѣ. Я с умиленіем подумал, что они будут отсчитывать минуты в нашей квартирѣ, что они помогут Мари их накапливать! Я увозил с собой, уѣзжая из южнаго городка, что-то, чего нельзя назвать воспоминаніем, или итогом впечатлѣній. Это было скорѣй похоже на благоговѣніе, а может быть и на страх. Свѣтовые года, звѣздное время, прерванное, ставшее неподвижным счастье, сгорѣвшій портрет, удивительные часы, — все это вмѣстѣ взятое казалось единым, полным значенія, цѣлым... Оборачиваясь теперь к прошлому и глядя на мою убогую обстановку, я спрашиваю себя: не была ли эта вторая поѣздка на юг начальной точкой поджидавшей меня большой перемѣны? Не подточила ли она что-то так, что ни Мари, ни я ничего не замѣтили? Или было простое совпаденіе? И я не нахожу отвѣта на эти вопросы. Почти без предупрежденія в одно мгновеніе все перевернулось! Так бывает, когда потушишь лампу, — вдруг дѣлается темно. Или когда ее зажжешь: все кругом видно!

То, что слѣдует, случилось вскорѣ послѣ моего возвращенія. Мари и дѣвочки были в деревнѣ, в домѣ, нанятом мной километрах в двухстах от столицы. Как-то, часа в два ночи, раздался звонок. Нерс, горничную, кухарку Мари увезла с собой, шофер спал в верхней комнатѣ, я был один. Открывать дверь мнѣ не хотѣлось не столько из нежеланія вылѣзать из постели, сколько оттого, что я считал ночной отдых неприкосновенным; ночью можно бы людей оставить в покоѣ, думал я. Звонок повторился, потом прозвучал в третій раз и тогда, с досадой накинув халат, я пошел в переднюю и отпер. На площадкѣ никого не было, но с лѣстницы доносились поспѣшные шаги. Потом хлопнула нижняя дверь, на улицу. Очевидно, ночной гость, не дождавшись, чтобы

ему открыли и сочтя, вѣроятно, что меня нѣт дома, почел за лучшее удалиться. Утром я спросил швейцариху, не слышала ли она чего-нибудь, но она ничего не могла объяснить, сказав только, что квартир в домѣ нѣсколько, и что нѣкоторые квартиранты часто возвращаются поздно. За всѣм этим ночным движеніем ей, разумѣется, услѣдить было невозможно.

Через нѣсколько дней послѣ этого я проснулся с такой мутью в душѣ, которой раньше не знал. Пока, кое-как с собой справившись, я пил, послѣ утренняго туалета, чай, зазвонил телефон. От этого звука меня охватила внезапная и непреодолимая злоба. Я вскочил и оборвал шнурок. Когда, получасом позже, я пріѣхал на фабрику, то и узнал, что мнѣ телефонировали оттуда, чтобы получить инструкціи насчет очень спѣшной депеши в провинцію, гдѣ как раз в то утро должна была разбираться в коммерческом судѣ деликатная тяжба. Пришлось оттовориться тѣм, что мой телефон испорчен и чуть ли не извиниться.

Потом произошло нѣсколько глухих стычек с Аллотом. Послѣ его ухода, я настолько утратил контроль над своими побужденіями, что вскочил в такси и поѣхал на скачки, гдѣ, неискушенный и разсѣянный, проиграл всѣ ставки, которыя, по мѣрѣ того как шло время, с раздраженіем увеличивал.

Нѣсколько все же всѣм этим обезпокоенный, я обратился к доктору. Осмотрѣв и разспросив меня, он заявил, что не находит никакой болѣзни и заговорил о переутомленіи! Это было совершенно абсурдно. Я, не знавшій, что такое усталость, переутомлен? Он прописал какія-то пилюли и ампулы, которых я даже и не купил, и назначил режим, — діэтическая пища, обязательный отдых послѣ ѣды, — к соблюденію котораго я и не приступил. Я на себя подосадовал — так стало очевидно, что итти к врачу за совѣтом было излишне. Раздраженіе и несдержанность послѣдняго времени носили, как я теперь видѣл, характер поверхностный и с ним справиться я мог своими силами.

Удар мнѣ был нанесен извнѣ. В этом мое глубочайшее убѣжденіе.

Мари, Мари-Женевьев и Доротея были еще в деревнѣ, когда, с утренней почтой, мнѣ пришел красивый и толстый конверт. Из него я извлек картон, с золотым обрѣзом, на котором калиграфически было выведено:

"Зоя Малинова и Леонард Аллот извѣщают вас об их бракосочетаніи. Церковное благословеніе будет дано... там-то, тогда-то..."

Зоѣ, к этому времени, должно было быть около тридцати, Аллоту же далеко за пятьдесят. Что они жили вмѣстѣ, в квартирѣ, которую Аллот нашел взамѣн прежней, маленькой, когда дѣла Ателье пошли хорошо, я тоже знал. Если раньше я допускал, что Аллот не только пріемный отец Зои, то теперь отпадало всякое сомнѣніе: сожительство это длилось явно давно, бракосочетаніе его только узаконивало. Этому могло, конечно, быть объясненіе: к чему было распространяться Аллоту, охотнику за сюжетами? Его удовлетворенія жили в тиши. А Зоя, почему она молчала? Вообще скрытная, по-своему гордая, от всѣх

отдѣльная, сознававшая свое превосходство не только над Аллотом, но и над многими другими, застѣнчивая и дикарка, как могла она открыто признать, по всей вѣроятности навязанное, сожительство? Но если всѣ эти объясненія секретности мнѣ казались достаточными, то понять зачѣм Аллоту был нужен брак церковный, я отказывался.

Нѣсколькими днями позже он появился в моем бюро. Едва войдя, даже не поздоровавшись, он весело и добродушно, с чуть-чуть менѣе ящеричной улыбкой, произнес:

— Я пришел вас пригласить, Реверендиссимус. На этот раз не просьба, а приглашеніе. Честное слово!

— Я уже получил... начал я.

— Получили? Не может быть. Вы шутите, Доминус. По глазам вижу, что вы шутите. Я еще никому не говорил ни слова, тѣм болѣе ничего никому не посылал. И не писал. К чему писать, если круг приглашенных так ограничен, что его можно назвать интимным кругом? Не правда ли? Всякое усиліе, даже минимальное, требует затраты энергіи, а энергію надлежит расходовать разсчетливо...

"Значит, — подумал я, — приглашеніе послано Зоей без его вѣдома".

— ...в особенности, — продолжал он, — если принять во вниманіе повод. Сам этот повод побуждает к осмотрительности в смыслѣ статьи "приход-расход" энергіи. Шутка ли сказать: номер тысяча!

На лицѣ моем, без сомнѣнія, было написано удивленіе, чѣм Аллот просто таки наслаждался!

— Да, да, — засѣменил он, — тысяча, номер тысяча! И я имѣю право на гордость: может ли быть сомнѣніе в том, что это прямой результат моей предусмотрительности и плод моих усилій?

— Не понимаю.

— Понимаю, что не понимаете. И поясняю. Я вписал, на днях, в нашу книгу тысячный заказ. А? Недурно? За мало лѣт собрать много заказов! В среднем вышло по одному каждые три дня. Вот вам очевидное, неоспоримое подтвержденіе пользы разумной траты энергіи, траты позитивной, прибыльной. Я полное имѣю право, полное из полных, Доминус, гордиться! И уж конечно имѣю право устроить, по случаю номера тысяча, коктейль в Ателье Зоя-Гойя. И конечно, само собой понятно, Доминус, что вы наш приглашенный номер первый! Заказ номер тысяча! Приглашенный номер первый!

Поболтав еще нѣсколько минут — он ушел, так и не обмолвившись ни одним словом о свадьбѣ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, как заключить, что приглашеніе было прислано Зоей без его вѣдома.

В тот же вечер меня вызвал по телефону нотаріус, попросившій заѣхать к нему для важнаго сообщенія. Войдя к нему в назначенный час я увидал и торжественную, и радостную улыбку. Он вынул из ящика папку и приступил к нѣкотораго рода допросу, касавшемуся моего происхожденія. Мнѣ надо было припомнить и даты, и имена, родственныя связи родителей. Он попросил меня, если это возможно, представ-

вить документы или копіи документов. Все это длилось настолько долго, что я начал испытывать нетерпѣніе.

— Еще минутку, — сказал нотаріус и задал еще один вопрос, касавшійся почти мной забытых подробностей тѣх лѣт, когда я готовился к экзаменам.

— Никаких сомнѣній, если бы даже они у меня были, не остается, — закончил он. — И простите мою настойчивость. В данном случаѣ я должен был дѣйствовать сообразно с указаніями моего заграничнаго коллеги. Теперь, на основаніи ваших показаній, я могу ему передать, что лицо, которое он искал, это вы. Таким образом вы оказываетесь единственным наслѣдником... он назвал имя того дальняго родственника, который помог мнѣ получить образованіе... — умершаго, не оставив завѣщанія. Как вам вѣроятно извѣстно, он был главным пайщиком больших сахарных заводов...

В средствах я не нуждался и до тѣх пор.

Теперь я становился очень богатым.

24.

Улица, на которую выходило ателье Зоя-Гойя, была узкой и темной, дома там были старые и облѣзлые. Отлично отдѣланная витрина была, со всѣм этим окруженіем, в довольно рѣзком противорѣчіи. Кромѣ того в ней всегда было выставлено что-нибудь свѣтлое, богатое красками: ширма с экзотическими птицами, стол, покрытый раскрашенной скатертью, какой-нибудь оригинально декорированный ледничек, удивительной формы ваза с цвѣтами, все умѣло освѣщенное... Помѣщеніе было раздѣлено на двѣ части. Впереди был магазин, сзади, отдѣленная от него застекленной перегородкой, собственно мастерская, которой, молчаливо и дѣятельно, руководила Зоя. Когда я пришел, все было сдвинуто к стѣнам и в серединѣ был длинный стол, уставленный бутылками и блюдами с пирожками и пирожными. Наверху, от стѣны до стѣны, красовалось бѣлое полотнище с цифрой 1.000. Всѣ служащіе и нѣсколько приглашенных, ожидая моего прихода, ни к напиткам, ни к закускѣ еще не притронулись. Увидав меня, Аллот потек мнѣ навстрѣчу. Если его походка была такой же, как всегда, то выраженіе лица казалось сосредоточенным, может быть даже торжественным. Даже беззрачковые глаза и ящеричная улыбка были словно затушеванными. В глубинѣ магазина, около мольберта, на котором был укрѣплен какой-то замысловатый рисунок, стояла Зоя. Она коротко на меня взглянула, и не только мѣста своего не покинула, но даже не кивнула головой, чему я не удивился: Зоя никогда не здоровалась и не прощалась .

— Милости просим, — заговорил между тѣм Аллот, на этот раз, повидимому, рѣшившій спрятать “Реверендиссимус Доминус” во внутренній карман, — и, прежде всего, разрѣшите вам представить наших приглашенных. Наши заказчики. Наши поставщики.

И он назвал по именам нѣскольких дам и мужчин, привѣтствовавших меня, если можно так выразиться, "ультра-коммерческими" улыбками, на что я отвѣтил тѣм же.

— Наш персонал вам знаком...

Дѣвицы и молодой человѣк вѣжливо поклонились.

Я направился тогда к Зоѣ.

— Здравствуйте, — сказал я.

Повернувшись, она посмотрѣла на меня с таким вниманіем, точно хотѣла проникнуть в мои мысли, и медленно протянула руку. Я только-только успѣл к ней прикоснуться, как она ее отдернула.

С тѣх пор как я ее видѣл, — за нѣсколько дней до поѣздки на юг, — она в чем-то перемѣнилась. Стал ли гуще румянец, стал ли еще сумрачнѣй не соотвѣтствовавшій веселому золоту волос взгляд?

Попрежнему был безупречен рот, нѣжен подбородок, и если невидимый рѣзец и намѣтил у висков и на щеках мѣста будущих морщин, то различить их можно было лишь тѣм, кому довелось видѣть распухшія черты ея матери. Узкое, зеленое платье, подчеркивавшее стройность, ей очень шло, а от общаго облика исходило какое-то напряженіе.

— У міра два лица, — затараторил приблизившійся Аллот, — я вам про это говорил, и теперь повторяю. Моя точка зрѣнія вам хорошо извѣстна: одно и то же обстоятельство можно описать, нѣт: изложить... нѣт: представить... нѣт: внутренне пережить, да, да, вот именно: внутренне пережить! — так, что иной раз оно покажется плоским, другой выпуклым. Один раз тусклым — другой окрашенным в ярчайшіе цвѣта. Один раз пустым, другой полным таинственнаго содержанія. Помните, как сказано в Священном Писаніи? "Воздайте Кесарево Кесареви, а Божье — Богови"? И это примѣнительно к одной и той же монетѣ. С одной стороны она впитала в себя все земное, плоское, матерьяльное, с другой послужила основаніем словам, прямо касающимся тѣх, кому дороги сокровища духа, т. е. в данном случаѣ нас. Да, нас! Нас. Мы прямые продолжатели Евангельских завѣтов. Тут, в этой декоративной мастерской Зоя-Гойя, мы обслуживаем высочайшіе идеалы... Даже среди приглашенных отпраздновать тысячный заказ, у стола с яствами, мы внимательны ко всему, что донеслось до нас из Святой Земли.

— Замолчите, Аллот, — прошипѣл я, до-нельзя раздраженный, — к чему всѣ эти разглагольствованія?

— А? Вы полагаете, что ни к чему? Позвольте с вами не согласиться. Допускаю, что Тысячный Заказ расположен цѣликом в планѣ матерьяльном и далек от того мистическаго заряда, который насытил Тысячный Год, и которым отмѣчен переход из десятаго вѣка в одиннадцатый. Но не забудем, что земное крѣпко связано с неземным. Почти, можно сказать, с ним слито. Всякому извѣстно, что житейское благополучіе поощряет движенія души. И что бѣдность с ея непремѣнными спутниками: голодом, холодом, неувѣренностью в завтрашнем

днѣ, поощряет движенія тѣла и вызывает соціальные безпорядки. Тѣло поставлено перед дилеммой: преодолѣть земныя трудности, или умереть и разложиться. Гдѣ же во время такой земной, такой низменной борьбы за существованіе, помышлять о красотах духа? О нем помыслят послѣ утоленія голода, обогрѣвшись у огня... Но это вскользь, на ходу. Возвращаюсь к Тысячѣ Заказов. Об этой Тысячѣ, можно сказать, можно даже на-пи-сать, что у нея один лик, если бы были тысячу раз заказаны одинаковые непромокаемые плащи или бутыли с ядовитыми газами. И другой, если дѣло касается возвышающаго дух искусства. Пусть даже прикладного, декоративнаго. Все-таки искусства...

Оттого, что на этот раз Аллот говорил ровным голосом, не называя меня Реверендиссимус Доминус, не вставляя своих хэ-хэ, и оттого еще, что я не был его единственным слушателем и дѣлил недоумѣніе с приглашенными, его кривляніе только больше коробило. Я не понимал, к тому же, что могло его к этому выступленію побудить? Точно в отвѣт на мою мысль, стоявшая за мной мастерица тихонько обратилась к своему сосѣду:

— Любовь-то, любовь-то, скажите пожалуйста, что дѣлает...

— И добавлю, в заключеніе, что этим нашим устремленіем ввысь мы обязаны Зоѣ, — продолжал Аллот, — так как только ея исключительное дарованіе позволило нашему коммерческому предпріятію стать отдѣленіем храма искусств! Зоя! О! Зоя! Гдѣ вы?

Отошедшая в глубину помѣщенія Зоя стояла там как окаменѣлая. На зов Аллота она не отозвалась никак: не произнесла ни единаго звука, не улыбнулась, не пошевельнулась. Отыскав ее глазами, он застыл. Я различил в его взглядѣ какой-то коротенькій луч: был ли это вопрос? Была ли это мольба? Смиреніе? — Не знаю.

Приблизившись к ней он предложил ей руку, на которую она нехотя оперлась, и подвел ко мнѣ.

— Зоя и я, мы оба вас благодарим, — сказал он попросту, слегка поклонившись. Она же не шевельнулась. В глазах ея я прочел мученіе.

Тотчас же она выпростала руку и снова отошла к мольберту. Послышалось что-то вродѣ нелѣпых смѣшков, и все вошло в обычное русло.

Оказавшись, по окончаніи пріема, на улицѣ вдвоем с Аллотом, я ему, без обиняков, сказал, что послѣднее его замѣчаніе слегка сгладило непріятное впечатлѣніе, оставленное его спичем, но что все-таки оно остается непріятным. И добавил, что в особенности неуклюже было говорить в присутствіи посторонних, подвергая Зою ненужному испытанію.

— Реверендиссимус, Реверендиссимус, — отвѣтил он, — неужели же вы могли хоть на мгновеніе допустить, что охотнику за сюжетами достаточно плавать по поверхности жизни, что его могут удовлетворить, хэ-хэ, лишь ея тѣлесныя проявленія, что ему не захочется, иной раз, нырнуть в глубины инстинктов или взлетѣть к метафизиче-

ским вершинам? Земно склониться перед догматами? Почувствовать дыханіе потусторонних вѣтров и осознать себя не просто мастером литературы, а мастером избранным? Надо ли мнѣ признаться? А? Признаніе очень удобный и излюбленный авторами пріем. Но я не автор, я охотник за сюжетами, я не пишу книг, я творю их содержаніе и проникаю в него живьем, стоя, во весь рост! Признаться или не признаться?

— Как хотите. Особаго любопытства я не испытываю.

— Да вѣдь я уже признался, — проговорил он, — я уже сказал, что гонюсь за сюжетом характера...

— Характера?

— Житейскаго. Да, да, житейскаго! Чувственнаго. Сентиментальнаго. Психологическаго. Моральнаго. Религіознаго. Церковнаго. Недурно задумано? А? Скажите, Реверендиссимус?

Вскорѣ послѣ этого Мари и дѣвочки вернулись из деревни и дома, с их пріѣздом, водворилось радостное оживленіе. Мари-Женевьев и Доротея загорѣли, были веселы и с увлеченіем разбирали заготовленные мной подарки. Ритуал "охапок времени" был возобновлен.

— Смотри, — говорила Мари, — минут больше чѣм когда бы то ни было. Я много их накопила для тебя, в деревнѣ. Смотри, смотри как онѣ носятся во всѣ стороны!

Я был растроган, я был смущен. И только немного спустя понял причину моего смущенія: я упустил необыкновенный случай отвѣтить, что я тоже собрал немало минут. Как раз, когда Мари с дѣвочками были в деревнѣ, пришли старинные часы. Наведя справку о хорошем мастерѣ, я не нашел, однако, свободнаго времени, чтобы пойти к нему сговориться. Так что неподвижныя стрѣлки как раз тоже копили минуты. Впрочем, радость встрѣчи все отодвигала на второй план. Она так меня захватила, что я забыл сказать Мари о новом наслѣдствѣ.

О другом же событіи: бракосочетаніи Зои и Аллота, — при котором я присутствовал, я не упомянул умышленно. Тут я могу себя упрекнуть в том, что я мог на эту свадьбу не явиться, и все же, подчинившись роду нездороваго любопытства, явился. Может быть мной руководило что-то похожее на желаніе взять реванш? Но сравнить мои впечатлѣнія с описаніем Аллотом моей собственной свадьбы я мог лишь гораздо, гораздо позже. Тогда же, еще не зная, что Аллот "прятался под деревьями", я видѣл только тождественность обстановки: Аллот и Зоя вѣнчались там же, гдѣ мы с Мари.

Опасаясь, что мой автомобиль будет узнан, я пріѣхал на такси, приказав шоферу остановиться не доѣзжая, но не слишком далеко, так как хотѣл непремѣнно все видѣть. Стояла солнечная и теплая погода. Приглашенных, среди которых я узнал служащих художественнаго ателье и двух-трех гостей, было мало. Как прошла служба — я не знаю, так как, само собой понятно, в церковь не вошел. В сущности, впечатлѣніе у меня сохранилось лишь о выходѣ молодых. Пер-

вое, что меня поразило — это фата и бѣлое платье Зои. Второе — глаза Аллота. Он смотрѣл куда-то вверх, не замѣчая ни того, что было в непосредственной близости, ни в отдаленіи. Он был отсутствующим, поглощенным, каким-то вдохновенным, он не в этот мір смотрѣл, он вообще никуда не смотрѣл. Никогда я его таким, ни раньше, ни послѣ, не видѣл. Этому взгляду, похожему, пожалуй, на взгляд тяжело больного, или на взгляд умирающаго, противорѣчила неподвижная, ящеричная улыбка. На нем был хорошаго покроя фрак и шел он своим мышиным шагом чуть-чуть отставая от Зои. Скорѣй скользил он, чѣм шел. Зоя смотрѣла себѣ под ноги. В шелковом, блестящем своем платьѣ и в фатѣ она была очень эффектна. Когда она, вдруг подняв глаза, взглянула в мою сторону, я откинулся назад и постарался спрятаться за спиной шофера. Все же я замѣтил, что она, в направленіи моего такси, смотрѣла довольно долго. Что было написано в ея взглядѣ я не разобрал: равнодушіе? Спокойствіе? Смиреніе?

25.

Проснувшись утром еще раз, — как это теперь случалось все чаще и чаще, — в состояніи подавленности, я тотчас же замѣтил, что Мари рядом со мной нѣт. Вскочив, я едва успѣл накинуть халат, как она вошла в спальню.

— Ты уже встал, — проговорила она ровным голосом. — Мое отсутствіе тебя, вѣрно, удивило?

— В чем дѣло, в чем дѣло? — перебил я ее, сразу замѣтив, что ея спокойный вид результат усилія.

— Я провела ночь у постельки Доротеи, — продолжала она, с еле замѣтным упреком. — Я ее нашла всю в огнѣ, когда зашла в дѣтскую посмотрѣть, как дѣвочки спят. Я не стала тебя будить, так как ты вчера вернулся поздно. (Я дѣйствительно был на банкетѣ торговой палаты.) Нерс сидѣла со мной. Мы поставили градусник: 39,5. Доротея немного бредила, и ее два раза стошнило. Вѣроятно, засореніе желудка.

Слушая ее я, одновременно, слушал и то, что творилось во мнѣ и спрашивал себя: нѣт ли между моим состояніем и болѣзнью дѣвочки какой-то внутренней связи?

— Ты увѣрена, что это засореніе желудка?

— Почти увѣрена. Мы вчера были у (Мари назвала фамилію своих друзей) по случаю именин их старшей дочери, и дѣвочки пили шоколад, ѣли пирожныя, груши, виноград, орѣхи и винныя ягоды. Доротея очень рѣзвилась, бѣгала, играла. Это могло разстроить пищевареніе.

— Надо вызвать доктора, — сказал я, с нетерпѣніем.

— Я уже ему позвонила, он пріѣдет к девяти.

Мы прошли в дѣтскую, гдѣ Доротея была одна, так как кроватку

Мари-Женевьев еще ночью перенесли в комнату нерс. Дѣвочка дремала, щечки ея были очень красными.

— Градусник снова показал 39,5, — прошептала нерс, добавив, чтобы меня успокоить, что у дѣтей температура поднимается очень легко.

Я посовѣтовал Мари воспользоваться временем, оставшимся до прiѣзда доктора, чтобы принять ванну, — послѣ безсонной ночи это лучшее средство возстановленiя сил. Через нѣсколько минут послѣ того, как она заперлась, раздался звонок. Нерс дежурила у Доротеи, горничная спустилась за булочками. Разсудив, что это, вѣроятно, прибывшiй раньше времени доктор, немного досадуя на то, что Мари, как раз, купается, и что сам я в халатѣ и еще не брит, я пошел открыть дверь. И увидал Зою. Не знаю, больше ли я удивился, чѣм разсердился, или наоборот, — но желанiя проявить хоть минимум любезности я не испытал.

— Вы? Что вам нужно? — сказал я.

И так как она молчала, глядя на меня не то с упреком, не то с мольбой, то я добавил:

— Вам что-нибудь нужно?

Ея черты отразили внутреннее усилiе: то ли она хотѣла что-то сказать, то ли боролась с собой, чтобы не сказать лишняго.

— Зачѣм вы пришли? — спросил я, рѣзко.

И так как она все молчала я хотѣл было закрыть дверь. Угадав, вѣроятно, мое намѣренiе, она прошептала:

— Подождите.

И двумя секундами позже добавила:

— Я вас видѣла в такси, у церкви.

Теперь наступила моя очередь молчать, так как какое-то — не знаю какое? — преимущество было на ея сторонѣ.

— Вы один? — проговорила она. — Или ваша жена уже вернулась?

— В сущности, это вас не касается. Но так как секрета в этом никакого нѣт, то могу вам сказать, что моя жена вернулась. Но какова все же цѣль вашего визита?

— Я сама его цѣль. Я хотѣла вам разсказать о себѣ разныя вещи. Я много знаю разных вещей.

Таким тоном, с такими ударенiями, так рѣшительно она говорила со мной впервые. Но намѣренiе ея оставалось непонятным.

— Не можете ли вы уточнить? — промолвил я.

— Могу и уточню. Но не сейчас.

— Это очень удачно. Как раз и мнѣ некогда.

— Я не спѣшу, и могла бы подождать, — парировала она, все тѣм же тоном. — Но сегодня дѣло не в вас. Сегодня дѣло во мнѣ. Я уйду, так как не вам, а мнѣ выбирать и время и мѣсто встрѣчи.

Она направилась к лѣстницѣ. Но у первой ступеньки обернулась

и не то улыбнулась, не то что-то прошептала, как уже нѣсколько раз дѣлала, уходя из моего бюро.

В столовой я задумался. Что это могло значить? Выполняла ли Зоя какое-нибудь порученіе Аллота? Если он намѣревался возобновить угрозы вторженія и снова заносил руку над спокойствіем Мари, то без серьезнаго и многообѣщающаго повода он рѣшиться на это не мог: с тѣх пор, как Художественное Ателье прочно стало на ноги, он казался совершенно удовлетвореннным и дальше разглагольствованій не шел. Недоумѣніе мое и досада были тѣм большими, что мое умѣніе разбираться в подоплекѣ конкурентов и разгадывать их замыслы ни в чем мнѣ не помогало. Я рѣшительно не мог проникнуть ни в побужденія Зои, ни в планы Аллота (если он, в этом случаѣ, ею руководил). Пока я так размышлял, все кругом оживилось. Мари вышла из ванны. Горничная вернулась с булочками и стала накрывать на стол. Нерс пришла спросить, надо ли перемѣнить простыни и бѣлье Доротеи к приходу доктора? Я пошел в ванну, но только успѣл приступить к туалету, как раздался звонок, и я понял, что это доктор. Когда, послѣ осмотра дѣвочки, мы всѣ собрались в столовой, чтобы позавтракать, доктор подтвердил, что ничего серьезнаго нѣт. Мари была права: просто Доротея объѣлась. Лѣченіе было самое простое: діэта, кое-какія капли, теплая повязка на животик, в постели до того, как не спадет жар. Через нѣсколько дней все должно пройти. Шутя доктор замѣтил, что если бы поводы нас навѣщать не были связаны с его профессіей, то он только бы каждый раз наслаждался, таким у нас все дышало спокойствіем и благорасположеніем! Так много в наших комнатах было воздуха, свѣта, счастливых минут...

— И как раз мои новые часы стоят, пошутил я, указывая ему на них.

— Так это же настоящій астрономическій прибор! — воскликнул он, с нескрываемым восхищеніем. — Всѣ знаки Зодіака! И какая эмаль, какая рѣзьба!

Когда он ушел, Мари спросила:

— Кто приходил пока я была в ванной?

— Мнѣ принесли бумаги, которыя мнѣ понадобятся сейчас, в министерствѣ торговли, — отвѣтил я, удивляясь легкости, с которой солгал.

— Ты только просыпаешься, — вздохнула она, сокрушенно, — и уже тебѣ надо думать про министерство, про банки, про контору, про адвокатов... что еще? Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, разсыльный не переступил порога? Дѣл домой мы не пускаем, помнишь?

— Он не переступил порога.

На этот раз мнѣ лгать надобности никакой не было. Но спѣшить — приходилось. Уходя я поцѣловал Доротею и попросил Мари мнѣ протелефонировать в бюро.

"Еще раз, — подумал я, — не поспѣю к часовщику". Я уже совсѣм было собрался кого-нибудь к нему послать, как, взглянув в за-

писную книжку, замѣтил, что его магазин расположен по пути в министерство. Я так обрадовался, что подѣлился этим с Мари.

— О да, это очень хорошо, — сказала она. — Ты не забыл принесенных тебѣ бумаг? Гдѣ онѣ ?

— В портфелѣ.

В министерствѣ мнѣ пришлось минут десять подождать. Я воспользовался этим, чтобы еще раз попытаться разгадать повод визита Зои.

— Не Зои, — пробормотал я, — а мадам Аллот. Она вѣдь теперь мадам Аллот.

Так моя мысль скользнула в сторону присланной ею калиграфической и рукописной карточки-приглашенія, и я подумал, что сдѣлано это было в тайнѣ от Аллота. Весьма вѣроятно и утренній ея визит тоже был тайным. Было еще и то, что Аллот не только меня на свадьбу не позвал, но никак о предстоящем бракосочетаніи не упомянул. Все это, однако, вѣсило гораздо меньше, чѣм признаніе Зои, что она меня видѣла в такси.

Выйдя из министерства я увидал, что идет дождь.

Магазин часовщика оказался большим и новым. Стеклянные прилавки, полки, никель, зеркала, неоновое освѣщеніе и вездѣ часики, послѣдних моделей будильники, и часы: столовые, стѣнные, на подставках, плоскіе... Молоденькая продавщица, с артистически завитыми волосами, с красными ноготками, в тщательно отглаженном узком платьѣ, как нельзя лучше гармонировала с общей обстановкой.

— Я хотѣл бы видѣть господина Романеску, — обратился я к приказчицѣ.

Пріятно улыбнувшись дѣвица юркнула в боковую дверь и почти тотчас же в магазин вошел его владѣлец. Достаточно было одного взгляда, чтобы увидать, что это волевой, независимый в сужденіях и опытный в дѣлах человѣк. Он был высок, массивен, широкоплеч, у него были большія руки, посадка головы была чуть-что не надменной. Сѣрые внимательные глаза, густыя брови, подстриженные, с просѣдью, усики. Бѣлый колпачек на головѣ не позволял опредѣлить, лыс он, или не лыс, а халат коммерсанта обтекал комфортабельное брюшко, отлично подхватывавшее его высокій рост. Ни в чем не походил он на того часовщика-стараго ремесленника, котораго я ожидал увидать, и который был бы в продолженіи и моих часов, и того, как часы эти стали моей собственностью. Мнѣ было непріятно. Мнѣ так было непріятно, что я подумал: не уйти ли, не обратиться ли к другому мастеру?

— Чѣм могу служить? — спросил Романеску. Его спокойный голос совершенно соотвѣтствовал его облику.

Я слегка медлил с отвѣтом. Водворилось молчаніе, и внезапно я услыхал, как тикают часы. Одни быстро, торопясь, другіе важно, третьи тихо посмѣиваясь или болтая глупости, четвертые с методической равномѣрностью. Взглянув в окно я увидал за стеклом подвижную сѣтку дождя, противорѣчившую яркости, сухости, блеску помѣщенія.

— В вашем магазинѣ слышно, как течет время, — произнес я. — Это тиканье вас не утомляет?

— Нисколько. Я его не замѣчаю. Могу даже сказать, что я его совсѣм не замѣчаю.

— И не находите, что это похоже на возню каких-то насѣкомых? — усмѣхнулся я.

— Никогда мнѣ это не приходило в голову, — отвѣтил он, любезно. — Я скорѣй думал, что раз время — деньги, то время может быть товаром. Но торгую я часами, и даю время в видѣ безплатнаго приложенія.

Он слегка посмѣялся и продолжал:

— Кому и как мои стрѣлки будут указывать час, когда надо вставить и итти на работу, или ложиться спать, кому подскажут, что надо спѣшить, или что времени еще много — меня не касается, не так ли? Когда мои часы разойдутся по комнатам и карманам, они начнут отсчитывать личныя секунды и минуты. А здѣсь, пока они не проданы, они болтают, о чем хотят. Так что насчет возни насѣкомых...

— Вы поэт.

— В настоящее время я часовщик.

— Стало-быть не всегда им были? — замѣтил я, не подумав, что он может счесть вопрос за неумѣстный. Но он отвѣтил попросту:

— Не всегда. Раньше я был банкиром. Но мнѣ пришлось покинуть мое отечество из-за соціально-политических неурядиц, которыя меня разорили. Да и жизни моей там угрожала опасность. Заграницей я использовал познанія, пріобрѣтенныя в годы юности, когда из простого любопытства увлекался часовым механизмом. Тут я начал с очень скромной починочной мастерской. Потом мое дѣло разрослось....

И он, с очевидным удовлетвореніем, оглянул магазин.

Я пояснил тогда, в чем заключается приведшее меня к нему дѣло.

— Хорошо, я приду осмотрѣть ваши часы, — сказал Романеску, — это меня интересует. И если окажется, что моего опыта не хватит, то у меня тут есть очень искусный старый мастер...

— Когда? — спросил я.

— Сегодня не могу. Завтра?

— Да, но не раньше семи вечера. Днем я очень занят, а присутствовать при экспертизѣ хочу непремѣнно. Мои часы показывают не только часы и минуты, но дни, недѣли, годы, столѣтія. Мнѣ кажется, что осмотрѣв их вы дадите интересныя объясненія.

— Вы слишком любезны...

— Я пришлю за вами автомобиль. Значит до завтра вечером?

— Непремѣнно.

Дождь продолжал итти. Торговка цвѣтами, будка которой находилась как раз против двери магазина, куталась в черный резиновый плащ и старалась укрыться под брезентом, натянутым над букетами гвоздики, георгинов, папоротниками и шпажниками. Противорѣчіе между яркими красками цвѣтов и болѣзненным выраженіем ея лица было по-

давляюще. К этому зрительному впечатлѣнію присоединялось как бы эхо тиканія, неугомонно гнавшихся за минутами часов. В автомобилѣ я стал думать о вереницѣ дѣл и вопросов, ожидавшей меня на фабрикѣ и испытал род растерянности, похожей на ту в которой я, с нѣкоторых пор, просыпался.

Но в бюро все пошло своим чередом.

Из-за дѣл время выглянуло лишь к одиннадцати и, в теченіе нѣскольких минут, я мог задуматься о том, как побаловать Доротею, когда она поправится. На моем блокнотѣ значилось, что в половину двѣнадцатаго меня ждут у присяжнаго стряпчаго для обсужденія конкордата с одним из поставщиков сырья, объявившаго себя несостоятельным. И уже снова звонил телефон: главный бухгалтер сообщал, что предъявленный им к оплатѣ чек не обезпечен. Чек был довольно крупный и бухгалтер хотѣл со мной посовѣтоваться. Я попросил его зайти ко мнѣ. Только положил трубку — стандардистка сообщила о приходѣ Зои. Я уже вставал, когда появился сіяющій бухгалтер, чтобы сказать, что тотчас послѣ нашего разговора его вызвал банк и увѣдомил о пополненіи счета покупателя телеграфным переводом. Мы обмѣнялись удовлетворенными улыбками и я пошел в пріемную. Зоя подняла на меня то, что принято называть "умоляющим взором".

— Что вам угодно? — спросил я, сухо.

— Я вас прошу меня выслушать, — произнесла она дрожащими губами. В бюро, куда я дверь оставил открытой, зазвонил телефон.

— Алло?

Присяжный стряпчій, к которому надо было ѣхать, просил его извинить. Дѣло откладывалось на три дня.

Надѣв пальто, я снова вышел в пріемную, сдѣлал Зоѣ знак за мной слѣдовать и, усадив ее в автомобиль, сказал шоферу ѣхать в парк, к озерам.

— В чем дѣло? — спросил я Зою.

Покачав отрицательно головой она указала глазами на спину шофера. Губы ея были неподвижны, никакой гримасы на лицѣ не было, но по щекам текли слезы.

26.

У второго озера мы вышли из автомобиля и пошли рядом по пустой, в этот час, аллеѣ. Дождь перестал, но с деревьев падали блестѣвшія как серебро капли и все кругом: кусты, трава, песок было мокро. Пахло землей, мохом и гнилыми листьями. Совсѣм низко бѣжали рваныя облака, сквозь которыя не пробивалось ни одного солнечнаго луча. Зоя шла, как автомат, ничего не замѣчая.

— В моем распоряженіи не слишком много времени, — проговорил я, — так что если вы хотите мнѣ что-нибудь сказать, не откладывайте.

— Я так много знаю, — отвѣтила она, — что не знаю, с чего начать.

Она остановилась. Я повернулся к ней, чтобы лучше ее видѣть. Взяв тогда меня обѣими руками за локти, она придвинула лицо свое к моему так близко, что я, подумав, что она хочет меня поцѣловать, отшатнулся. Тогда, тихонько, мягко, может быть даже с нѣжностью, она произнесла:

— Теперь поздно. Но до самаго почти конца я надѣялась, что вы помѣшаете.

— Помѣшаю чему?

— Свадьбѣ. Он уже давно это затѣял, но я отговаривалась тѣм, что спѣшить некуда, что мы успѣем. А сама ждала чтобы что-нибудь случилось.

— Но вы могли не соглашаться. Как мог он вас принудить?

— Я не могла не согласиться. Он меня себѣ подчинил.

Еще ближе ко мнѣ придвинувшись, почти прижавшись, Зоя проговорила:

— Если бы я рѣшилась бѣжать, то как могла бы я вас видѣть? Мнѣ пришлось бы скрыться от всѣх и, значит, и от вас.

Я молчал. Приняв, вѣроятно, это молчаніе за согласіе слушать дальше, она продолжала с порывистостью:

— Я думала, что вы, может быть, захотите. Мужчины так дѣлают, я знаю. Я пришла к вам ночью, когда вы были один, и позвонила три раза. Но навѣрно вы спали очень крѣпко, не слышали, не открыли и я ушла.

Мое раздраженіе все возрастало и, между тѣм, я ничего не дѣлал, чтобы прекратить это объясненіе.

— Мнѣ иногда казалось, что я вам нравлюсь, — почти шептала она, — и мнѣ так мало было нужно. Я заранѣе была согласна на всѣ условія, на всѣ требованія. Никто никогда ничего не узнал бы. Я бы жила взаперти, мнѣ довольно было бы видѣть вас раз в мѣсяц, на час... Я была бы рада быть вашим секретом, гордилась бы этим.

— У вас не было ни малѣйшаго шанса, — вставил я, стараясь придать голосу равнодушный оттѣнок. На самом дѣлѣ я был взволнован.

— Теперь я это знаю.

— И чего же вы теперь хотите?

— Хочу, чтобы вы от меня о нем все узнали, а не от него самого... или от кого-нибудь еще. Мнѣ не было четырнадцати лѣт, когда все случилось.

— Насильно? — спросил я, подавляя отвращеніе.

— Конечно насильно. Не можете же вы думать, что тринадцати лѣт отроду я могла его любить?

— Почему же...

— Почему я от него не ушла? Куда уйти тринадцатилѣтней дѣ-

вочкѣ? Даже на тротуар нельзя... И кому я могла про такія вещи разсказать? Матери? Если бы вы знали... Кромѣ того я была ему подчинена, я вам сказала. Он может себѣ подчинять. Он меня держал как держат собаку, на привязи.

— Но потом, когда вы подросли?

— Потом было поздно. Во мнѣ что-то надломилось, или потухло, я не знаю. В душѣ что-то оборвалось. Я примирилась, или привыкла... Я ему служила. Да, именно служила, это как раз подходящее слово. И ничего не ждала. До тѣх пор, как он не привел меня к вам. С этой поры я стала ждать. Я про вас думала. Я хотѣла быть к вам ближе. Я на что-то надѣялась.

Мнѣ пришло в голову слово "напрасно", котораго я, почему-то, не произнес. Но она догадалась.

— Я знаю, что это было напрасно, — сказала она. — Что все было напрасно, что напрасно я, иной раз, спрашивала себя: не разсказать ли вам все, чтобы вы вмѣшались? Даже если бы тогда ночью вы мнѣ открыли и я к вам вошла, вы все равно свадьбы не разстроили бы. Все было напрасно. Ни на что вы не согласились бы.

— Не согласился бы. Но теперь-то, теперь что вам от меня нужно? Зачѣм теперь вы мнѣ про все это разсказываете?

— Чтобы вы знали, — прошептала она и остановилась, точно самое себя спрашивая: можно ли выпустить на волю колдовское слово?

— Чтобы я знал что?

— Чтобы вы все про него знали. Чтобы вы знали, какой он. Мнѣ-то он разсказал... все разсказал...

— Что он вам разсказал?

— Все.

Я молчал. Я был совсѣм подавлен.

— Я же вам объяснила, — продолжала она, — что я так много знаю, что не вижу, гдѣ начало. О себѣ первой я заговорила, потому, что так проще.

И, обняв меня руками, глядя в глаза, прошептала:

— Я вас люблю.

Я отстранил ея руки. Ничего не говоря я, мысленно, тщетно искал выхода из нелѣпаго положенія. К тому же мнѣ было ее жаль.

Через нѣсколько секунд, снова меня обняв, Зоя сказала:

— До безумія. Для вас я готова на все, на какую угодно жертву. Чтобы вам было лучше, я на все, все, все готова...

Я старался развести ея руки, но она сопротивлялась, смотрѣла мнѣ в глаза, почти дрожала.

— На все, — шептала она, — даже на молчаніе.

— Идемте. Уже поздно. Я спѣшу.

Она отпрянула. Кажется, в ея рѣсницах заблестѣли слезы. Мы двинулись к автомобилю. Зоя шагала словно автомат.

— Но почему же, — спросил я, — вы надѣялись до свадьбы, а теперь больше не надѣетесь?

— Мадемуазель Малинова, — отвѣтила она, без малѣйшаго колебанія, — пусть даже у нея большое прошлое, все же мадемуазель Малинова, и свободна. Но мадам Аллот?..

Разубѣждать ее я не стал.

В автомобилѣ, совершенно собой овладѣв, ровным и спокойным голосом, говоря так, как говорят о дѣлах, повѣдала она мнѣ, что три дня тому назад, сходя с лѣстницы, Аллот упал и сломал берцовую кость у самаго верха ея. Я спросил, помѣстили ли его в госпиталь, и узнал, что нѣт. Ему сдѣлали гипсовую повязку и он остался дома, гдѣ Зоя сама за ним ухаживала.

— Это надолго, — пояснила она, — в его возрастѣ кости сростаются с трудом. Хорошо еще если он не останется калѣкой.

Когда мы остановились у ея подъѣзда, она, перед тѣм как выйти, повернулась ко мнѣ, чтобы, вопреки привычкѣ, попрощаться, и длительно на меня посмотрѣла.

— Это ужас как я его люблю, — услыхал я.

Губы ея шевелились, как раз так же, как онѣ шевелились, когда, выходя из бюро, она не то улыбалась, не то шептала. Тогда я не понимал. Теперь я знал.

Признаюсь, что предпочел бы остаться в невѣдѣньи.

Но вот уже, на смѣну этим мыслям, спѣшили другія: Мари должна была безпокоиться, так как к завтраку я опаздывал. Как было здоровье Доротеи? Не расхворалась ли Мари-Женевьев? Спокойная, нарядная столовая, бѣлая скатерть, серебро, хрусталь, цвѣты в вазах!

Когда я открыл дверь и Мари выпустила из рук "наши минуты", я прежде всего сказал:

— Часовщик придет завтра вечером.

27.

Послѣ завтрака этого дня я был очень занят, но вернуться мнѣ удалось все же довольно рано. Доротеѣ было лучше, жар понизился и она спокойно играла в своей кроваткѣ с плюшевым медвѣдем и бархатной бѣлкой. Мы рано легли. Засыпая, я с внутренним удовлетвореніем думал, что все благополучно. Тѣнь, оставленная разговором с Зоей, разсѣялась и можно было допустить, что новых попыток встрѣтиться Зоя не предприметь.

Ночью, проснувшись, я прислушался к легкому дыханію Мари. Я упрекнул себя в том, что ничего ей не сказал насчет новаго наслѣдства, и рѣшил непремѣнно исправить этот пробѣл завтра с утра. И вдруг меня охватили страх и отвращеніе. Вытянувшись, сжав кулаки, я замер в ожиданіи: не то шума, не то шагов, не то голоса. И мысль о наслѣдствѣ, и постоянныя, привычныя мысли о дѣлах, и, тоже постоянная, радостная забота о семьѣ, — все это исчезло. Однако никакого шума, никаких шагов, никакого голоса не раздалось. Со всѣх сторон — не-

много как подступают воды во время наводненій — надвинулся тяжкій, черный сон.

Но на утро я был бодр и свѣж. Мари уже была на ногах и вошла в спальню, когда я начал вставать. Она сказала, что Доротеѣ лучше, что жар небольшой, что ее кормит нерс, и что Мари-Женевьев одѣвается и будет пить чай с нами. В окна столовой, куда я прошел послѣ ванны, свѣтило блѣдное осеннее солнце. Мари поправила цвѣты в вазах и, посмотрѣв на старинные часы, спросила меня:

— Они сегодня вечером должны снова начать тикать?

— Часовщик будет сегодня, но починит ли он часы сразу, сказать не могу.

Доктор пришел к девяти, осмотрѣл дѣвочку, нашел большое улучшеніе и сказал, что все теперь должно скоро пройти, и что он забѣжит послѣ-завтра.

Обычный день вступал в свои права обычной поступью. В окно я видѣл, как подали мой автомобиль. Поцѣловав Мари, я отправился на фабрику.

По дорогѣ я приказал шоферу остановиться у газетнаго кіоска, чтобы купить иллюстрированный журнал. Но чтобы найти свободное мѣсто, шоферу пришлось проѣхать лишних метров шестьдесят. Я вышел и направился к кіоску. Мнѣ попалось нѣсколько встрѣчных, на которых я не обратил больше вниманія, чѣм вообще обращают вниманія на прохожих. Но все же я сказал себѣ, что эти нѣсколько человѣк мнѣ так же чужды и безразличны, как могли бы быть чуждыми и безразличными люди иного міра. "Точно привидѣнія", — подумал я. И тут же, с ироніей, усмѣхнулся, самому себѣ удивившись: "Как мнѣ могло притти в голову столь романтическое сравненіе?" Зато в отношеніи иллюстрированнаго журнала все было ясно: недѣлей раньше нам случайно удалось узнать, что один конкурент помѣщает в этом выпускѣ занимающую цѣлую страницу рекламу, и, при этом, необычайно оригинальную, как по исполненію, так и по замыслу. Я хотѣл ее разсмотрѣть на досугѣ.

— Как бы ни был хорош рисунок, Зоя сдѣлает лучше, — подумал я.

И тотчас же и вчерашній разговор с ней в пустынной аллеѣ, и вызванный Зоей образ Аллота, лежащаго в гипсѣ, и то, что я об этом умолчал — встали перед моим мысленным взором. Я испытал смѣшанное чувство неудовольствія и опасенія.

— Другой мір, населенный привидѣніями, — пробормотал я, но на этом опыт сравненія остановился. Я уже был перед кіоском.

Я назвал нужный журнал, торговец положил его передо мной на прилавок. Я протянул монету. Торговец взял ее, бросил в ящик и стал собирать сдачу.

Всѣ, самыя малѣйшія детали его движеній врѣзались в мою память с особенной четкостью. Онѣ всѣ уже были в ушедшем. Но никакого предчувствія грядущей перемѣны у меня не было. Самого

мгновенія перемѣны я не замѣтил так же, как, вѣроятно, не замѣчают смерти. Лишь когда оно миновало и само ушло в прошлое, я опредѣлил, что все стало другим. Не взяв ни журнала, ни сдачи, не обратив вниманія на восклицанія торговца, смысла которых я даже не понял, я пошел прочь.

Так как точно объяснить, что произошло, я не могу, то единственное, что мнѣ остается сдѣлать, — это прибѣгнуть к сравненію.

Тронул ли мою душу какой-нибудь неизвѣстный луч? Сжала ли ее чья-то рука? Или, наоборот, послѣ того, как долго сжимала, наконец отпустила? Зажегся ли вокруг меня, только одному мнѣ видимый, свѣт? Или, наоборот, какую-то область моей души охватила тьма? Перестал ли я двигаться по пути, бывшему моим, с мгновенія моего рожденія, и перешел в иное измѣреніе, на иную орбиту? Или — послѣ долгих блужданій — вернулся снова на предназначенную мнѣ тропинку? Конечно, всѣ эти сравненія и образы только отчасти что-то объясняют, и какова глубокая природа перемѣны, — я не знаю.

Знаю только, что я пошел прочь. Не прочь от кіоска, не прочь от ждавшаго меня автомобиля, — а прочь от того образа жизни, который предшествовал мгновенію перемѣны, и который, до этого, был моим естественным, вполнѣ меня удовлетворявшим образом жизни.

Дойдя до угла я завернул и зашагал по длинной, узкой улицѣ, которая привела меня к сквэру. Ни о Мари, ни о дочерях, ни о фабрикѣ, ни о дѣлах я не думал. О чем я думал гуляя по дорожкам сквэра? Ни о чем не думать вѣдь нельзя. Какія-то мысли в моем сознаніи шевелились, что-то в моей памяти бродило. Но на обычныя мысли, на всегдашніе образы, то, что заполнило теперь мой умственный взор и мой душевный мір, походило столько же, сколько музыкальная фраза походит на статистическую выкладку. Изложить этих мыслей я не могу. Мнѣ кажется, что преимущественной их темой было что-то вродѣ понятія свободы. Или освобожденія. Или легкости. Однако, это никак не могло быть сознаніем конца зависимости, так как я всегда был сам себѣ хозяином.

Скорѣй это имѣло отношеніе к соображеніям о разницѣ между той областью жизни, которая исчерпывается практическими шагами, и той, в которую практическим шагам доступа нѣт, и о попыткѣ себѣ эту вторую часть, хотя бы в извѣстной мѣрѣ, подчинить. Для этого, как будто, нужен род одиночества, — одиночества среди других, того, которое нѣкоторые называют "одиночеством в толпѣ", и которое, вѣроятно, родственно совершенной свободѣ.

28.

Пробыл ли я в скверѣ нѣсколько минут, или полчаса, или час, я не знаю. Именно не знаю, а не не помню. С той секунды, дрогнувшей и расщепившейся, когда я, покупая журнал, отрекся от моего образа

жизни и ея содержанія, ея смысла, самое мое время, кажется мнѣ, измѣнило свою природу.

Конец раздумью или "отсутствію" положил скрип гравія под чьими-то шагами: мнѣ навстрѣчу шла пожилая дама. Поймав на себѣ ея насмѣшливый взгляд, я подумал, что всякій взгляд непремѣнно или благословляет, или проклинает, и что в насмѣшкѣ естественнѣй различить проклятіе, чѣм благословеніе. Я поежился от этой мысли. Как раз я вѣдь был в началѣ какого-то пути и старался разгадать контуры того, что шло на смѣну внезапно затемненному подозрѣніем существованію. "Жизнь на волѣ"? Приключенія, экзотическія путешествія, заморскія страны, туземцы, корабли, океаны, хищники, объятія креолок, опасности, поиски зарытых пиратами на островах сокровищ? Все это никогда меня не манило, ни о чем подобном я никогда не помышлял, ни с чѣм таким жизни своей не сравнивал, никакого расположенія к странствованіям в себѣ не ощущал.

У края моего сознанія мелькнуло тогда нѣсколько образов-воспоминаній: почти случайно названная мной невѣстой, у постели умирающаго, Мари, Аллот, в глубинѣ такси нащупывающій своим жалом слабое мѣсто в моей душѣ, вливающій в нее яд, крест на могилѣ с днем рожденія и без дня кончины, сгорѣвшій дом и сгорѣвшій в нем портрет, проносившіеся над пустынным пляжем свѣтовые года, старинные часы, зачарованный город...

И тотчас же все исчезло...

Выйдя из сквера я зашагал по тротуару безо всякой опредѣленной цѣли, немного как автомат, чувствуя себя ни довольным, ни недовольным, ни безразличным. Пустым я был тогда, надо бы сказать, готовым что-то назвать своим именем, но не только имени этого не нашедшим, но даже еще не рѣшившимся начать поиски, в общем нѣсколько подобным фотографическому аппарату, уже заряженному, но ни в какую сторону не обращенному. Позже я подошел к людному перекрестку, гдѣ молодой и стройный полисмэн регулировал движеніе. Я хорошо знал этот перекресток и большое зеркальное окно в первом этажѣ расположеннаго по ту сторону улицы дома, в котором виднѣлись склонившіяся над чертежными столами фигуры. Как раз зажегся зеленый сигнал, полисмэн махнул палочкой, зашумѣли моторы и толпа автомобилей рванулась вперед... Стараясь возстановить в памяти о чем мнѣ эта картинка уличной жизни говорит, я мысленно задержался и вскорѣ припомнил, как нѣсколько лѣт тому назад, на этом самом перекресткѣ, в обществѣ двух дѣльцов и стараго журналиста, пил в кафе портвейн. "Все теперь по-другому", — разсказывал журналист, — "на улицах стало тихо. Нѣт больше ни звонков, ни автомобильных рожков, ни свистков полицейских. Если бы вы только знали, какой был грохот десятка три лѣт тому назад! Тут вот (он протянул руку) был установлен колокол. Чтобы предупредить автомобилистов, что можно будет трогаться, полицейскій нажимал кнопку; раздавался оглушительный звон! Потом он давал свисток, махал палочкой, автомобилисты трубили,

моторы начинали рычать... и это повторялось каждыя двѣ-три минуты. Мнѣ тут пришла в голову тема для фельетона. Только стоило себѣ представить, что вон в том домѣ, напротив, гдѣ чертежники, жил ученый. математик. А на улицѣ вот этакое столпотвореніе! Не много нужно фантазіи, чтобы вообразить, что с ним стало, когда вдобавок ко всему. пневматическій перфоратор начал выковыривать мостовую. Не выдержали нервы математика! Он схватил револьвер, открыл огонь и убил одного из рабочих. Арест, тюрьма — обо всем этом я вкратцѣ упомянул в фельетонѣ, не в этом была суть. Удареніе стояло на том, что математик во время слѣдствія заявил, что, само собой разумѣется, обезпечивает семью убитаго. Но виноватым себя в убійствѣ не считает. так как дѣйствовал в состояніи законной самообороны. Как раз он подходил к разрѣшенію сложнѣйшей научной проблемы. И в этом ему помѣшал нѣкоего рода коллективный злодѣй, к нему ворвавшійся и его размышленія нарушившій, и образом этого коллективнаго злодѣя был рабочій с перфоратором. Когда он его убил, то наступила тишина. Иначе было бы безуміе".

Мы всѣ тогда посмѣялись. Теперь я подумал, что пріемы журналиста, в смыслѣ поисков сюжета, почти походили на пріемы Аллота. Глядя на чертежников, я представил себѣ как все могло произойти: окно распахнулось, в нем появилось искаженное лицо, блеснул огонек, задымилось дуло, рабочій упал, шум стих. Это был вымышленный сюжет.

О каком, стоя на краю тротуара, я думал сюжетѣ подлинном? Думал, и не смѣл себѣ в этом признаться? О Мари, конечно, и о том, что мнѣ сказала Зоя, когда мы шли по мокрой аллеѣ. О том, что она мнѣ предложила молчаніе. "Даже молчать, — сказала она, — я согласна, чтобы только вам было лучше". Тогда вот и начался грохот перфоратора, котораго я не хотѣл слышать. Я, если можно так выразиться, заткнул уши моей души и отогнал мысль о револьверѣ, всегда лежавшем в ящикѣ письменнаго стола.

Вспыхнул зеленый сигнал и я стал переходить улицу. Мое вниманіе, — вѣрнѣй разрѣшеніе самому себѣ доводить мысли до заключеній, — крѣпло, но мой фотографическій аппарат продолжал быть заслоненным и пленка нетронутой. Сознаніе, что я не позволил Зоѣ разставить точки над і, нѣсколько успокаивало. Нервы математика не выдержали грохота, но я с собой справился. Я мог бы, конечно, если бы не справился, найти свидѣтелей и при судебном разбирательствѣ мое душевное состояніе было бы принято во вниманіе. Но не лучше ли было обойтись без всего этого? Что, в самом дѣлѣ, пришло бы в порядок, если б я попросил Зою все назвать своими именами, и вернувшись, сказал Мари: я знаю! Знаю, что с тобой было, когда ты была еще дѣвочкой, знаю от другой, которую постигло то же самое. И знаю, кто виновник. Потом у Аллота, лежащаго в гипсовом бандажѣ, раздалась бы стрѣльба. Двѣ пули. Одна за Мари. Другая за Зою.

Что другое можно было сдѣлать, как не уйти?

Все оставить по старому? Окружить Мари еще большей заботой?

В сущности, я вѣдь именно этого и хотѣл, и для этого не позволил себѣ слушать грохот внутренняго перфоратора. Но хватило меня на сутки. Потом, у кіоска, всѣ подозрѣнія и вся увѣренность навалились мнѣ на душу сразу, как в аду, навѣрно, сразу наваливаются всѣ угрызенія. Было отчего расщепиться несчастной секундѣ!

"Замѣню счастье горем, — думал я, — семью одиночеством, и, ни на что не жалуясь, дождусь смерти".

Справа я увидал большой и роскошный дом. Это был Банк. Я вошел и взял со своего счета сумму, которая, не соотвѣтствуя никакому расчету, была все же крупной. Укладывая кредитки в бумажник, разсовывая их по карманам, я спрашивал себя: можно ли так поступить? Отвѣт пришел сам собой: послѣ нѣкоторых формальностей и по истеченіи нѣкоторых сроков, все состояніе мое, без малѣйшаго сомнѣнія, перейдет в руки Мари. Мнѣ же нѣкоторый запас денег очевидно нужен. То, что я предпринимал, не походило вѣдь на уход, к которому призывают всѣм извѣстныя слова: раздай имѣніе свое и слѣдуй за мной! Я самому себѣ подчинялся, за самим собой готовился слѣдовать.

29.

Я подозвал такси и попросил отвезти меня на Сѣверный Вокзал. Лучезарный юг был в таком противорѣчіи с моим душевным состояніем, что о нем я подумал едва ли не с враждебностью и от него мысленно отвернулся. Когда я приблизился к кассѣ чтобы купить билет, окошко внезапно захлопнули, и это еще раз навело меня на мысль о "фотографическом аппаратѣ". Можно ли уѣхать так и не сдѣлав снимка? — спросил я себя. — Потом будет поздно, далеко, освѣщеніе измѣнится, пейзаж распадется...

— Нельзя, нельзя упустить случая, — пробормотал я, — он может быть послѣдним.

Я вошел в телефонную кабинку, набрал номер ателье и, услыхав "Алло", узнал голос Зои.

— Возьмите такси, — сказал я, повелительно, — и немедленно пріѣзжайте на Сѣверный Вокзал. Я буду в ожидальнѣ перваго класса. Вы меня узнали?

— Узнала.

— Ничего никому не говорите.

— Ничего никому не скажу.

Я со злобой повѣсил трубку. Я уходил от Мари, от дочерей, от дѣла, но от Зои, как оказывалось, не уходил, а ея безпрекословная готовность явиться была в сущности готовностью подтвердить сообщничество. Впрочем, сообщничество или не сообщничество, какое это теперь могло имѣть значеніе? В ожидальнѣ, прямо против меня, была стеклянная дверь, сквозь которую я мог видѣть разныя станціонныя

сооруженія, поѣзда, платформы и ходивших по ним людей. Звуков я не слышал, — мнѣ кажется теперь, что кругом стояла тогда полная тишина. Так я провел около получаса. Когда, наконец, стеклянная дверь распахнулась чтобы пропустить Зою, я поежился, как от холода. Она стала искать меня глазами и, до того, как она меня замѣтила, я успѣл еще раз ее разсмотрѣть, и еще раз себѣ сказать, что она очень хорошо сложена, что она как раз нужной полноты, что у нея прекрасныя плечи, что ея ноги не могут не быть стройными и великолѣпно прилаженными к тѣлу. Потом взгляды наши скрестились.

— Я пришла, — сказала она, приблизившись.

Ничего не отвѣтив, я встал и сдѣлал ей знак за мной слѣдовать. Она подчинилась. Раздраженіе, злоба, непреодолимое желаніе истязать и себя и других побудили меня ускорить шаг. Дойдя до очереди такси я открыл дверцу, почти втолкнул Зою и назвал адрес того самаго ресторана с домотканными скатертями, гдѣ впервые обѣдал с Мари.

— Что вам от меня надо? — спросила Зоя, сдавленным голосом.

Отвѣт мой был, конечно, готов, но я предпочел воздержаться. У самаго края, почти уже начав скользить под откос, я не рѣшался. Не надѣялся, но почему-то медлил и не "снимал фотографіи".

— Вчера, — сказала она, тихонько, — вы были совсѣм другой.

— Вчера, — отвѣтил я, — все было другим.

Тогда, повернувшись в мою сторону, она стала в упор на меня смотрѣть. Без всякаго сомнѣнія талант художницы позволял ей различать в моих чертах отраженія чувств, которыя от взгляда неопытнаго ускользнули бы и на полотнѣ Зоя передала бы эти отраженія с той же точностью, с которой передала глаза и улыбку Аллота. Но поняла она, или не поняла сложный комплекс моих мыслей, побужденій и эмоцій — я не знал. Могло вѣдь быть, что ея наблюдательность превосходила ея проницательность.

— Если я могу вам чѣм-нибудь помочь, в чем-нибудь вас облегчить, — произнесла она, — скажите. Я все сдѣлаю.

— То, что вы можете сдѣлать, никакого облегченія мнѣ не принесет, — прошипѣл я. — И не облегченія я ищу, а как раз обратнаго.

— Это одно и то же, — отвѣтила она, спокойно.

— Объяснитесь.

— Если вы хотите бо́льшей боли, то я могу вам помочь и в этом. Это тоже услуга.

"Проницательность это, или словесная игра?" — недоумѣвал я. Наступило молчаніе.

— Вы свободны? — спросил я.

— Нѣт. Вы знаете, что я замужем.

— Я не про то. Свободны ли вы сейчас? — огрызнулся я.

— Мнѣ надо накормить Аллота. Я вам сказала, что он в гипсѣ.

— И вы не можете пропустить?

— Могу пропустить, — пробормотала она сумрачно.

Когда мы вошли в ресторан и я увидал домотканныя скатерти,

то все внутри меня сжалось. Но не только я не хотѣл побороть боль, но еще мнѣ казалось, что надо ее разжечь.

— Как вам нравятся эти скатерти? — спросил я.

— Довольно безвкусно, — произнесла Зоя, равнодушно, — и при чем сейчас скатерти?

— Я объясню за завтраком.

Столик, за которым мы обѣдали в первый раз с Мари, был занят, и мы сѣли за другой, симметрично расположенный. Я предложил Зоѣ выбрать что ей нравится, но она еле взглянула на карточку.

— Вы безразличны к хорошей кухнѣ? — отнесся я.

— Нѣт, но сегодня у меня не то в головѣ.

— Голова тут не при чем. Кухня касается желудка.

Зоя промолчала.

— Конечно, — продолжал я, со злобой, — ни рубцами, ни осетриной, ни пшеной кашей голову не кормят. Головѣ нужно другое.

— Да.

— И душѣ тоже, — добавил я с возраставшей злобностью. — Не все ли равно душѣ, что на тарелкѣ: вобла или сливки? И не безразлично ли в каком порядкѣ будут это ѣсть?

Пока разставляли приборы, пока откупоривали и наливали выбранное мною вино, пока раскладывали закуски, мы молчали. Метрдотель, попытавшійся было проявить любезность, опредѣлив наше настроеніе, не настаивал. Когда он отошел, Зоя тихонько промолвила:

— Если бы все, что мнѣ пришлось выслушать, сказал кто-нибудь другой, я ушла бы.

— Почему для меня исключеніе?

— Вы знаете.

— Как раз я не все знаю.

— Почему я терпѣлива — вы знаете.

Род предчувствія подсказал мнѣ, что рѣшительная минута не далека. "Надо приготовить фотографическій аппарат", — подумал я и сказал:

— Это правда. Вчера вы предложили мнѣ "даже молчать".

— Что вам от меня надо? — воскликнула она. И было в ея интонаціи столько муки, что я широко открыл двери в прошлое и позвал ее за мной туда послѣдовать.

— Мнѣ надо узнать от вас всѣ подробности, — произнес я.

Зоя закрыла глаза. Я припомнил, как тут, в этом самом ресторанѣ, с безвкусными, но мнѣ так тогда понравившимися, скатертями, опускала рѣсницы Мари.

— Подробности обо мнѣ, или о Мари? — спросила Зоя, шопотом.

Я встал, обошел кругом столика, сѣл рядом с ней на диванчик, обнял ея плечи, тихонько ее к себѣ прижал... Мнѣ казалось, что я соблюдаю нѣкій злотворный ритуал, и это мнѣ было удовлетворительно.

— И о вас, и о Мари, — произнес я.

Зоя замерла и прошептала:

— Мнѣ было немного больше тринадцати лѣт, я вам про это уже говорила.

— А Мари?

— И Мари. Он мнѣ сам разсказал. Она была первой и он приводил мнѣ ее в примѣр, чтобы я не боялась. Он говорил, что так бывает почти всегда.

— Мари знала, что вы существуете?

— Нѣт. Но я о ней знала. Я уже вам говорила, что я все знаю, что я слишком много знаю.

— Что он о ней разсказал? Точно.

Зоя молчала.

— Я хочу знать все. Вы предложили взвалить на меня тяжесть. Я жду.

Зоя продолжала молчать.

— Говорите, — требовал я. Я был в состояніи близком к тому, которое перенес в скверѣ.

— Он утверждал, что ничего не может ей обо мнѣ сказать потому, что она его падчерица, и что...

Она не договорила.

— Не понимаю... — начал я, но Зоя меня оборвала:

— Оставьте! Оставьте! Я не могу!

Отстранив руку, которую я держал на ея плечѣ, она чуть-чуть отодвинулась, но почти тотчас же снова прижалась.

— Это ужас как я вас люблю, — прошептала она.

— И сколько времени все продолжалось? — спросил я.

— Не знаю, не знаю, это не кончилось, это продолжается и никогда не кончится... Сначала он меня запер в пансіонѣ. Даже во время каникул оттуда не брал. Говорил, что в квартирѣ тѣсно, что Анжель...

— Анжель? — содрогнулся я.

— Анжель. Он так называл Мари. Я только позже узнала, что она Мари-Анжель-Женевьева... Что квартира тѣсная и что Анжель слишком нервная. Он все, что хотѣл, мог мнѣ говорить, и мог ничего не говорить, я вѣдь была только перепуганной дѣвчонкой. Когда мнѣ минуло тринадцать, он взял меня из пансіона, потому, что там стало ему слишком дорого, и устроил у своих знакомых, в квартирѣ. Они были старые и сдавали комнату. Он приходил каждый день. А я всего с утра до ночи, да и всю ночь, боялась. И его боялась, и его знакомых боялась, и выйти из комнаты боялась, не то, что на улицу... Там все и случилось. Там он и держал меня взаперти, долго...

— И там разсказал про то, как все было с Мари?

— Да. Сначала он про нее говорил часто, потом рѣже. Он думал, навѣрно, что я привыкла, и что примѣра больше не нужно.

— Дальше, — приказал я, разсчитывая, что Мари сама займет мѣсто в разсказѣ. Почти, — губами Зои, — сама разскажет...

— Зачѣм вам все знать? Я и так слишком много сказала. Как

вы вернетесь домой сегодня вечером? Как вы на Мари посмотрите? Я же вам предлагала молчать. Для вас лучше, чтобы я молчала...

Конечно, вѣдь Зоя не знала, что я домой не вернусь. А я себя спрашивал: надо ли ей объяснить, что все уже, и без послѣдних точек над і, кончено, что я всего-на-всего "снимаю фотографію"?

— Продолжайте, продолжайте, — проговорил я. — Я хочу, чтобы вы продолжали.

Она прижалась ко мнѣ и я почувствовал тепло ея тѣла.

— Мнѣ было почти шестнадцать, когда произошли перемѣны, — промолвила Зоя, потупив глаза и вспыхнув. — Я начинала понимать, и все больше и больше мучилась. Я хотѣла уйти, бѣжать, но куда? К кому? Рѣшиться, взамѣн ужаса и стыда домашняго, на ужас и на стыд тротуаров? Попасть в еще чьи-нибудь лапы? С дѣтских лѣт, с самых ранних дѣтских лѣт я всегда была запуганной, всегда мнѣ всюду мерещились угрозы... А потом он мнѣ сказал, что Анжель больше у него не живет, что она ушла и поступила на работу. И еще он тогда прибавил, что четыре года она была его "мадам Анжель", и что теперь это кончилось. И хихикал. Знаете, как он хихикает: хэ-хэ? Я сказала, что тоже уйду. Но не ушла.

— Почему?

— Потому, что надо было все-таки что-то придумать чтобы уйти, а он, тѣм временем, продал свою контору и перебрался в сосѣднюю со мной комнату. Через нѣкоторое время хозяева уѣхали в деревню. Он нашел мнѣ домашнюю работу, купил все, что нужно чтобы шить и рисовать... Опять я уйти не смѣла, не знала как начать разговор, боялась, что если убѣгу, он меня найдет... Боялась. Все время боялась. У него есть что-то вродѣ вліянія, вы знаете. Одни глаза чего стоят! Так длилось нѣсколько лѣт, до тѣх пор, как он меня к вам привел. И сейчас же, на другой день, я принесла вам его глаза, его улыбку, помните?

Помолчав, она добавила:

— И стала ждать.

"Ждать", — подумал я. — "Не надѣяться, — надежды у нея быть не могло, — а только ждать".

— Он вѣдь мнѣ не сказал, что вы на Анжель женитесь, — прошептала Зоя, — и я это поняла когда начались разговоры об Ателье.

И опять она замолкла, на этот раз надолго. Вѣроятно, она хотѣла, чтобы я что-нибудь сказал, но я, — испытывая мнѣ самому непонятное удовлетвореніе, — не проронил ни звука.

— Мнѣ стало нестерпимо, — услыхал я, — и я хотѣла умереть. Но потом мнѣ все сдѣлалось безразличным. И так было не мѣсяцы, а годы. Ничего не случалось, ничего не мѣнялось, я точно кому-то подчинилась, своей воли у меня не осталось. Не все ли равно как все идет, когда всегда не то случается, чего хочешь?

— А что он вам говорил про Мари?

— Мари? Вам нужна Мари? О Мари он перестал... о Мари он говорил... он о ней думал и разсказал...

— Что разсказал?

— Оставьте меня! Оставьте меня! — воскликнула Зоя. Ея голос задрожал. Я отнес это за счет ревности. Если бы я только знал!..

— Он стал каяться, — продолжала она, — стал ходить в церковь, и вскорѣ рѣшил на мнѣ жениться. Я и согласиться, и отказать боялась одинаково. И все ждала. Все думала, что вы вмѣшаетесь и ему запретите. Что возьмете меня тайной любовницей. Я пошла к вам ночью. Но дверь не открыли. А зачѣм вы меня сегодня вызвали? Вчера говорили, что у вас нѣт свободной минуты, что все ваше время расписано, а сегодня пригласили завтракать. Зачѣм? Чтобы все про Мари узнать? Я вам довольно разсказала, хватит. Да, да, Анжель была его любовницей. Он ее взял силой когда она была дѣвочкой, как меня. Она его тоже боялась. Он внушает страх, его боятся, он знает, что его боятся и пользуется этим. Только Мари-Анжель от него ускользнула, не знаю как, но ускользнула, а я не смогла. Он меня взял в жены, и, для прочности, повѣнчался со мной в церкви. Вы сами посмотрѣть прiѣхали, думали, что я не замѣчу.

Вдруг замолкнув, она сняла с плеча мою руку, отодвинулась, выпрямилась, почти улыбнулась.

— Довольно, — сказала она. — Если вам нужны подробности, разспросите сегодня вечером вашу жену. А я больше не хочу про это говорить. Лучше объясните мнѣ про скатерти. Онѣ довольно безобразныя.

— Я запомнил эти скатерти, — отвѣтил я, — потому, что именно в этом ресторанѣ обѣдал с Мари когда сдѣлал ей предложенiе. Мы вон за тѣм столиком сидѣли, направо.

— Что? — спросила Зоя и с необыкновенной ясностью на лицѣ ея отразились и недоумѣнiе, и вопрос, и ожиданiе. — Почему же вы меня сюда привезли?

— Чтобы все было лучше в фокусѣ, чтобы лучше все запомнить, чтобы придать рельефности...

— Вы не обо мнѣ, стало быть, думали когда телефонировали, а о ней?

— О ней.

Послѣдовало молчанiе, которое длилось больше минуты. Зоя напряженно думала. Потом она чуть-чуть поправила шляпу и выбившiеся из под нея волосы, отодвинула тарелку, встала и, не глядя на меня, стала шарить в нѣдрах своей сумочки.

— Вот ключ, — сказала она, — возьмите его, я очень вас прошу его взять.

— Какой ключ?

— От моей квартиры. Если этой ночью, или даже вечером, вы бросите Мари и уйдете... то вы сможете сами открыть мою дверь.

Ни звонить ни спускаться ни с чѣм по лѣстницѣ вам не придется... Навѣрно со мной вам будет лучше, чѣм с Анжель...

Она длительно на меня посмотрѣла. Кажется, ей еще что-то хотѣлось сказать и, кажется, она удержалась. Так как я, однако, протянутаго мнѣ ключа из ея рук не брал, то она его положила — почти бросила — на скатерть, послѣ чего повернулась и ушла, по обыкновенію своему не попрощавшись.

Вслѣд за ней ушла компанія, завтракавшая за столиком, за которым мы, когда-то, обѣдали с Мари. Я продолжал сидѣть. Подошедшій ко мнѣ метрдотель освѣдомился, надо ли подавать слѣдующее блюдо, или подождать возвращенія дамы?

— Она не вернется, — пробурчал я, — можете принести овощи.

Снова, — в который раз в это утро, — меня охватили разсѣянность и задумчивость. Я припомнил, как просил Мари дать мнѣ глаза, и как она мнѣ их дала, как из них изошло тронувшее меня мерцаніе, как я попросил "еще и еще", и как она снова мнѣ их дала, покорно и надолго. А Зоя, уходя, глядѣла на меня почти враждебно. Словно мстила! Ее самое ждали беззрачковые глаза Аллота, и уж конечно он-то ее не просил о том, чтобы она ему дала свои. Аллотовы глаза! Хорошо еще, что я отмѣнил упаковку с Зоиным рисунком, что всего нѣсколько пакетов успѣли разослать, что не попали они в сотни и тысячи дѣтских и спален. Точно бы все на себя Зоя взяла, точно ее кто-то наказал за этот рисунок... Глаза, глаза, глаза, души, души, души...

На фабрикѣ, в промежуткѣ между двумя совѣщаніями, давая распоряженія, говоря по телефону, диктуя письма, подводя итоги я не мог позволять себѣ ни разсѣянности, ни задумчивости. Вернуться на фабрику? Погрузиться в дѣла, за ними от всего спрятаться, дать им пожирать мое время, и меня самого, еще больше чѣм раньше? Не признаться Мари, что я все знаю, только думать про это, никогда не говоря ни слова? Возвращеніе домой было еще возможным. Два телефонных звонка: один домой, один на фабрику; небольшая ложь; и все входило в русло. Но по другую сторону какого-то рубежа я различал свободу одиночества. "Фотографія" была снята, у меня было все, что нужно чтобы не дать затянуться бреши, пробитой в моем сознаніи и заполнить существованіе чѣм-то лучшим и бо́льшим чѣм счастье!

30.

Тогда мной овладѣло одно желаніе: уѣхать, немедленно уѣхать, и непремѣнно на сѣвер. На вокзалѣ я с поспѣшностью взял билет до terminus, ускоренными шагами вышел на платформу и вскочил в первый попавшійся, готовый к отходу, поѣзд.

Я не знал, гдѣ сойду. Я не знал, что буду дѣлать. Я не знал, к каким прибѣгну пріемам, чтобы исчезнуть и замести за собой слѣды. Я не знал даже буду ли пытаться исчезнуть и замести слѣды. Единственной точкой опоры в том мірѣ, куда я теперь проникал, было

движеніе, так как оно обозначало удаленіе, оно было в прямом продолженіи того "ухода", на который я, еще не зная в чем дѣло, еще только "почему-то", — рѣшился в скверѣ. С той поры возникла увѣренность!

В купе, против меня, оказался элегантный господин. Волевое лицо, слегка выдающійся подбородок, сѣрые, холодные глаза, густыя брови, слегка опущенные углы рта, все это соотвѣтствовало условному облику дѣлового человѣка. Промышленник? Банкир? Только что из этого міра вырвавшійся, готовый всецѣло подчиняться чему-то новому, я испытал враждебное чувство по отношенію к моему визави. Конечно, я отдавал себѣ отчет в нелѣпости этого враждебнаго чувства. Сначала род стѣсненности, потом просто нервное состояніе побудили меня выйти в коридор, вернуться в купе, снова выйти, и снова вернуться. Я закрыл глаза. Так, по крайней мѣрѣ, не было живого напоминанія о том, чѣм нѣсколько часов назад я был сам. Перед мысленным моим взором образ этот однако продолжал стоять, и я задавал себѣ вопрос: живет ли вообще какая-нибудь душа за такими вот страшно непроницаемыми глазами, которые навѣрно только и могут замѣчать биржевые бюллетени, контракты, дѣловыя записки и статистическія выкладки! И еще я подумал о том, что если со мной произошел срыв, то может оттого он был возможным, что я привез в себѣ, с берегов студенаго озера, такіе и недостатки и достоинства, которых у здѣшних людей нѣт, и что до сих пор я эти недостатки и эти достоинства подавлял усиленной работой. И что эта работа помогала мнѣ не слышать грохота, который я, в сущности, услыхал сразу, но к которому не позволил себѣ прислушиваться, и который вдруг стал нестерпимым, как вдруг, когда застучал перфоратор, стал нестерпимым уличный шум математику.

— Каждый раз, как я покидаю эту страну, — услыхал я тихій голос, — мнѣ грустно...

Открыв глаза я посмотрѣл на моего спутника с удивленіем.

Он продолжал:

— Это потому, что нигдѣ в мірѣ я не нахожу столько простоты и столько независимости в отношеніях между людьми. Если бы не семья, если бы не сложившійся десятилѣтіями навык, я переѣхал бы сюда на постоянное жительство.

И в глазах его промелькнула искорка такой доброты, что я почти испытал желаніе попросить прощенія за мысли, которыя только что бродили в моей головѣ.

Он вздохнул и прибавил:

— Мало кто отдает себѣ отчет в том, насколько эти независимость и свобода дѣлают зал воспріимчивым, и до какой степени эта воспріимчивость вліяет на исполнителей.

И разсмотрѣв в моем взглядѣ недоумѣніе, он пояснил:

— Я пьянист.

Тогда я узнал виртуоза, фотографіи котораго были помѣщены во всѣх иллюстрированных журналах, и смущенно пробормотал нѣсколько слов не то извиненія, не то восхищенія.

— Не надо, не надо, — отвѣтил он, — вы, очевидно, дѣловой человѣк и на концерты вам ходить некогда. Это вы меня должны простить за то, что я, не справившись с нѣкоторой грустью, позволил себѣ с вами заговорить. Я в турнэ, и столица, в которую я теперь ѣду играть, чувствует музыку, но не так, как ее чувствуют здѣсь. Там условность — здѣсь все попросту, все с благожелательным вниманіем, без преувеличенія. Это располагает к музыкальной откровенности. Простите мою болтовню, но каждый раз как я уѣзжаю, мнѣ немного грустно. Точно тут частица меня остается...

— Ради Бога, — пробормотал я, — ради Бога! Не подумайте только...

— Да нѣт, да нѣт, не извиняйтесь, я отлично знаю, что дѣловыя заботы все вытѣсняют...

Он помолчал, посмотрѣл в окно, вынул из кармана газету и углубился в чтеніе. А я, раздосадованный, и может быть даже растерявшійся, снова вышел в коридор.

"Надо было, — бормотал я, — в довершеніе ко всему так блестяще провалиться на экзаменѣ проницательности... Надо же было... надо же было...".

На площади, перед вокзалом приморскаго города, я полной грудью вдохнул соленый воздух и, точно в отвѣт на это, до меня донесся гудок парохода. Я направился в большую гостиницу, взял номер, принял ванну и распорядился, чтобы мнѣ принесли обѣд. Швейцар воспользовался этим, чтобы прислать полицейскую фишку. Впервые я был поставлен в необходимость хитрить: чтобы скрыться безслѣдно, мнѣ предстояло измѣнить фамилію. Я вписал первую пришедшую в голову, и на прочіе вопросы отвѣтил соблюдая минимум правдоподобія. Но когда пришли за подносом и забрали фишку, мнѣ стало стыдно. До сих пор, по самой своей сущности полиція была на моей сторонѣ и сам я, — человѣк честный, — чувствовал себя под ея охраной. Теперь я оказывался в числѣ тѣх, которые ее обманывают, и которых я до сей поры разсматривал как неблагонадежных и достойных порицанія.

Послѣ обѣда, когда стало темнѣть, я почувствовал пустоту моего времени и испугался этой пустоты. Оно — мое время! — всегда было загромождено дѣлами и заботами. Теперь минуты, одна за другой, ползли как червяки, как слизняки, как раки и тѣм болѣе онѣ мнѣ казались тяжкими, что даже не воспоминанія, а образы! — напирали со всѣх сторон и, среди них, конечно, и образ веселых, похожих на пчелки, минут, накопленных для меня Мари. Что она дѣлала? Что дѣлали дѣвочки? И я спрашивал себя, не вернуться ли? Не ожидая никакого поѣзда взять такси и ворваться домой хоть бы в серединѣ ночи. Первыя мгновенія встрѣчи, слезы, упреки, объясненія... и что за этим? Непосредственно за этим, выглядывающіе из всѣх углов, беззрачковые глаза Аллота, его ящеричная улыбка, его музыкальный голос и все то, что я так тщательно ухитрялся от самого себя прятать и что вырвалось-таки наружу, да еще с такими отвратительными уточ-

неніями. И снова я повторял себѣ: нѣт, не могу! Нельзя! Невозможно! Непосильно!

Я спустился и дал ключ швейцару; я рѣшил пройтись, думая, что движеніе и свѣжій воздух будут навѣрно облегчительны.

— Багаж м-сье еще не привезли, — почти извинился швейцар.

Это был очевидный намек. В припортовых городах в проходимцах и авантюристах скрывающихся не уплатив по счету недостатка нѣт. Чтобы устранить всякое недоразумѣніе, я дал деньги вперед.

Портовые огни, лучи маяка, шум волн, соленый, дикій воздух, — все это немного меня развлекло. Я побродил вдоль пляжа, вернулся в город, спросил, как пройти на мол, убѣгавшій в темнотѣ навстрѣчу вѣтру. Мнѣ пояснили, что нѣкоторое время тому назад буря причинила разрушенія, что идут работы и что послѣ захода солнца на мол никого не пропускают. Пришлось ограничиться прогулкой по набережным, по дебаркадеру внутренняго порта, потом по узким, прилегавшим к нему, уличкам. В одной из них меня привлекла, доносившаяся из-за задернутаго густыми занавѣсками окна, музыка. Это был, без сомнѣнія, бар для моряков и, подчинившись чему-то похожему на любознательность, я открыл дверь. Я даже и войти не смог, такое меня охватило враждебное отвращеніе! Была там стойка, разставленныя по стеклянным полкам бутылки, был барман в бѣлой курткѣ, были, сидѣвшія на высоких стульях, размалеванныя женщины, всѣ, как по командѣ, обернувшіяся в мою сторону, были красныя щеки и рѣзкія черты моряков... Я захлопнул дверь. Вдоль по улицѣ дул прохладный и мокрый вѣтер, в нѣкотором отдаленіи мерцали фонари, поблескивала сырая мостовая. Пусть все это было только случайным, сокращенным, сведенным к минимуму образом всего одной из сторон жизни моряков. Пусть я не имѣл права дѣлать никаких обобщеній. Все равно! Это до такой степени противорѣчило тому, что я искал, что сами по себѣ отпали, — если онѣ еще во мнѣ шевелились, — всякія поползновенія задуматься о бѣгствѣ в далекія страны, о приключеніях, о недѣлях между морем и небом и о портовых притонах...

Я вышел на бульвар. В ярко освѣщенных кафе, в нѣкоторых из которых гремѣла музыка, сидѣло множество, видимо всѣм довольных, посѣтителей, которым подавали разноцвѣтные напитки. Ускоренными, большими шагами я прошел мимо, чуть-что не отворачиваясь, и снова направился к морю. Услыхав как шумят и рушатся на гальку невидимыя в темнотѣ волны, вдохнув буйный воздух, я постарался представить себѣ каким может быть послѣднее мгновеніе тѣх, которые, бросившись с корабля (как то сдѣлал отец моей жены, учитель исторіи Пастору) вдруг понимают, что спасенія нѣт, что наступающее — окончательно? Напиравшіе на меня образы прошлаго, у которых теперь возникало непостижимое продолженіе, и совершенная растерянность моя, мое недоумѣніе перед ничѣм не заполненным временем, и острая душевная боль — физически толкали меня на самоубійство. Освобожденная от своей матерьяльной оболочки душа, не безразлична

ли она ко всему тому, что через тѣло могло ее терзать до этого освобожденія? По совѣсти могу сказать, что я был очень близок к тому, чтобы броситься в волны, и что только страх, самый простой, самый подлый страх меня удержал.

Я зашагал к гостиницѣ.

Мнѣ никогда не приходилось сидѣть в тюрьмѣ и у меня нѣт опыта, чтобы судить, распространяется или не распространяется заключеніе тѣла на свободу духа? Запертая снаружи дверь, кажется мнѣ, должна быть символом чужой воли, — это все, что я могу предположить. Зато могу сказать что когда, чтобы спрятаться от жизни, дверь запираешь сам, и она оказывается символом своей собственной воли, то налицо тюремное заключеніе духа. Не в том дѣло, чтобы не выходить, а в том, чтобы не допустить до себя никаких внѣшних отблесков и отзвуков. Так именно все сложилось в теченіе ночи, послѣдовавшей за моим пріѣздом в приморскій город, в теченіе всего послѣдовавшаго за тѣм дня, и второй ночи.

К пищѣ, которую мнѣ приносили, я не притрагивался, почти все время лежал и ничего, кромѣ внутренней муки, не чувствовал. Я не знаю даже, шевелились ли тогда во мнѣ членораздѣльныя мысли. Моя воля была в параличѣ, моя предпріимчивость разбита.

Время от времени я говорил себѣ, что надо "дождаться случая". Но это было всего попыками самоутѣшенія. В сущности, я от всего отрекся. Я хотѣл кому-нибудь или чему-нибудь подчиниться, но не знал ни кому, ни чему.

31.

К концу второй ночи воля стала возвращаться. Когда я возстановил в памяти все, что произошло, то почувствовал сильнѣйшее раздраженіе. Как то уже со мной случалось дома, я проскрежетал, нѣсколько раз подряд, слово "хам", и, погрузившись в ванну, продолжал срывать злобу на этом "хамѣ". Моя досада возрасла почти до пароксизма, когда я оказался вынужденным надѣть вчерашнее бѣлье. Затѣм молоденькая и улыбающаяся горничная подала чай.

— Если угодно, я могу принести газету, — сказала она. — Мѣстную или столичную?

Я попросил принести столичную, но не дѣловую, которую читал ежедневно, а популярную. И на первой же страницѣ прочел большими буквами напечатанный заголовок: "Исчезновеніе фабриканта шоколада". Ниже слѣдовали подробности: третьяго дня, в таком-то часу, по дорогѣ на фабрику фабрикант вышел из автомобиля чтобы купить журналы. С тѣх пор его больше не видѣли. "Вечером, охваченная безпокойством, его жена обратилась в полицію, которая немедленно начала поиски. Преступленіе? Бѣгство? Если так, то объясненія надо, конечно, искать в критическом положеніи предпріятія. Мы попытались

быть принятыми женой фабриканта, — но безуспѣшно. Двери ея квартиры оказались запертыми, на звонки не отвѣтили, и телефонные вызовы не привели ни к чему". И все таким же пошлым и неуклюжим жаргоном.

Больше всего указаній дал торговец газетами и журналами, который, очень довольный тѣм, что о нем будет упомянуто в прессѣ, охотно разсказывал обо всем, что видѣл. Он отлично помнил, что покупатель не взял ни журнала, ни сдачи. Через нѣсколько минут послѣ того, как он ушел, появился его шофер, который, прождав приблизительно полчаса, протелефонировал на фабрику и на квартиру; ему и тут и там сказали, что фабрикант не появлялся. Из статьи явствовало, что я был владѣльцем не только шоколадной фабрики — которая, по мнѣнію корреспондента, была наканунѣ банкротства, — но еще и художественнаго ателье. Само собой понятно, что журналист побывал в Ателье. Принявшая его там служащая пояснила, что директор болен, и что его жена, — которая завѣдует частью художественной, — послѣ обѣденнаго перерыва не пришла. В Ателье об исчезновеніи впервые узнали от самого корреспондента.

До самаго основанія была разрушена моя жизнь, до самой ея подоплеки! Охапки накопленных минут, дѣла, которым нельзя было переступать через порог! Ничего от всего этого не оставалось! Зачѣм было спрашивать себя, можно или нельзя вернуться домой, если самого дома больше не было? Мой постоянный, ежеминутный отказ слушать голоса, доносившіеся из прошлаго, жизнь, каждое мгновеніе которой требовало волевого напряженія, духовное усиліе, позволявшее мнѣ сохранять равновѣсіе нужное для счастья и радости, — все шло на смарку. Почему-то (почему?) я не мог больше закрывать глаза, я дрогнул и послѣдовало крушеніе.

Я сказал себѣ тогда, что из-за первоначальной ошибки, — т. е. опрометчиво даннаго у постели умирающаго обѣщанія, — моя жизнь пошла по пути, который не был ея настоящим путем. Я сдѣлал ставку и проиграл. В теченіе долгих лѣт я подчинял себя самого себѣ самому так безпощадно, что было это почти искупленіем. Но с мгновенія покупки журнала я перестал итти против теченія и принял то, что мнѣ было дѣйствительно предназначено...

— Если когда-нибудь, — сказал я себѣ, — Аллот захочет заняться моим сюжетом, то ничего прибавлять ему не придется. Довольно будет изложить все так, как было на самом дѣлѣ.

Нѣсколько позже я рѣшил выйти чтобы сдѣлать необходимыя покупки: чемодан, бѣлье, туалетныя принадлежности, рабочее платье. В портовом ресторанчикѣ, гдѣ я позавтракал, мнѣ порекомендовали скромную гостиницу. Отведенная мнѣ в ней комната, с выцвѣтшими обоями, накрытой пестрым ситцем кроватью, небольшим умывальником, не слишком устойчивым столиком, с облѣзлым половичком и шкафом из желтой фанеры, ровно ничѣм к себѣ не привлекала. Я оставил чемодан, сходил в палаццо чтобы заявить об отбытіи, и, вернувшись, поспѣ-

шил переодѣться. Бархатные штаны, здоровенные башмаки на гвоздях, каскетка... Посмотрѣвшись в зеркало я подосадовал на то, что все было таким новым. Но что было дѣлать? Рѣшиться на покупку подержаннаго платья я в себѣ сил не нашел. Что до лица, то чтобы насколько возможно его измѣнить, я рѣшил больше не бриться.

Я отправился тогда в порт, разспросил как пройти на мол, обошел бассейны, огороженные заборами склады угля, груды ржаваго желѣза, кладбища устарѣвших паровых машин и котлов, бочек и бревен, и побрел по молу, в самом почти концѣ котораго велись работы. По лѣвую сторону колыхалось сѣрое море, справа была песчаная отмель. Паровой ворот, шипя и выпуская клубы пара, тащил через эту отмель, при помощи толстаго металлическаго троса, какую-то безформенную массу. Присмотрѣвшись я отличил в ней кусок киля. Дальше виднѣлся разобранный корабль и я подумал, что это навѣрно проданный на слом больше непригодный миноносец. До безнадежности у всего этого был грустный вид! Но шел дождь, чему я обрадовался: новизна моего наряда дѣлалась не такой вызывающей. Внезапно я услыхал рѣзкій свисток и, обернувшись, увидал как по узкоколейной дорогѣ, проходившей по молу, по шпалам которой я шагал, прямо на меня бѣжит поѣзд. Я только успѣл прижаться к уступу. Машинист, с разъяренным лицом, погрозил мнѣ кулаком. Когда я дошел до мѣста работ, каменщики стояли под брезентовым навѣсом: из-за все усиливавшагося дождя работы пріостановились, и только паровой ворот продолжал пыхтѣть и протянутый от него к килю трос, вздрагивать.

Найти в этом унылом пейзажѣ свое мѣсто, приходить сюда утром, возвращаться в гостиницу усталым, пордрогшим, голодным, ложиться спать, стараясь ни о чем не думать, и так как можно дольше, и так навсегда, чтобы как раз все обратно было зачарованному городу на берегу синяго моря, обратно моему медовому мѣсяцу — развѣ не это мнѣ теперь стало нужно?

Я понимал, конечно, что починка мола была поручена спеціальному предпріятію и что найм рабочих производится в конторѣ. Сам бывшій фабрикант, я знал распорядки. Теперь я хотѣл лишь навести справку, завязать знакомство с надсмотрщиком, узнать нѣт ли спроса на труд гдѣ-нибудь в другом мѣстѣ, если тут разсчитывать не на что.

Попросив разрѣшенія укрыться от дождя, я присоединился к жавшимся под брезентом рабочим. Из стоявшаго почти рядом паровозика машинист, с подчеркнутой зычностью, выразил мнѣ порицаніе.

— Еще немного, — крикнул он, — и ты был бы обращен в говядину. Тебѣ-то это безразлично! Но мнѣ — нѣт! Хорош я был бы с твоим трупиком на шеѣ? А? Что скажешь? Только подумать, что из-за такого балды...

Обратились тогда в мою сторону болѣе, впрочем, любопытные чѣм враждебные взгляды. Всѣ эти краснолицые, мокрые, огромные молодцы казались добродушными. Машинист разсказал как все было.

Я попробовал оправдать мою неосторожность неопытностью, и тотчас же установилось взаимное расположеніе.

Я спросил, нѣт ли работы? Мнѣ сказали, что надо обратиться в центральную контору, адрес которой с подробностью и благожелательностью объяснило сразу нѣсколько человѣк, тут же, впрочем, выразивших сомнѣніе, что ремесло каменьщика по мнѣ. Я возражал, увѣряя, что сил у меня хоть отбавляй, расправлял плечи, предлагал пощупать мускулы. Но ни говор мой, ни, вѣроятно, черты моего лица, ни, хоть и промокшая, но совершенно новая одежда, не были тѣм, что нужно, и за своего брата меня не приняли. Я направился тогда, под все усиливавшимся дождем, к застекленной будкѣ, в которой у пюпитра перебирал бумаги завѣдующій работами. Он мнѣ сдѣлал знак, разрѣшая войти, и в отвѣт на мою просьбу принять на работы, повторил то же, что я выслушал под брезентом; по его мнѣнію, шансы мои были невелики, так как выбирали профессіональных каменьщиков, привычных к тяжелому труду.

— Но мы едва начинаем, — добавил он. — Быть может для вас найдется мѣсто по части счетоводной?

Сидѣть в бюро меня не устраивало, но высказывать свои соображенія было не к чему. Дождь все усиливался; кругом стояли лужи, текли ручьи. Даже желѣзные брусья, лежавшіе в вагонетках, нельзя было начать выгружать. Паровой ворот продолжал вздыхать и, врѣзавшись в песок, ржавый киль медленно продвигался в сторону мола. Я подумал, что управлять такой машиной мнѣ подошло бы как нельзя лучше...

— Если вѣтер еще окрѣпнет, — сказал один из рабочих, — брезент сорвет и тогда мы всѣ хорошенько промокнем.

— Кромѣ этого, — указал другой на надсмотрщика в будкѣ, — но он согрѣет краснаго нам винца, чтобы мы не чихали.

Всѣ дружно разсмѣялись.

Минут через двадцать дождь утих и всѣ принялись за разгрузку вагонеток. Распрощавшись общим поклоном я зашагал назад.

— Смотри, не попади под колеса! — крикнул машинист.

В гостиницѣ, куда я, совершенно промокшій и продрогшій, поспѣшил, мнѣ дали полицейскую фишку. Один вид ея меня раздражил! Снова мнѣ предстояло фальшивить. Взяв бумажку, я поднялся к себѣ, положил ее на стол и стал мысленно подбирать фамилію, мѣсто, день и год рожденія, профессію, — вообще все, что нужно, чтобы отвѣтить на вопросы. И колебался, не зная, что может навести на подозрѣнія, и что правдоподобно! А так как колебаніе мнѣ никогда свойственно не было, то, по мѣрѣ того, как шло время, я все больше и больше раздражался. Раздражала меня и непривычная, намокшая одежда, и окружавшіе меня, до послѣдней степени безличные предметы, безвкусные обои, раздражала недостаточно яркая лампа, еле грѣющій радіатор. А висѣвшее возлѣ двери мое хорошо сшитое пальто наводило на мысль о маскарадѣ.

Сверх того я умирал с голоду! Однако, итти в рабочій ресторан я не хотѣл. "Хорошо ѣсть можно только дома", — подумал я, и представил себѣ нарядную столовую, Мари, дѣвочек... Внезапно обозлившись, я заполнил фишку как попало, снял, для памяти, копію, отнес в бюро и, в ближайшей лавкѣ, купил вядчины, сыра, фруктов, сухарей и вина. Отсутствіе штопора помѣшало мнѣ открыть бутылку, так что я все съѣл сухачем.

Дрожа от холода и раздраженія, я раздѣлся и лег в сырыя простыни. Кровать была неровной, неудобной, одѣяло недостаточно плотным...

32.

Ночью я проснулся, но не сразу, а постепенно. Оттого, что однѣ области моей памяти открылись, другія же продолжали оставаться в бездѣйствіи, я не смог уловить всѣх данных времени и мѣста, не совсѣм понимал, что со мной случилось и удивлялся. Нѣсколькими мгновеніями позже, откидывая одѣяло, я почувствовал головную боль, которой до сих пор не знал. К новизнѣ этого ощущенія прибавился насыщенный незнакомыми запахами воздух; а когда я включил электричество, увидал нелѣпые обои, пошлую обстановку, валявшуюся на полу рабочую одежду, а на столѣ остатки вчерашней закуски, то недоумѣніе мое еще возрасло. Теперь думать и все нормально воспринимать мнѣ мѣшали уже не охвостья сна, а фрагменты реальности. Контраст с тѣм, от чего я ушел, был подавляющим. Потом меня хватило ознобом и пришлось признать, что я простужен, что я болен, что у меня жар. Я выключил электричество и заснул.

Воровато пробираясь в окно, ставни котораго я забыл вечером закрыть, блѣдный утренній свѣт разбудил меня с нѣкоей, если можно так выразиться, враждебной осторожностью.

Я лѣниво подумал, что теперь грозят новыя трудности: если придется ложиться в госпиталь, то скрыть мою настоящую фамилію будет, пожалуй, невозможно. Не найдя в себѣ обычнаго духа предпріимчивости, я готов был покориться судьбѣ: будь мол что будет. Мнѣ пришло в голову позвонить — но никакой кнопки в комнатѣ не оказалось. Через нѣкоторое время до меня донеслись первые шумы улицы, потом шаги в коридорѣ, журчаніе воды в умывальниках, восклицанія... Все это мнѣ подсказывало, что надо к чему-то приступить и прежде всего выбраться из постели. Но при всяком движеніи голова, казалось, была готова треснуть. Покрытый испариной, с отвратительным вкусом во рту, немытый и с замутненным духом, я, как мог, срывал злобу на все том же неопредѣлимом "хамѣ". Когда же, встав и одѣвшись во все еще мокрое рабочее платье, я приблизился к зеркалу, то такое на меня из него глянуло отраженіе, что я поспѣшно отвернулся! Взяв себя в руки и собрав что мнѣ оставалось сил, я спустился и вышел на улицу.

Шел мелкій, холодный дождичек.

"Что ж это, всегда значит идет дождик в проклятом этом городѣ?" — прошипѣл я.

Потом я купил газеты: вчерашнія вечернія и только что полученныя утренія. В кафе, до котораго я доплелся, чтобы выпить чего нибудь горячаго, я посмотрѣл на заголовки. "Исчезнувшій фабрикант", "Бѣгство владѣльца шоколадной фабрики", "Таинственное исчезновеніе директора завода"... и другіе, в таком же духѣ.

Головокруженіе так усилилось, что я вынужден был опереться о прилавок и так простоять минуту-двѣ. Потом, с все возраставшим трудом, я поплелся к гостиницѣ, еле-еле поднялся по лѣстницѣ и лег, не скинув даже куртки, прямо на неубранную постель. Теперь было ясно, что я не только болен, но сильно болен. "Хам, хам", — бормотал я, — "хамское отродье, Отец-хам!". Но сил оставалось так мало, что даже злости своей я как слѣдует срывать не ухитрялся.

Немного очухавшись, я раздѣлся и лег совсѣм. Свѣт падал так, что читать было неудобно, — но все-таки я развернул газеты и обнаружил на первой же страницѣ мою фотографію, под которой стояли имя и фамилія. Фотографія была очень плохая, снятая нѣсколько лѣт тому назад журналистом, пришедшим для репортажа насчет переоборудованія шоколадных фабрик. Вид у меня был грабителя, или убійцы, или того и другого вмѣстѣ. Вечернія газеты повторяли то, что я уже читал, но в утренней стояло жирными буквами: "Денежныя затрудненія или злостное банкротство?" И пояснялось, что полиція продолжает наводить справки. Головокруженіе мѣшало мнѣ читать. И, кромѣ того, все это меня теперь не касалось. Покупая газеты я поддался праздному любопытству, не больше. Не покинул ли я прошлое с тѣм, чтобы задернуть его занавѣсом и о нем навсегда забыть?

За стѣной раздались легкіе шаги, я слышал как открывали и закрывали дверь, как текла вода в умывальникѣ. Я рѣшил, в крайнем случаѣ, постучать в стѣну. Головная боль и тошнота, между тѣм, так усиливались, что я подумал, что если бы меня бросили в море, — то чтобы только не шевельнуться, я послушно пошел бы ко дну!

Женскій голос за стѣной что-то запѣл. Потом пришли убирать комнату.

— М-сье болен? — освѣдомился уборщик.

— На все срок и вездѣ природа, — прошипѣл я.

Уборщик прошел в сосѣднюю комнату. Пѣніе прекратилось, и я слышал как там происходит оживленный обмѣн мнѣніями.

Я взял тогда утреннія газеты и к, большому своему удовлетворенію, обнаружил, что других моих фотографій не помѣщено. Зато текст депеш меня раздражил очень.

В разных терминах, и с разной хлесткостью, газеты повторяли то же самое. Почти передо мной извиняясь, корреспонденты сообщали, что были приняты моим помощником, который их завѣрил, что не только нѣт никакой рѣчи о банкротствѣ, но что, наоборот, предпріятіе

процвѣтает, что оборот безпрерывно растет, что незадолго до непонятнаго моего исчезновенія я сам проектировал постройку и оборудованіе архи-современными машинами новаго отдѣленія, за городом. Что ни он сам (мой помощник), ни кто другой из моих сотрудников не замѣчали в моем поведеніи никаких странностей и предполагали, что я всего на время отлучился по каким-нибудь привходящим и срочным причинам, и вскорѣ снова появлюсь. Что дирекція принимает мѣры к тому, чтобы производство не пріостановилось, и чтобы ни один служащій или рабочій не остался без заработка. На вопросы касавшіеся моей личной жизни, мой помощник отвѣчать отказался. Далѣе приводились заявленія полиціи. У нея было нѣсколько предположеній, о которых она, чтобы не вредить слѣдствію, предпочитала пока умолчать. Все же полиція давала понять, что мое исчезновеніе носит характер интимный, и что идет опрос лиц, с которыми мнѣ пришлось встрѣчаться за послѣднее время. Судя по собранным свѣдѣніям мой образ жизни был очень правилен, и я был прекрасным семьянином. Но, прибавляли полицейскіе, иной раз в самых надежных стѣнах бывают трещины. Почти во всѣх газетах к этому было присовокуплено небольшое дополненіе, сдѣланное в послѣднюю минуту. Из него явствовало, что хозяин ресторана с домотканными скатертями, узнав меня на фотографіи, счел долгом явиться в участок чтобы сказать, что я завтракал в его заведеніи в обществѣ молодой дамы. Дама эта показалась ему разстроенной. В один голос газетчики говорили, что все теперь зависит от того, найдут или не найдут таинственную эту даму! В одной газетѣ было нѣсколько строк о Мари, насчет которой корреспонденту удалось узнать, что она собиралась уѣхать с дочерьми в деревню. Другой корреспондент, — повидимому болѣе предпріимчивый, ухитрился быть принятым "прелестной директрисой художественнаго ателье Зоя-Гойя, мадам Аллот". Ея больного мужа корреспондент повидать не смог, но сама Зоя сказала ему, что ничего, кромѣ того, что прочла в газетах, не знает.

Промолчала стало-быть Зоя!

— Вездѣ природа и всюду срок, — повторил я, почему-то мнѣ понравившуюся, фразу.

Я не то заснул, не то впал в забытье. Перед тѣм, как сознаніе мое было задернуто мутноватой пеленой, я успѣл подумать о водѣ, о желтой водѣ, вливающейся в рот, ноздри, уши тонущаго, водѣ которую стоит только в себя втянуть, чтобы сразу все устроилось: ни горя больше не будет, ни угрызеній, ни паралича воли, ни опасенія быть найденным, ни даже опасенія быть вынужденным поступить в госпиталь...

Когда я проснулся (или очнулся?), у самой моей постели стоял хозяин гостиницы и, рядом с ним, молодая, черноглазая и черноволосая женщина. Оба на меня смотрѣли.

— Очнулся, — сказала женщина.

— Вы больны? — освѣдомился хозяин.

Вид у него был озабоченный и враждебный.

Прежде всего прочаго я испытал тревогу: не узнал ли он меня, увидав фотографію в газетѣ? Но газеты оказались, аккуратно сложенными, на столѣ, так что, повидимому, с этой стороны все обстояло благополучно. Тогда я произнес:

— Да. У меня сильная мигрень и большой жар. И меня тошнит.

— Хотите, чтобы позвали доктора?

— Я думаю, что надо позвать доктора.

— Я же вам говорила, — вмѣшалась брюнетка. — Я из своей комнаты слышала, как он бредит.

Хозяин оглянул ее с досадой и, обратившись ко мнѣ, спросил:

— Как же насчет доктора? Да или нѣт?

— Да, конечно.

Хозяин вышел. Брюнетка, задержавшись, разсказала, что о моем состояніи ей, еще утром, сказал уборщик. Позже она услыхала мои стоны и выкрики и рѣшила посмотрѣть сама. Когда она открыла дверь, то я лежал, сбросив одѣяло, раскинув руки и тяжело дыша. Тогда она вызвала хозяина.

— Почему вы не послали за доктором с утра? — спросила она.

— На все свой срок и вездѣ природа, — промычал я.

— Что?

— Ничего.

— Если вам что-нибудь нужно, постучите в стѣну. Я буду все время шить. И какое же стѣсненіе между сосѣдями? Надо друг другу помогать.

— Как вас зовут? — поинтересовался я.

— Заза.

— Спасибо, Заза.

— Так что помните: вам стоит постучать в перегородку и я приду.

Она вышла, но через двѣ минуты вернулась.

— Можно?

— Конечно можно.

— У меня есть минеральная вода. Хотите?

— Спасибо, Заза.

Она налила стакан, и я сдѣлал нѣсколько глотков.

— Вы право очень добры, — сказал я.

— Когда пріѣдет доктор я приду. Мнѣ все слышно, когда я шью.

— Вы портниха?

— Нѣт, я продавщица в цвѣточном магазинѣ, на пристани. Сегодня хозяйка уѣхала хоронить брата, и магазин закрыт.

— А завтра?

— Завтра она возвращается, но магазин откроет только послѣ обѣда.

— Принесите мнѣ вечером цвѣтов. Хорошо?

Я протянул руку к висѣвшей на спинкѣ стула курткѣ и вынул бумажник.

— Вот деньги, — сказал я.

Но Заза денег не взяла.

— Я принесу так, — промолвила она, — цвѣты всегда остаются. Мнѣ они ничего не стоят.

Так как я начинал утомляться, то не настаивал.

33.

Едва Заза вышла, как стиснутый злобой я выскочил из постели, развернул газеты и с жадностью стал перечитывать телеграммы. Да, да, конечно там была моя жизнь! Я сам начал ее калѣчить, полицейскіе и репортеры всего продолжают. Опущенныя рѣсницы Мари навѣрно опустились еще ниже, тѣ самыя рѣсницы, которыя она, думая, что время все сглаживает, начинала поднимать все чаще и чаще. И накопленныя минуты! И мои двѣ дѣвочки!

"Вездѣ природа и на все срок", — проскрежетал я. Схватив нераскупоренную наканунѣ бутылку вина, я отбил ея горлышко о край умывальника, налил стакан, большими глотками выпил, налил еще, еще выпил, и снова налил. Внезапное и очень сильное головокруженіе и тошнота меня доканали, я шагнул к кровати, пошатнулся, схватился за стул, но все-таки равновѣсія не сохранил и упал. Дверь с силой распахнулась.

— Боже мой! — воскликнула вбѣжавшая Заза, — что вы сдѣлали?

Она бросилась ко мнѣ, помогла подняться, стала толкать к кровати, со страхом глядя на красныя брызги на полу.

— Почему вы меня не позвали? — спрашивала она. — И откуда эта кровь?

— Это не кровь, — смог я пробормотать. — Вино. Не было штопора. Я отколол горлышко.

Вытянувшись под одѣялом, я чувствовал, — чуть что не слышал, — как лязгают мои зубы. Хорошенько меня прикрыв, Заза выбѣжала, вернулась со щеткой и тряпкой и стала вытирать пол.

— Почему вы меня не позвали? — повторяла она.

Я молчал. Я боялся сказать что-нибудь непоправимое, что-нибудь выдать. И так уже мои секреты были мной же самим предоставлены на растерзаніе досужему любопытству... Всѣ в них могли теперь копаться, обсуждая, похихикивая, злорадствуя... От выпитых залпом двух стаканов вина голова кружилась все сильнѣй и сильнѣй, меня тошнило. Стыд, горе и безсиліе раздирали мою душу. — "Что им скажет Аллот?" — спрашивал я себя, теребя край одѣяла, и чуть-что мнѣ не казалось, что сквозь сатурновыя кольца головокруженія, то тут, то там на меня смотрят беззрачковые глаза.

— Почему вы выпили вино? — настаивала Заза, взяв меня за руку. Чтобы ничего не отвѣчать я тихонько сжал ея пальцы. Мысли

мои, путаясь и распутываясь, лѣзли одна на другую. "Аллот больше не может угрожать разоблаченіем, правда мнѣ и без него стала извѣстной... — говорил я себѣ, — и не выходит ли, что я с ним в заговорѣ? В заговорѣ с Аллотом! Хэ-хэ! Все-таки не вполнѣ. Он вѣдь может явиться к Мари чтобы ее мучить и только для этого!.. Меня нѣт возлѣ нея, я ей больше не опора, не защита... Вернуться? Снова все взять в свои руки?" — Но отвѣта на этот вопрос не находилось и все, вообще, казалось безнадежно запутанным. — "Взять в свои руки, — повторял я себѣ, — зачѣм? Чтобы охранять? Чтобы охранять то, чего охранить не сумѣл и что превращено в обломки? Хэ-хэ! Я откупался от него чеками, потом Ателье. Я был его покупателем, я у него покупал спокойствіе Мари, и теперь я ничего у него купить больше не могу, а он никакого товара мнѣ предложить не может. Хэ-хэ! Мы с ним на равной ногѣ".

— Скажите, — шептала Заза, — скажите, зачѣм вы выпили вино?

— Не знаю. Не спрашивайте. Я не могу отвѣтить. Я не знаю.

"Что он с нея может получить? — продолжал я свое внутреннее бормотаніе. — Я оплачивал спокойствіе, я подписывал чеки. Кто и за что теперь будет ему платить?"

— Зачѣм вино? — настаивала Заза. — Зачѣм?

А я думал:

"Аллот кончен. Какіе еще с Аллотом могут быть расчеты? Никаких!"

Заза стала собирать газеты.

— Я их хорошенько сложила, — сказала она, — я думала, что вы уже прочли.

— Я хотѣл прочесть еще раз.

— А вино? Навѣрно это вам вредно.

— Навѣрно вредно. Меня и без вина тошнило, а теперь тошнит еще больше.

— Так зачѣм же вы пили?

На лицѣ ея были и вопрос, и осужденіе.

Я не отвѣтил, так как думал, что если полиція добралась до Аллота, то она, навѣрно, обошлась с ним вѣжливо, уж во всяком случаѣ не могла его допрашивать так, как допрашивают злоумышленников. Проявить вѣжливость в отношеніи такой гадюки! Меня сжала злоба и я еще раз попытался сѣсть на кровати. Но Заза взяла меня за плечи и проговорила:

— Лежите, лежите.

— Я не понимаю почему. Вездѣ природа и на все свой срок.

Она искоса на меня взглянула, и было в ея глазах вопросительное подозрѣніе: не тронулся ли, мол, он?

А я продолжал не то думать, не то прислушиваться к каким-то бродившим во мнѣ внутренним словам. "Его надо убить теперь же, — слагались во мнѣ обрывки мыслей, — чтобы он не успѣл покаяться. Зоя мнѣ сказала, что он ходит в церковь и молится. Надо его убить

до того, как он рѣшится исповѣдаться и причаститься, чтобы он не успѣл получить отпущеніе грѣхов и попал в ад". Мнѣ казалось, что он тут, рядом, и что в беззрачковых его глазах свѣтится крайнее любопытство. Еще небольшое усиліе и я, вѣроятно, голос его услыхал бы....

— Вам лучше? — спросила Заза.

— Да, немного лучше, — прошипѣл я.

— Я ненадолго уйду.

Оставшись один я глубоко вздохнул и с нарочитым наслажденіем разрѣшил себѣ скользнуть под откос бреда. По ту сторону пояса головокруженія я различил что-то знакомое, что-то нѣжное, что-то успокаивающее. Ровная, голубая вода, ели!.. Студеное мое озеро, свободной жизни край! "Вот в нем бы утонуть, — подумал я, — вмѣстѣ с Мари". Она спускалась по зеленой тропинкѣ, одна, без дѣвочек. Было ясное, раннее утро, щебетали птицы. У берега в лодкѣ ее ждали два молоденьких гребца, почти мальчики. Мари улыбалась, смотрѣла по сторонам и я понимал, что она так смотрит на настоящее, чтобы лучше забыть прошлое. Она что-то говорила, кажется, что ей свѣтлое утро нравится, что ей хорошо, и что если бы не было сейчас так хорошо, то она "не могла бы". "Что она не могла бы?" — подумал я, и всѣм существом своим почувствовал, что, не зная вперед, как все будет просто и ясно, она не могла бы рѣшить, уйти, добраться до озера, попросить мальчиков взять ее в лодку, и что теперь она о минувшем не думает, потому, что думать об этом слишком больно, и что она видит только ясное утро, голубую воду, ели, и мальчиков. Ступая в лодку, она закрыла глаза рѣсницами, как закрывала раньше. И как в отвѣт мелькнули глаза Аллота. "Сюжет, сюжет-то какой", — сказал он, — или это мнѣ показалось? — "сюжет-то какой! Какой богатый сюжет". На смѣну этому сну, или этому видѣнію, пришли тьма, молчаніе и холод, — что-то близкое к небытію. Потом раздались голоса и я увидал, что у постели моей стоят хозяин, Заза, и еще какой-то человѣк, в котором я сразу отличил доктора. Хозяин имѣл вид враждебный и недовѣріе и подозрѣніе на лицѣ его были совсѣм явственны. Заза объясняла доктору, что я, несмотря на сильный жар, выпил много вина. Не дослушав, доктор обратился ко мнѣ и задал нѣсколько вопросов, на которые я нехотя отвѣтил. Потом он меня ощупал, сказал, что у меня сильнѣйшая форма скверного гриппа, который, как раз, гуляет по городу, порекомендовал крайнюю осторожность из-за часто случающихся легочных осложненій и спросил, кто за мной будет ходить?

— Я, — заявила Заза очень рѣшительно.

Доктор дал указанія, прописал лѣкарства, спросил меня имѣю ли я права соціально-застрахованнаго, слегка удивился, узнав, что нѣт, получил гонорар и вышел, в сопровожденіи так ни слова и не проронившаго хозяина и Заза, которая через полчаса вернулась, расположила на столѣ коробки с пилюлями и флаконы, и настояла на том, чтобы я проглотил нѣсколько ложек бульона, разогрѣтаго ею, потихоньку, на электрической плиткѣ в ея комнатѣ. Временами, когда

меньше болѣло над глазами и не так кружилась голова, я к ней присматривался и нашел ее довольно миловидной. Что она была слишком накрашена, меня нисколько не шокировало. Волосы ея были немного спутаны, спѣшка, очевидно, помѣшала ей хорошенько причесаться. Перед тѣм, как меня покинуть, она приблизилась к зеркалу, чуть подкрасила губы, подняла юбку, поправила ластики и точно бы встряхнулась, — на манер собак, — чтобы все, и платье, и то, что под платьем, оказалось на мѣстѣ.

С порога она спросила, не хочу ли я чего-нибудь? Я попросил принести мнѣ еще газету. Заза немного поворчала, замѣтив, что когда жар, болит голова и тошнит, газет лучше не читать, но от порученія не отказалась.

На первой страницѣ меня замѣнило выселеніе многосемейнаго металлургиста из его двух-комнатной квартиры. Но на одной из внутренних я прочел, что полиція старается разыскать таинственную незнакомку, с которой я завтракал в ресторанѣ. Двери моей квартиры продолжали быть запертыми. "Но, — говорил корреспондент, — нам посчастливилось встрѣтить у этих, неоткрывающихся для представителей прессы, дверей часовщика, для которых онѣ открылись. Разумѣется, мы не упустили случая, постарались его разспросить, и узнали, что исчезнувшій шоколадный фабрикант поручил ему исправленіе замѣчательных часов, настоящаго астрономическаго прибора, и что для починки их нужно доставить в мастерскую. Об этом он и приходил условиться. Что до самого фабриканта, то он его видѣл нѣсколько дней тому назад у себя в магазинѣ и ничего страннаго в его поведеніи не замѣтил".

Так прошлое, от котораго я хотѣл, и не мог, бѣжать, напоминало мнѣ о себѣ, пусть побочными путями, но все с той же настойчивостью. Разстроенный я бросил газету на пол. Заза, которая наливала в стакан минеральную воду, чтобы дать мнѣ запить пилюлю, с раздраженіем ее подобрала и произнесла:

— Можно подумать, что вы ребенок. Говори вам, или не говори, как об стѣнку горох. Что вы там еще прочли?

— Если бы я сам знал? — пробормотал я. — Вездѣ природа и на все свой срок, но правда ли так, развѣ мы знаем?

— Только день прохворал, и уже ноет! Доктор вам объяснил, что грипп в этом году скверный, так что сколько придется лежать неизвѣстно.

— Скажите мнѣ лучше, почему вы во мнѣ приняли участіе?

— Приняла потому что приняла. Вот лѣкарство. Будете вечером еще бульон?

— Нѣт.

— Чай?

— Нѣт.

— Все-таки надо что-нибудь ѣсть и пить!

— Если вы в этом увѣрены, то зачѣм спрашиваете?

Она провела рукой по моему лбу.

— Это ужас какой вы горячій, — произнесла она с опаской, — надо поставить градусник.

Оправив подушки, подоткнув одѣяло, наведя еще немного порядка, она напомнила, что мнѣ стоит всего постучать в перегородку и ушла. Я провел день в дремотѣ, но вечером заснул крѣпко. Ночью же проснулся весь в испаринѣ и почувствовал, что сердце в груди так и колотится, так и колотится! Я поставил градусник: он показал 41,5. Я не знал, может ли такая температура быть опасной, но это мнѣ было безразлично. От жара ли, или от слабости, но я не мог управлять мыслями, орьентируя их в том или ином направленіи, как то всегда было мнѣ свойственно. К тому же теперь не однѣ были мысли. К ним примѣшивались, их дѣлили, их заслоняли образы: Романеску, развинчивающій астрономическіе часы, Мари, слѣдящая за его работой, не знающая ни что сказать, ни что думать, ни что чувствовать, сложившая на груди, под самым сердцем, руки, сходящая к озеру, чтобы утопиться; ...Мари-Женевьева, Доротея! И окно за которым, в зачарованном городѣ, такая была тишина, и "охапки минут", и всегда опущенныя рѣсницы... Потом вдруг Зоя. Не она ли, по порученію Аллота, — влила мнѣ в душу яд? Только развалины, только осколки, только клочья, только боль...

Я постучал в стѣну.

И тотчас же послышался шум, в коридорѣ раздались поспѣшные шаги, дверь открылась, брызнул свѣт и я увидал испуганные глаза, раскинутыя черныя кудри, розовую с желтым кружевом рубашку, круглое плечо...

— Потушите, — попросил я и Заза повернула выключатель. Потом, орьентируясь на еле свѣтившееся окно, она приблизилась к кровати и тихо спросила:

— Вам худо?

— Да, не слишком-то хорошо. Я смѣрил температуру: 41,5.

— Хотите чтобы я сбѣгала за доктором?

— Нѣт, не хочу. Если даже такой жар может быть опасным, мнѣ все равно. Не в этом дѣло.

— А в чем же дѣло?

Я молчал. Как мог я объяснить ей, что мнѣ нестерпимо стало с глазу на глаз с призраками? Но у нея, повидимому, была своя мысль. Она присѣла на край кровати, оправила подушку, тихонько ко мнѣ прильнула. Потом, ощупав мой лоб и обнаружив какой он горячій и мокрый, прошептала:

— Нѣт, не сейчас. Когда поправишься.

— Да, когда поправлюсь.

Отстранившись, она вышла и почти тотчас же вернулась. Когда, чтобы не ошибиться в направленіи, она на секунду зажгла электричество, я замѣтил, что поверх рубашки она накинула стеганый халатик.

— Я не хочу ложиться под одѣяло, — сказала она, — я лягу рядом.

— Грипп заразителен.

— Когда я захвораю — ты поправишься и будешь за мной ухаживать, — произнесла Заза, тихонько засмѣявшись.

— Теперь постарайся уснуть.

В ея близости было что-то успокаивающее. Запах пудры и одеколона, ровное дыханіе отпугнули видѣнія и я задремал. Когда проснулся, то ея рядом со мной не было. Квадрат окна только начинал обрисовываться, было еще очень рано. Поймав в фокус сознанія настоящее и тѣ пополненія его, которыя дотягивались из прошлаго, я почувствовал как, быстро вбѣжав по моей груди, злоба достигла горла и всѣми зубами в него вцѣпилась. Я хотѣл выскочить из постели, что-то сдѣлать, кого-то обругать, но сил не стало. Я сдался. Я откинулся на подушку, с удовлетвореніем вдохнул удержавшійся в наволочкѣ запах пудры и постучал в перегородку. Заза вошла почти тотчас же, зажгла свѣт, приблизилась к постели. Глаза ея еще были задернуты ночным туманом, волосы в безпорядкѣ, губы не намазаны, вѣки не подведены... Но даже в этом, менѣе привлекательном, утреннем видѣ она источала живое тепло, то самое простое тепло, которое позволяет нам не изсякнуть в одиночествѣ, к которому, как полноправный продолжатель духа, допущен всякій, даже самый пошлый, самый ничтожный, самый всѣми отверженный. Позор и презрѣніе тѣм, кто находит в притягательной силѣ тепла этого что-нибудь достойное порицанія или происки нечистаго духа!

— Я ушла ночью потихоньку, чтобы ты не проснулся, — сказала Заза. — Не сердись. Но мнѣ стало немного холодно, а ты хорошо спал.

Пощупав пульс, она прибавила:

— У вас все еще очень сильный жар. Поставьте градусник.

Когда немного позже мы пили чай, она снова заговорила о докторѣ.

— Тѣм болѣе, — пояснила она, — что сегодня послѣ обѣда я должна итти на работу, так что до самаго вечера мы не увидимся. Я буду спокойнѣй.

Но я не согласился. Все утро мы могли провести вмѣстѣ, вмѣстѣ позавтракать (я, впрочем, ограничился бы чашкой чая с сухарями) и потом я стал бы дремать. Немного поспорив Заза согласилась. Я попросил ее, когда она пойдет за покупками, снова взять для меня газеты и если что-нибудь ее самое соблазнит в витринах, купить не стѣсняясь. Очень скоро послѣ ея ухода появился, все такой же недовѣрчивый, все такой же подозрительный и враждебный хозяин, который высказался в том смыслѣ, что мнѣ лучше бы перебраться в госпиталь.

— Я не хочу, — возразил я.

— За вами ходит Заза? — спросил он.

— Да. И я ей весьма за это признателен.

Он покачал головой, и так выразительно, что я счел нужным спросить его, почему он против?

— Не желаю, чтобы в моей гостиницѣ вышел скандал, — пробурчал он.

— Но какой же скандал может выйти из того, что Заза за мной ходит?

— Не в этом дѣло. Она только что порвала с любовником.

— А!

— Именно. Мѣсяца полтора тому назад. Он иногда появляется и тогда между ними происходят бурныя объясненія. С меня довольно и этого, вы понимаете...

— Понимаю. И, конечно, меня это устраивает еще меньше чѣм вас. Однако, в госпиталь я не переберусь. Лучше помереть тут, чѣм там поправиться. Попробуйте сказать Заза, чтобы она больше ко мнѣ не приходила? Тѣм болѣе, что она, сколько я знаю, работает и возвращается поздно.

Я уже начинал утомляться. Хозяин немного помедлил, ничего не прибавил и ушел.

Когда Заза вернулась, вид у нея был веселый и радостный. В кошелкѣ ея были пакеты и пачка газет.

— Раз вы сказали, что хотите меня побаловать, — промолвила она, — то вот, смотрите, что я себѣ купила.

И развернула совсѣм скромный, совсѣм дешевенькій шарфик из искусственнаго шелка. Повязав его вокруг шеи, она подошла к зеркалу и стала перед ним вертѣться.

— Мнѣ давно такой хотѣлось, — прибавила она. — Не правда ли, он мнѣ идет?

— Очень. Но вы могли бы купить из настоящаго шелка.

— Пока вы не работаете, надо быть поосторожнѣй.

— Дайте газеты.

— Подождите. Посмотрите, что будет к завтраку.

Она принялась разворачивать пакеты, в которых были сухари, немного вядчины, апельсины...

— Кромѣ того я сварю овощной бульон. Мы позавтракаем вмѣстѣ. Но не одинаково. Смотрите!

И она достала из кошелки кусок холодной курицы, сыр, пирожныя и виноград.

— Это для меня, — засмѣялась она. — Вам я этого не дам. Не дам!

И слегка покраснѣв, прибавила:

— Вы мнѣ сами сказали, что я могу себя побаловать... а теперь постарайтесь подремать.

— Газеты? — сказал я.

— Лучше поставьте градусник.

— Это само по себѣ. Газеты!

Она протянула пачку с очевидной неохотой.

— 40 и шесть десятых, — доложил я минутой спустя.

Заза испуганно на меня посмотрѣла.

— Для утра это очень много. Надо позвать доктора.

— Нѣт. Во всяком случаѣ, не раньше чѣм завтра.

— Завтра меня не будет. Завтра я с утра уйду на работу.

Я молча перебирал лежавшія передо мной газеты, не рѣшаясь начать чтеніе.

— Вот что, — твердо заявила Заза, — теперь вы будете лежать и дремать. Газеты я отбираю. Вчера вы от них только разнервничались! Я вернусь через полчаса и тогда их дам.

Не найдя в себѣ энергіи чтобы протестовать, я малодушно подчинился. Сама того не зная, Заза избавляла меня на нѣкоторое время от сомнѣній, догадок, угрызеній, вспышек ненависти. Придавленный жаром, утомленный разговорами, я повернулся к стѣнѣ и сказал себѣ, что не хочу ни о чем думать. Но ничего не думать нельзя, а при сильном жарѣ, границы полусна и полубреда оказываются скоро достигнутыми. Образы-воспоминанія сбѣжались ко мнѣ, как сбѣгаются мыши к просыпанной в кладовой крупѣ... Спустя минут сорок Заза, вернувшись, протянула мнѣ газеты точно так же сложенныя, как онѣ были, когда она их унесла.

— Вы, стало быть, не читали? — спросил я.

— Нѣт. Что в газетах интереснаго?

Она все же развернула одну из них, быстро скользнула глазами по первой страницѣ, и уже хотѣла мнѣ ее отдать, как вдруг наморщила брови и произнесла:

— Он еще в автомобилѣ кататься ѣздил...

— Кто ѣздил кататься?

— Шоколадный фабрикант.

И прочла вслух: "Личность таинственной незнакомки установлена. — Дама, с которой фабрикант, в самый день своего исчезновенія, завтракал, не кто иная, как директриса художественной мастерской Зоя-Гойя мадам Аллот. Шофер промышленника явился в полицію и заявил, что наканунѣ исчезновенія его хозяина он возил его и мадам Аллот в парк. Там они вышли из автомобиля и нѣкоторое время гуляли по аллеям. Хозяин ресторана, в котором фабрикант завтракал с директрисой, увидав ея фотографію, опознал ее".

— Вот она, — показала газету Заза. Зоя красовалась на первой страницѣ!

— Ну и хорош же этот шоколадный фабрикант, — прибавила она презрительно. — Всѣ они одним миром мазаны. Не знают, куда деньги дѣвать.

— Дайте газеты.

— Только, пожалуйста, читайте спокойно. Хорошо?

— Постараюсь, — проговорил я слабым голосом.

Заза поправила штору, чтобы улучшить свѣт, подоткнула край одѣяла.

— Очень, очень прошу, — сказала она, уходя, — не утомляйтесь. Послѣ завтрака я в магазинѣ и позвать вам будет некого.

В теченіе нѣскольких минут я лежал без движенія. Хоть мнѣ и было ясно, что полицейское дознаніе не могло не продвинуться вперед, все же эти разставленныя над і точки были угнетающи. Наканунѣ Мари не могла не знать, — хотя бы из газет, — что я завтракал с какой-то дамой. Теперь она с внезапностью обнаруживала, что Аллот был женат, что директриса Ателье как раз его жена, что я с ней катался на автомобилѣ и гулял по парку, и потом с ней завтракал в ресторанѣ с домотканными скатертями!.. Одно могло для нея оставаться неизвѣстным: подлинная личность Зои. Да и то не навѣрно! Если газеты про это не говорили ничего, то сплетни и пересуды шли, конечно, своим чередом... Я посмотрѣл на фотографію Зои и прочел: мадам Аллот, артистическая директриса Ателье Зоя-Гойя. Я поднял руку и безсильно ее опустил. К чему волноваться? Не все ли потеряно? Когда Мари узнала, что я завтракал с женой Аллота в том самом ресторанѣ, гдѣ... Не до такой ли степени все становилось безнадежным, что уже и не безнадежным было, а безразличным?

Я почерпнул из посвященных моему “дѣлу” статей, что полиція отвезла хозяина ресторана в Ателье и что тот там формально узнал Зою, которая показала, что за столом я имѣл вид спокойный и ни о каких экстравагантных проектах не говорил. Завтракали мы совмѣстно только вслѣдствіе совсѣм случайной встрѣчи...

Другому журналисту удалось разспросить Аллота. Так как жены его не было дома, то его приняла и впустила к “лежавшему в гипсовой повязкѣ из-за недавняго полома берцовой кости и вдобавок простуженному директору Ателье” сестра милосердія. Аллот пояснил, что жена шоколаднаго фабриканта его падчерица. Он очень сожалѣл, что не может, вслѣдствіе того, что болен, к ней поѣхать и морально ее поддержать. “Г-н Аллот, — заканчивал автор замѣтки, — глубоко вѣрующій и благочестивый человѣк, полагает, что перст Провидѣнія виден всегда и во всем, и что бѣдствія, постигнувшія его падчерицу, не могли произойти без потусторонняго вмѣшательства. В дни испытаній, — сказал он, когда мы разставались, — Вѣра моя единственная опора”. Дальше говорилось о том, что бѣглый фабрикант, в самый день своего исчезновенія, произвел банковскую операцію. Что до самой операціи, то профессіональная тайна покрывала ее цѣликом. Но то, что фабрикант побывал в банкѣ, позволяло, приблизительно, установить его маршрут, который затѣм обрывался на ресторанѣ. Газетчики полагали, что раз я побывал в банкѣ, говорить о самоубійствѣ не приходится: перед тѣм, как бросаться в рѣку или вѣшаться, в банк не заходят.

В общем, никто ни о чем не догадывался. И не мог, в сущности, никто ни о чем догадаться! В таком смыслѣ и была составлена одна из замѣток. “Принимая во вниманіе, — говорилось в ней, — безупречную семейную жизнь шоколаднаго фабриканта, цвѣтущее положеніе его производства и зная, что таинственная незнакомка была его со-

трудницей, можно повторить, что исчезновеніе это остается необъяснимым. Было ли преступленіе, убійство? Такая гипотеза трудно допустима. У исчезнувшаго и в мірѣ дѣловом, и в частной жизни были только друзья".

Почти карикатурный вид этих сообщеній оказался для меня, знавшаго глубокую причину происшедшаго, источником еще большаго угнетенія. В особенности же меня удручало, и даже приводило в ярость, "благочестіе" Аллота! Конечно, нѣкоторыя подозрѣнія в этом смыслѣ возникали у меня и раньше, и уже тогда мнѣ было не то отвратительно, не то страшно. Теперь, — когда он заговорил полным голосом, — это стало чудовищным! По какому еще он собирался двинуться пути для "поисков сюжетов", для продленія своих "опытов"? Как, послѣ насилія над тѣлами, хотѣл он насиловать души?

— Князь зловонія, — проскрежетал я, — помет судеб.

Я искал, и не находил, достаточных проклятій.

Впав в совершенную ярость, утратив, вѣроятно, — по крайней мѣрѣ частично, — контроль над разсудком, я бросил газеты на пол и, как то уже раз было, выскочил из постели, подошел к стоявшей на столѣ бутылкѣ с отбитым горлышком, пошатнулся, уронил стул. Уже послышались за стѣной поспѣшные шаги, уже хлопнула дверь... Все-таки, повторяя свои собственные жесты, я успѣл налить вина, выпить, налить еще и еще выпить. На столѣ были коробки с пилюлями, флаконы... Проглотить все это сразу могло быть "выходом", и я хотѣл протянуть руку, когда дверь распахнулась, Заза вырвала у меня стакан, обхватила за пояс, просто-таки потащила к кровати, повалила меня на нее и накрыла одѣялом, все это не произнося ни слова. Так же молча и так же стремительно она собрала на полу газеты, растворила окно и всѣ их выбросила. И только тогда, с нѣкоторой злобой, произнесла:

— Если так будет продолжаться, я тебя отправлю в госпиталь. Надѣюсь, понятно!

Но мнѣ было не до нея самой, не до возраженій, или подчиненія. Я хотѣл потерять сознаніе, сойти с ума, умереть, — я на все был готов, только бы оборвалось теченіе мысли. И ничего не мог подѣлать! Оно продолжалось, и не было в моих силах помѣшать ей источать яд: да, да, не могло быть сомнѣнія: и Аллот, и я причастны к тому же злодѣянію, отравляем тот же источник, так как вѣдь и из-за него, и из-за меня Мари опускала глаза. Из-за него и из-за меня Мари пошла, — да, да, я видѣл как она пошла! — по тропинкѣ к озеру, попросила мальчиков ее вывезти на середину чтобы там броситься в прозрачную воду. И глаза Аллота, без зрачков, и его улыбка ящерицы! Пришли мнѣ тогда на ум не помню гдѣ слышанныя слова: "Не бойтесь убивающих тѣло, души же не могущих убить, а бойтесь того, кто может и тѣло и душу погубить в геоннѣ огненной". От кого я прятался за чеками, телефонами, автобусами, дѣлами, кому я загораживал время? И кто до меня все-таки добрался и когтем своим тронул мою душу?

— Больше, — сказала Заза, — газет вам не будет.

Она сидѣла на стулѣ, в ногах и смотрѣла на меня не то с вопросом, не то с порицаніем, не то с жалостью. Не могу сказать точно, каким было выраженіе ея глаз. Что я хорошо замѣтил, так это, что они были большіе, черные! "Еще глаза", — подумал я, — "но какая за ними душа? Может быть нѣт за ними души?".

— Во всяком случаѣ, я вам газет не принесу, — проговорила Заза.

А я думал: "Нѣт, послѣ смерти, когда душа умирает и остается только тѣло, глаза тухнут. У Заза есть душа. У всѣх есть душа! Если бы душ не было, как все было бы просто! У живых глаза были бы как у мертвецов с самаго рожденія".

— Вы идете на работу? — спросил я.

— Да. Иду. И чтобы я могла спокойно работать, не дѣлайте глупостей. Прошу вас. Не будете?

— Не буду. Но принесите мнѣ цвѣтов.

34.

Цвѣтов она принесла не маленькій букетик, а огромную охапку! Так как ваз никаких не было, она их разставила в старых консервных коробках и банках из под меда, за которыми сбѣгала к себѣ, а что не помѣстилось, положила в умывальник, напустив в него воды. Цвѣты были уже немного увядшими.

— Понятно, — объясняла она, — вчера магазин был закрыт и новых не покупали. Эти третьягодняшніе. Но зато хозяйка дала много!

Занимаясь цвѣтами, она разспрашивала меня о том, как я провел день. Жар продолжал быть большим, голова все кружилась и болѣла. Чувствуя себя совсѣм неважно я отвѣчал односложно и не раздѣлил ея оживленія, когда она показала мнѣ очень, по ея мнѣнію, аппетитную провизію.

— Это все из-за газет, — ворчала она.

Поѣв, отдохнув, наведя немного красоты, Заза пододвинула стул к кровати, усѣлась и застыла в нѣкоего рода сосредоточенности. Она явно что-то обдумывала, что-то хотѣла, и не рѣшалась, сказать. Но, вялый и утомленный, я никак ей не помогал.

— У меня новости, — произнесла она, наконец, робко, — но я не знаю...

— Не знаете что?

— Не знаю, как вам сказать.

— Может лучше не говорить?

Помолчав, рѣшившись, Заза промолвила:

— Моя хозяйка продает магазин.

— А! И кто же его покупает? — отозвался я, равнодушно.

Но равнодушія этого она явно не замѣтила, так как про-

должала на меня смотрѣть с еще бо́льшим вниманіем. Повидимому продажа магазина не была главной частью новости. Главную она только готовилась сообщить. Готовилась и боялась.

— Покупает другая хозяйка, — сказала она, наконец. — Прежняя, которая вчера ѣздила на похороны брата в деревню, рѣшила туда перебраться. Он ей там оставил бакалейную лавку. И она предлагает мнѣ ѣхать с ней.

— И вы рѣшили уѣхать?

— Не знаю. Я хотѣла с вами посовѣтоваться.

— Какой же я вам совѣтчик? Я даже не знаю, замужем вы, дѣвица, вдова или разведенная? Что я могу сказать?

— Но я еще не все разсказала.

— Я слушаю.

— Над цвѣточным магазином есть квартирка, комната, кухня и передняя. Новая хозяйка туда не переѣдет, у нея большая квартира по сосѣдству. Она мнѣ маленькую предлагает, если бы я у нея осталась работать, чтобы я за всѣм могла хорошенько слѣдить, по утрам открывать, и вечером запирать магазин.

— Надо согласиться, — пробурчал я. — Зачѣм мѣнять работу, если можно не мѣнять.

— Вы думаете?

— Да. Только я не понимаю, как все могло так быстро устроиться.

— Быстро? Нѣт, обо всем этом говорилось уже давно. Брат помирал нѣсколько мѣсяцев, от рака.

Я повторил:

— Зачѣм мѣнять работу, если можно не мѣнять.

— Я тоже так думаю. Видите, вы мнѣ дали таки совѣт.

— Какой же совѣт? Все и так очевидно. Да и то сказать: чтобы по-настоящему вам посовѣтовать, мнѣ надо все знать: как идет торговля, какая квартира... Я сейчас болен, не могу этим заняться. Если нѣт спѣшки, подождите пока я выздоровлю.

— Мнѣ надо дать отвѣт завтра.

— Вы ничѣм не рискуете, вам предлагают и с одной, и с другой стороны.

— Я хотѣла бы остаться.

Сказав, она встала, подошла к окну и долго смотрѣла на фасад стоявшаго напротив дома. Ничего другого она видѣть не могла, развѣ что, если бы нагнулась и взглянула вверх, узенькую полоску низкаго темнаго неба. Такого низкаго, такого темнаго! Впрочем, я сам его тоже не видѣл, и только воображал, что оно должно быть таким.

— Ладно, — сказала она наконец и, вздохнув, принялась убирать.

— Вы идете завтра на работу? — спросил я.

— Конечно, иду. И даже очень рано. Завтра на базарѣ цвѣты.

— Вы на базарѣ покупаете?

— Тѣ, которые растут в наших мѣстах. Другіе привозят в ваго-

нах и за ними надо ходить на вокзал. С цвѣтами только и приходится, что во всѣ стороны бѣгать.... Они вянут, все время нужны новые. Если ночью вам будет худо, постучите в стѣну, а сейчас я лягу. Я устала, я очень устала, — закончила она, с сердцем.

Один за другим потекли часы полусна, полубреда, одна за другую цѣпляясь, одна другую перебивая, поползли мысли. Совсѣм, совсѣм рано дверь пріоткрылась...

— Вы спите?

— Нѣт.

Вошла Заза, зажгла электричество. На ней было пальто, ея голова была повязана косынкой, из-под воротника, кокетливым пятнышком, выглядывал купленный наканунѣ шарфик. В таком полу-деревенском нарядѣ, готовая к работѣ, к усилію, может быть преодолѣвающая усталость, не выспавшаяся, прячущая в глубинѣ сознанія сомнѣнія, которыми вечером напрасно пыталась со мной подѣлиться, Заза была трогательной. Я себя упрекнул в том, что был слишком безучастен, когда она объясняла свои дѣла.

— Сейчас я бѣгу на базар, — сказала она, — и когда мы привезем цвѣты в магазин я на минутку к вам поднимусь. И потом приду вмѣстѣ с вами завтракать.

— Спасибо, Заза. Купите всякаго баловства. Купите что хотите.

— Как вы спали? Как себя чувствуете?

— Чувствую себя неважно. А что до сна, то сон это был, или не сон, я не знаю.

Она поправила мое одѣяло, потрогала мнѣ лоб, нашла, что он слишком горячій, улыбнулась и проговорила:

— Я бѣгу.

"Славная женщина", — подумал я, почему-то испытав облегченіе, и заснул. Она вернулась, когда разсвѣло, наспѣх напоила меня чаем с сухариком, объяснила, что грузовики опоздали, и что она от этого еще больше спѣшит, что все уберет днем, когда будем завтракать, и прибавила:

— Лежите спокойно, не посылайте за газетами. А? Никаких газет!

Вынув из умывальника цвѣты, она вылила остатки вина.

— Вот вам вино!.. До свиданія.

Ея непосредственность, ея заботы, исходившій от всего ея существа, так сказать, элементарный шарм были трогательны, и нѣт сомнѣнія в том, что все это шло мнѣ на пользу, позволяя немного лучше с собой справляться в той моральной ямѣ, куда я провалился. "Она произносит как раз тѣ слова, которыя нужны, — подумал я, — и от нея распространяется оживляющее тепло". Все утро я ее ждал с нетерпѣніем, и когда, около двѣнадцати, в коридорѣ раздались ея легкіе шаги, я испытал почти радость. Мы совмѣстно позавтракали, — вѣрнѣй, она позавтракала в то время как, глядя на нее, я проглотил нѣсколько глотков бульона и разгрыз сухарик. Заза особенно, — как она

мнѣ повѣдала, — в тот день спѣшила: перемѣны в магазинѣ шли полным ходом! Совсѣм уже собравшись уходить, она присѣла на край постели и озабоченно произнесла:

— Хозяйка уѣзжает в деревню через нѣсколько дней. Новая примет магазин завтра. Сегодня она была с нами на базарѣ и смотрѣла как мы выбирали цвѣты. Онѣ обѣ хотят знать, что я рѣшила? А я не знаю...

— Что вы будете дѣлать в деревнѣ? Вам лучше будет в этой квартирѣ, даже если она маленькая и темная.

— В деревнѣ ли, тут ли, мнѣ все равно придется работать. А мой... друг сердечный...

Она кисло улыбнулась.

— Что ваш друг сердечный?

— Он лѣнтяй. Бездѣльник.

— Хозяин мнѣ вчера сказал, что вы с ним в ссорѣ.

— А! Хозяин вам это сказал? Какое ему дѣло? Впрочем, вѣрно, что я порвала. Именно оттого и порвала, что он бездѣльник, лѣнтяй. Иногда он приходит и требует, чтобы я его пріютила. Ему это удобнѣй, понимаете. Я буду работать, а он будет жить.

— А какая у него профессія?

— Профессія? Его профессія это ничего не дѣлать. Он парикмахер, но его отовсюду выгоняют. По большей части он получает пособіе для безработных...

— А почему его выгоняют?

— Потому, что он очень медленно и плохо работает, вырывает машинкой волосы, рѣжет бритвой щеки и подбородки. Всѣ на него жалуются. Теперь он у матери. Живет на ея счет и она, конечно, недовольна. Он нѣсколько раз приходил сюда и просил, чтобы я его взяла. Но я ни за что! Подумайте только, я буду с утра до вечера крутиться, а он лежать, курить и пить вино?!.. А нѣт, нѣт, ни за что, прошу пожалуйста!..

— Если так, то вам может быть лучше уѣхать в деревню?

— Не увѣрена. Совсѣм не увѣрена. Это недалеко, в восьмидесяти километрах отсюда. Там он цѣликом на моем окажется иждивеніи... И сами знаете, как все в деревнѣ: все про всѣх извѣстно. Он все время будет проводить в кафе и платить придется мнѣ... И еще шумѣть будет, хвастаться!

— Все это вѣрно. Но почему вам не согласиться на квартиру?

— Потому, что если он в квартиру ко мнѣ въѣдет, то выгнать его я не смогу никак.

— А вы сами не можете уѣхать к каким-нибудь родным?

— У меня нѣт родных. Я с дѣтства сирота и воспитывали меня в пріютах. И потом...

— Что потом?

— Чтобы въѣхать в квартиру, надо купить мебель.

— И у вас нѣт денег?

— Есть, но недостаточно. Много с моими заработками не отложишь...

— Сколько вам нехватает?

Заза назвала цифру. Это было лишь маленькой частью того, что я взял из банка, вполнѣ это было пріемлемо, чтобы не сказать скромно. И потом, даже если со мной что-нибудь случилось бы, так тѣм хуже! Так или иначе я твердо рѣшил к моему состоянію не притрагиваться, в моем понятіи оно должно было цѣликом отойти Мари и дѣвочкам. Но шевельнулась во мнѣ и другого рода мысль: дать Заза деньги не было ли это, в извѣстной степени, нѣсколько цинически, нѣсколько в аллотовом духѣ купить спокойствіе, даже комфорт? В то время как Мари, в условіях унизительных и недостойных, будет изнывать под тяжестью наваленнаго мной на нее горя, я буду тут тихонько соглашаться на заботы обо мнѣ Заза?! И хотя помочь ей купить квартиру было способом ее за эти заботы отблагодарить, — было в этом моем расположеніи ей помочь и что-то другое.

Что точно могла думать сама Заза, — я не знаю. Никто и никогда точно чужих мыслей не угадывал. Все же, исходя из ея вопросов, я мог предположить, что она слегка на мое участіе разсчитывала. Не знать, что у меня есть деньги, она не могла: я при ней вынул крупную кредитку из бумажника, отколов ее от толстой пачки других таких же крупных кредиток. И пачка эта была не единственной, этого она явно не могла не замѣтить. Пока я размышлял, она смотрѣла на меня вопросительно и молча. Я протянул руку к кожаной курткѣ, висѣвшей на спинкѣ стула, достал бумажник и дал Заза нужную ей сумму.

— Я знала, — сказала она, — что так будет.

35.

В послѣдовавшіе за этим дни Заза развила большую дѣятельность. Не щадя сил своих, можно сказать, трудилась она и хлопотала! Ко мнѣ забѣгала всегда ненадолго, всегда впопыхах, чтобы накормить, дать лѣкарства и чуть-чуть убрать. Измученный все не спадавшей температурой, я ни о чем не спрашивал. Мысли текли медленно и равнодушіе, которое все возрастало, — шло, в сущности, мнѣ в помощь. Так полубредовые видѣнія и голоса смѣшивались, путались, теряли даже приблизительную послѣдовательность. Все же я мог себѣ отдать отчет в том, что дѣла Заза устраиваются. Утром она ходила на базар, дни проводила в магазинѣ и возвращалась очень поздно, так как "занималась" квартирой. Что мы туда переберемся совмѣстно, — подразумѣвалось, точно бы вытекало из данных мною ей денег. Но мы об этом не говорили. Через дня четыре, моя слабость так возрасла, что вторичный визит доктора напрашивался, но все же я его не вызвал. Я чего-то ждал, и в этом было главное. Как-то я коснулся темы газет и наткнул-

ся на отказ столь рѣшительный, что спросил себя: не собирается ли Заза установить надо мной род диктатуры, такой, что единственным средством самозащиты будет полное от всего отрѣшеніе?

Как-то она меня спросила, кѣм я был раньше?

— Коммерсантом, — отвѣтил я.

— А! Коммерсантом! По какой части?

— По конфетной.

— Я уже думала, что вы были коммерсантом. Но зачѣм вы купили эту куртку и штаны?

— Я хотѣл заняться рыбной ловлей, для развлеченія.

Она не настаивала, но поинтересовалась собираюсь ли я навсегда сохранить бороду? Я попросил дать мнѣ зеркало. Из него на меня глянуло осунувшееся, похудѣвшее, неузнаваемое лицо! Я был удовлетворен.

— Да, — сказал я, — я оставлю и усы, и бороду.

Она ничего не отвѣтила, но в глазах ея, как мнѣ показалось, загорѣлось вопросительное любопытство. Она ушла, и появилась через час, довольная и рѣшительная.

— Хозяйка уѣзжает завтра, — сказала она, и стала укладывать чемодан (что было очень просто: вещей у меня почти не было). Зато у нея самой добра собралось порядочно и я слышал, как за перегородкой она долго с ним возилась.

На утро она вошла твердой поступью, сунула еще что-то в чемодан и заперла его на ключ, — все молча. Молчал и я. Она вышла и, послѣ десятиминутнаго отсутствія, снова появилась.

Приблизившись тогда к кровати, наклонившись, глядя мнѣ в самые зрачки, она проговорила:

— Пора одѣваться.

Я подчинился. Подчинился не только ея приказанію, но еще и тому, что она меня сама стала одѣвать. Вошел хозяин. Я спросил, сколько я должен, но оказалось, что Заза уже за все расплатилась. Побѣжденный, разбитый, безвольный, еле живой, я на все соглашался. Начался спуск по лѣстницѣ. С одной стороны меня поддерживала Заза, с другой хозяин. Все кружилось, все дрожало, все, время от времени, было словно задернуто какой-то пеленой. На каждой площадкѣ нам пришлось останавливаться, мнѣ казалось, что еще немного, и я лишусь чувств.

Заза меня кутала, Заза меня ободряла. Она мнѣ казалась очень красивой, руки ея были нѣжны и пальцы, которыми она прикрыла мой рот, когда открыли входную дверь, были теплы и благоухали. Прямо против двери стояло такси. Я вздохнул и благодарно посмотрѣл на Заза. Пока мы ждали, чтобы принесли багаж, она сказала:

— Тут недалеко, мой милый. Как только мы будем дома, я тебя уложу и ты увидишь, как тебѣ станет хорошо.

Потом все сливается в моих воспоминаніях. Куда, как и сколь долго мы ѣхали, я в памяти своей возстановить не могу. Что-то оста-

лось сзади, что-то ждало впереди. И между этими двумя точками — пустота

Когда мы остановились, я увидал витрину и в ней цвѣты, — много цвѣтов! "К свадьбѣ это или к похоронам?" — подумал я. — Заза и шофер помогли мнѣ выйти, помогли подняться по лѣстницѣ, — всего одна, коротенькая лѣстница, — чуть-что не втащили меня по ней. Заза отворила дверь. Я проник тогда в большую и очень низкую комнату, гдѣ меня поразили окна. Это были два увѣнчанных полуокружностью прямоугольника, начинавшіеся у самаго пола и достигавшіе приблизительно половины высоты стѣны. Потом я узнал, что окна эти опирались на фундамент и были раздѣлены, возлѣ верхней своей трети, полом квартиры Заза, приспособленной сравнительно недавно. Но тогда эти два ярких и низких окна показались мнѣ удивительными, ненормальными, едва ли не противуестественными. Точно полу-подвал, выдвинутый на высоту антресолей каким-то подземным сдвигом!

Все было тщательно убрано, пол сверкал, на столиках лежали бѣлоснѣжныя скатертки, в углу стояла уже наполненная дровами, с заготовленными перед ней лучинками, печь. Но раньше чѣм чиркнуть спичку Заза подвела меня к большой, краснаго дерева, старомодной кровати. Она была постелена, она уже была открыта, она меня, со вчерашняго дня, когда Заза все приготавливала, ждала. Мнѣ хотѣлось что-нибудь сказать, поблагодарить, дать, по крайней мѣрѣ, понять, что я все замѣтил и все оцѣнил, что я глубоко тронут... Но я не смог выдавить из себя ни единаго слова, — точно бы кто-то за горло меня держал.

В странно-низкой, странно-большой этой комнатѣ, углы которой убѣгали в тѣнь, гдѣ пахло воском, гдѣ было уютно, гдѣ, — как только затопилась печка, — стало тепло, которая, показалось мнѣ, находится в концѣ моего, мнѣ самому непонятнаго, пробѣга, не принимал ли меня в лоно свое мой духовный склеп? Не его ли схемѣ соотвѣтствовали эти два обращенных к низу полуокругленных окна?

Заза усадила меня в кресло и стала раздѣвать. Снова я подчинился. Во мнѣ не оставалось ни одной крупинки независимости. Заза считала, конечно, что это мое состояніе вызвано болѣзнью, жаром, усталостью, и, отчасти, это было так. Но только отчасти! В первыя минуты моего пребыванія в этой квартирѣ, меня давило и оглушало обостренное сознаніе общаго пораженія.

— Жар, — сказала Заза, — стал еще сильнѣй. Но сегодня утром придет доктор, я назначила ему еще вчера.

Она ни о чем меня не спросила, не попыталась даже узнать, нравится мнѣ или нѣт; она, сколько я мог судить, была испугана. Вѣроятно она сомнѣвалась: не причинит ли мнѣ этот, так тщательно, так влюбленно ей подготовленный переѣзд больше вреда, чѣм пользы?

36.

Несколькими часами позже появился доктор, который и опредѣлил крупозное воспаленіе легких. Он прежде всего поспѣшил успокоить Заза: теперь, сказал он, медицина во всеоружіи для борьбы с этим! Но я знал, что от воспаленія легких умерла мать Мари когда была, вторым браком, за Аллотом, и подумал, что налицо может быть род предзнаменованія, что Заза мнѣ приготовила смертный одр... Впрочем, умереть меня не страшило. Непріятной была мысль, что в таком случаѣ окажется обнаруженной моя настоящая личность и Мари заключит, что я ее покинул чтобы поселиться с Заза. Зоя, Заза!..

Вереница послѣдовавших за этим дней отмѣчена в моей памяти образами такого вниманія и таких забот, каких я никогда и ни с чьей стороны не видѣл. Заза вставала чуть свѣт, ложилась поздно. Она все чистила, вытирала пол, топила, мыла, стирала и работала в магазинѣ. Я еще дремал когда, по утрам, давно сложив походную кровать, ею предусмотрительно купленную на время моей болѣзни, она уже хлопотала. И когда вечером она, до того как эту кровать безшумно раздвинуть, раздѣться и лечь, что-то штопала, пришивала, гладила, я уже спал. Ни одной минуты она не сидѣла сложа руки!

Днем, при каждой возможности, она поднималась из магазина, чтобы спросить, не надо ли мнѣ чего-нибудь, узнать, какая температура, оправить подушку...

Ночью, — когда я не спал, — она тихонько приближалась ко мнѣ, ощупывала лоб, что-нибудь ласковое шептала, спрашивала, не хочу ли я пить, если нужно давала лѣкарство...

Большая слабость миновала довольно скоро. Вспрыскиванія новых средств и заботы Заза сдѣлали свое дѣло. Но душевное мое состояніе и умственное расположеніе были плачевны. Особенно по утрам. Я вылѣзал из под одѣяла и, медленно ходя по комнатѣ, начинал діалог с "отцом-хамом". Из зеркала, к которому я иной раз приближался, на меня смотрѣло отраженіе, казавшееся мнѣ не моим: большая борода, длинные усы, провалившіяся щеки и глаза: помутнѣвшіе, сузившіеся, с набухшими вѣками, с какой-то отталкивающей хитрецой. Стиснув челюсти, я со злобой ложился и ждал возвращенія Заза, которая приходила поить меня утренним чаем. Трогала лоб. Улыбалась. Осторожно цѣловала. И явно ждала, ждала всѣм существом моего полнаго выздоровленія...

На смѣну этому первому, в общем довольно короткому періоду пришел второй, когда я почувствовал, что силы мои начинают возстанавливаться. Утром рано Заза чистила и зажигала печку и убѣгала в магазин. Узнав, что мнѣ лучше, хозяйка отпускала ее менѣе охотно и я подолгу оставался в одиночествѣ.

Я не был еще достаточно силен, чтобы приступить к дѣятельности, к которой приступил позже, но лежать в полу-дремотѣ тоже не

мог, и или ходил по комнатѣ, или стоял у полуокон, или сидѣл в креслѣ, напряженно думая. Но послѣдовательно вытекавших одна из другой мыслей не было. Все было поисками одной, основной мысли, которая казалась совсѣм близкой, которую я почти настигал, и которая всегда, в крайнее мгновеніе, ускользала.

К завтраку, сбѣгав до того в лавки, возвращалась Заза. Пока мы ѣли, я оставался разсѣянным, еле-еле отвѣчая на ея вопросы. Но она, повидимому, относила мою безучастность за счет болѣзни и ни разу не сдѣлала мнѣ никакого упрека.

Послѣ ея ухода я снова думал и только вечером, чтобы отдохнуть, затѣвал простой разговор, выслушивая разсказы о том, как протек день: необычайно элегантная покупательница, коротенькое пререканіе с хозяйкой, забытый в магазинѣ проѣзжими иностранцами чемоданчик, опрокинутый собачкой горшок цикламена...

Нѣсколько позже я попросил принести мнѣ газету. Заза оглянула меня с недовѣріем, но газету купила. Развернув листы тотчас послѣ ея ухода, я тщетно искал хотя бы малѣйшаго намека на "исчезнувшаго шоколаднаго фабриканта". Слѣдствіе, вѣроятно, длилось. Но так как новаго ничего не открыли, то дѣло больше не интересовало ни одного журналиста, ни одну редакцію. Кромѣ того, со всѣх сторон напирали происшествія, одно другого занимательнѣй.

Из отсутствія новостей не слѣдовало, однако, что мнѣ не нужно скрываться и квартира Заза, в этом смыслѣ, была идеальным убѣжищем.

37.

Как-то утром, когда Заза ушла на работу, я рискнул пойти в парикмахерскую. Там мою шевелюру, усы и бороду привели в порядок, и в таком улучшенном видѣ я, — неожиданно, — проник в цвѣточный магазин. Я был тронут радостной и гордой улыбкой, которой Заза меня встрѣтила. Она меня представила хозяйкѣ, и было очевидно, что на нее я произвел самое лучшее впечатлѣніе. Еще немного и она поздравила бы Заза с таким удачным выбором: какой, мол, ваш друг представительный, какой серьезный, какой элегантный! Послѣдовало приглашеніе ее к нам, откушать, в ближайшее воскресенье, послѣ чего я присутствовал при продажѣ двух или трех букетов. Заза умѣло заворачивала, приклеивала этикетки, а хозяйка, с радостной улыбкой, принимала деньги. Я был в положеніи не то привилегированнаго, не то имѣющаго какія-то тайныя права, человѣка. Я вышел из магазина раздраженным, раздраженным же вошел в квартиру. Если оказывалось, что моему драматическому недоумѣнію должно так просто притти на смѣну спокойное "мелко-коммерческое житіе", то не утрачивало ли мое убѣжище всякій смысл, и сам я не должен ли был подозрѣвать себя в пошлой фальши?

Я смотрѣл на окна, смотрѣл на то, как все чисто убрано, как все блестит, и удивился тому, что у, в сущности примитивной, Заза было так много вкуса: ничего банальнаго в устроенной ею комнатѣ я не находил. Но легче от этого мнѣ не становилось.

Заскрипѣл тогда в замочной скважинѣ ключ, дверь отворилась и, смущенная, робкая и радостная, приблизилась ко мнѣ моя подруга. В первый раз с тѣх пор как я ее знал, видѣл я у нея такое выраженіе! Глаза мерцали, губы были сложены не то в улыбку, не то в вопрос! Она меня обняла, она ко мнѣ прижалась, она что-то шептала. И так просто было проникнуть в сокровенную сущность ея мыслей: "Вот, наконец, послѣ стольких усилій, послѣ такой заботы, послѣ такого долгаго ожиданія ты поправился и ты мой... Ты пошел навести красоту и сейчас же пришел мнѣ показаться! Конечно! Я сразу все поняла!".

Я не знаю, какіе скрещиваются, сплетаются, расходятся и вновь друг друга находят линіи, образы, узоры и краски в том мірѣ, куда меня увлекла Заза, и не знаю, каким побужденіям мы, в этот мір проникнув, подчиняемся. С меня довольно знать, что мы подчиняемся и что от частицы самих себя отрекаемся радостно. Знаю еще, что таких благодарно-влюбленных глаз, какими были глаза моей любовницы послѣ первых объятій, я никогда не видѣл, и никогда не увижу. И еще знаю, что мнѣ было больно: я не мог ей отвѣтить тѣм же! Чтобы ее не терзать и не мучить с перваго же шага, я спрятал тогда в глубину души всѣ сомнѣнія и всѣ упреки себѣ, замѣнил обман самообманом. Ей вѣдь предстояло пострадать от моей слабости, не мнѣ!

Вечером складная кровать исчезла, на столѣ и на полках появилось множество цвѣтов. Заза постелила тонкія простыни, достала свою самую красивую, шелковую рубашку. И превратилась тогда комната больного в брачный покой: без всякой церемоніи, без оповѣщенія, с глазу на глаз Заза выходила за меня замуж, принимая, вѣроятно, мое молчаніе за знак согласія. Она повѣдала мнѣ тогда всю свою жизнь, разсказав, что у нея было не один, и не два любовника. Свою наивную нетронутость она отдала молоденькому матросу торговаго флота, который, прожив с ней два мѣсяца и обѣщав жениться, ушел в плаванье и не вернулся. Никогда ничего она о нем так и не узнала. Потом был сын булочника, тоже обѣщавшій жениться, но послѣ нѣскольких мѣсяцев встрѣч в отелях сознавшійся, что он не сын булочника, а его подмастерье, что при этом женат, и что у него самого недавно родился сын. Потом появился коммерческій агент, уѣзжавшій, пріѣзжавшій, снова уѣзжавшій и снова пріѣзжавшій. Он торговал кружевами и наборами для дамскаго бѣлья. Он ее, как ей казалось, любил по-настоящему, часто дѣлал подарки. ("Вот, — сказала она с обезоруживающей простотой, — эту рубашку я с той поры сохранила!"). Но получив назначеніе в другую область, он уѣхал и хоть и обѣщал ее выписать, но не только не выписал, но вообще ничего о себѣ не сообщил. Потом появился не то банкир, не то дѣлец, увезшій ее в роскошном поѣздѣ, но на утро, по прибытии в столицу, купившій ей обратный билет тре-

тьяго класса и сказавшій, что он "передумал". За ним послѣдовал владѣлец обувнаго магазина, с которым, чтобы не потерять мѣста, ей приходилось, время от времени, ѣздить в рестораны и подчиняться тому, что за этим слѣдовало. Но однажды, он ее побил и ей пришлось убѣжать. Тогда она поступила в цвѣточную лавку, вскорѣ послѣ чего ее взял под "свое покровительство" парикмахер, о котором я уже знал. С ним она прожила нѣкоторое время совмѣстно, и от него она отдѣлалась незадолго до нашей встрѣчи.

— Он только курил, пил и пѣл, — закончила Заза, меланхолически.

— Пѣл?

— Да. У него была гитара. Он перебирал струны и что-то урчал, очень плохо. Он увѣрял, что если бы не бѣдность, то сдѣлался бы знаменитым, но что соединить работу в парикмахерской и искусство — невозможно. У нас была квартирка. Я его там оставила и переѣхала в гостиницу, но он, послѣ этого, от квартиры отказался и поселился у матери. Но я тебѣ про все это уже говорила...

И прибавила:

— Ты моя первая настоящая любовь. Прошлое не считается. Да и можно ли их всѣх с тобой хотя бы сравнить?

Как было реагировать, что было отвѣтить? Недоумѣвая, я молчал.

Она ничего от меня не требовала: ни обѣщаній, ни планов, ни завѣреній. Ей довольно было того, что я тут, рядом, что ей можно меня ласкать, цѣловать и что я всему этому подчиняюсь, позволяю это так же, как позволял за собой ухаживать, давать лѣкарства, укладывать в постель, оправлять одѣяло когда хворал. От нея исходили и тепло, и благоуханіе, и такая в глазах ея свѣтилась нѣжность, столько безхитростной преданности, что даже моему, раздвоенному сердцу становилась доступной благодарная сладость.

— Я тебя люблю, я тебя люблю, — повторяла она, — и никого до тебя не любила. Все что до тебя было — не было! Ни с кѣм я того не чувствовала, что чувствую с тобой.

Но ни разу не спросила: люблю ли я ее? Точно боялась.

Когда я оставался один и, по установившейся привычкѣ, принимался шагать от одной стѣны к другой, в мыслях моих — которыя я направлял в ту же все сторону, пытаясь что-то ускользающее понять, появились новые уклоны. Я чуть ли не упрекал себя в том, что соглашаясь на любовь и на ласку Заза, я откликнулся на сигнал: можно вѣдь и отдохнуть! И спрашивал себя: не воспользоваться ли тѣм, что случилось, чтобы сдаться и двинуться по новому пути?

Как-то, открыв газету, я прочел: "Исчезнувшій шоколадный фабрикант. Тайна, которой покрыто это исчезновеніе, так и остается тайной. Поиски не привели ни к какому результату несмотря на осторожный опрос цѣлаго ряда находившихся с фабрикантом в сношеніи лиц. И хотя ничего не было в его частной жизни обнаружено такого, что могло бы послужить поводом к самоубійству, именно оно остается самой

правдоподобной гипотезой. Случаи непреодолимаго влеченія к самоуничтоженію так же установлены, как случаи внезапнаго безумія".

— Ах, если так, то вот: разскажите о весельи, милые! — воскликнул я, припомнив врѣзавшуюся мнѣ в память строчку какого-то стихотворенія. — Учитель исторіи Шастору! И я! — Я почти был готов, когда вошла Заза. Она была розовой, хорошенькой, глаза ея блестѣли, она смѣялась! Все чаще и чаще она была такой, как бы давая мнѣ понять, что все теперь введено в колею, и что она во всем на меня полагается. В ней расцвѣтала совершенная женственность, дополнявшая уже раньше замѣченныя мной качества ея сердца и души. Она упраздняла свою надо мной опеку, замѣняла возникшія между нами, во время моей болѣзни, отношенія другими, не случайными, а окончательными. Она словно говорила, что теперь ея очередь подчиняться, и что она будет счастлива мнѣ подчиниться. И я не побѣжал на мол, и не бросился в воду. Как-то уж очень рѣзко оказались противупоставленными "царство тѣней" и объятія Заза!

Все слагалось теперь так, что я был в безопасности. Меня больше не искали! Меня считали мертвым! Надо было задернуть прошлое как можно болѣе темными шторами, попытаться самого себя туда больше не пропускать, закрыть глаза на глаза Аллота. Как можно болѣе темными, попытаться!?.. Совсѣм забыть, совсѣм не видѣть было невозможно, и на новый путь я вступал с оговоркой. А позже не сумѣл его покинуть с достоинством.

38.

Завтрак, устроенный Заза в честь хозяйки, был отправной точкой перемѣны, послѣ него моя жизнь вошла в русло. Хозяйка попросила меня помочь ей составить заявленіе о подоходном налогѣ, что, хорошо знакомый с такого рода вещами, я сдѣлал легко и скоро.

Потом возникла надобность в приведеніи в порядок переписки с поставщиками. Обнаружив хитрости, почти недобросовѣстность одного из них, я вывел его на чистую воду, благодаря чему занял в глазах владѣлицы магазина преобладающее положеніе. Неопытная в дѣлах коммерческих она, с самаго начала, надѣлала множество ошибок, и, не прими я в ея дѣлѣ участія, оно, вѣроятно, погибло бы. Мой опыт пришелся кстати: магазин твердо стал на ноги. Была введена отчетность, провели телефон, купили пишущую машинку, регистратор, картотеку, гроссбух, журнал...

Все же я ограничивался минимумом, предпочитая — больше того: считая необходимым — оставаться в тѣни. Что до Заза, то по мѣрѣ того, как шли дни, недѣли и мѣсяцы, она с все большей ясностью отдавала себѣ отчет в моих дѣловых навыках, видѣла мои привычки, вкусы и из-за всего этого в ней росли какія-то сомнѣнія. Не раз, за-

таив дыханіе, еле слышно она меня спрашивала: "Ты меня не бросишь?" И добавляла:

— Я же вижу, что ты раньше жил не так, как мы живем теперь. Ты никогда мнѣ не говоришь о прошлом. Точно у тебя есть какой-то секрет.

Я молчал.

Позже она, с сокрушеніем, сказала, что время идет, а "прибавленія семейства" не ожидается.

Я молчал.

Как мог, я ее баловал. У меня оставалось немало денег, и я просил ее не стѣсняться при покупках нарядов, выписывал из столицы модныя новинки, духи, и вообще всякія дамскія вещи. Чтобы мнѣ угодить, она всегда была элегантной, отлично причесанной, надушенной, умѣло подкрашеной. Ея природный вкус был безошибочен.

Но когда она меня просила пойти с ней в театр, в кинематограф, или пообѣдать в большом ресторанѣ, или даже просто посидѣть и послушать оркестр в каком-нибудь кафе — я отказывал. Я даже гулять с ней не ходил, ссылаясь на свои домосѣдскія предпочтенія. Осторожность оставалась правилом. У меня столько было в дѣловых кругах знакомых!

Я покупал много книг и читал, так сказать, запоем. К моему желанію устроить полки Заза отнеслась с уваженіем и когда я открывал очередной том, она не смѣла заговорить.

Когда стало приближаться лѣто, она призналась мнѣ, что хочет съѣздить на юг, куда ее манили расклеенныя на стѣнах пестрыя афиши. И что меня совсѣм растрогало, так это ея робкая просьба разрѣшить ей готовиться к поѣздкѣ, даже если я не увѣрен, что она сможет состояться.

Разумѣется, я "разрѣшил".

Она купила большую соломенную шляпу, купальный костюм, пляжныя туфли, флаконы с жидкостями для загара, какой-то особенный лак для ногтей... принялась сама шить очень яркія и легкія платья, необычайно широкія, разлетающіяся юбки и шорты. Когда же она мнѣ сказала:

— Я не знаю, поѣдем ли мы. Но так ты увидишь, какой я могу быть красивой на пляжѣ, — то я был просто смущен.

Время от времени она приглашала своих подруг, которыя, по большей части, были нѣсколько озадачены ея удачей и плохо скрывали зависть. Одна из них, — жена паровознаго машиниста, — мнѣ, впрочем, понравилась, и я принял предложеніе у нея откушать. В нашу честь был приготовлен улучшенный обѣд. Так же как у нас, все было в квартирѣ машиниста убрано и надраено до послѣдней возможной степени. Бѣлая скатерть, цвѣты, праздничная сервировка... Разговор не блистал эстетической утонченностью и расположился вокруг профессіональных тем, что не помѣшало ему быть и интересным, и содержательным. Послѣ двух стаканов вина легкая натянутость исчезла и

все прошло отлично. Вскорѣ послѣ этого Заза пригласила эту пару обѣдать.

Послѣ кофе и ликеров молодыя женщины стали разсматривать и перебирать купленныя Заза пляжныя вещи. Онѣ обѣ весело смѣялись, а я слушал соображенія машиниста насчет притяженія, которое оказывают на слабый пол наряды, и притяженія, которое этот слабый пол, наряженный или нѣт, оказывает на пол сильный.

Когда они ушли, Заза тихонько проговорила:

— Ну как мнѣ хотѣлось бы поѣхать покупаться на югѣ, в синем морѣ. Может быть, при оплаченных отпусках, это не так дорого стоило бы? И вѣдь не всѣ же там гостиницы люкс!..

Я ничего не отвѣтил.

Как-то раз вечером раздался звонок. Заза пошла открыть и из передней до меня донеслись восклицанія, угрозы, поспѣшныя реплики. Заза была явно испугана. Я вышел в переднюю и без труда узнал парикмахера, фотографія котораго мнѣ была показана еще в гостиницѣ. Мой большой рост в сравненіи с его очень маленьким, мои широкія плечи в сравненіи с его очень узкими, оказались дѣйствительнѣй всяких словесных аргументов. Я только посмотрѣл на парикмахера, даже не раскрыв рта. Он же замолк сразу и еще больше сгорбился. Свѣтлые глаза его потухли, он приподнял каскетку, что-то пробормотал и вышел. Заза казалась взбудораженной. Она попробовала мнѣ что-то объяснить насчет того, что все между ними кончено, что она не понимает, как он посмѣл, давала слово, что это не повторится... Я взял ее, как ребенка, на колѣни и тотчас же, спрятав у меня на плечѣ голову и немного всплакнув, она стала меня цѣловать и говорить, как сильно любит...

Но два эти эпизода и нѣсколько других, расположенных в таких же плоскостях, скользили лишь по поверхности моего убѣжища, которое я, все чаще и чаще, сравнивал с царством тѣней. И в комнатѣ, гдѣ я, запершись, или ходил, или читал, понемногу установилась нѣкоего рода напряженность, природы которой я опредѣлить не могу, но которую иной раз чувствовала и Заза. Об этом я, впрочем, только догадывался, так как никогда ни малѣйшей жалобы с ея стороны не слышал. Если, видя ее затуманившейся, я спрашивал о причинѣ, то она всегда ссылалась на какую-нибудь хозяйственную заботу или на усталость.

Потом стала хворать владѣлица магазина. У нея начали болѣть и пухнуть ноги, она не могла долго стоять и появлялась раз в два дня. Но и это было слишком для нея утомительно и она попросила Заза и меня замѣнить ее на время болѣзни, которая, как она полагала, может продлиться довольно долго. Нехотя, я все же согласился. Проводить дни в магазинѣ меня не устраивало совершенно, но я не хотѣл отказать Заза в поддержкѣ. У нея на руках было и все наше хозяйство, которому она удѣляла не мало сил.

Мы стали совмѣстно, рано утром, ѣздить на базар, для закупок. Я занялся немного и продажей. Счетоводство, сношенія с поставщиками

и прочія, вытекавшія из болѣе пристальнаго вниманія, обязанности заполнили почти все мое время.

Войдя во вкус, я затѣял различныя усовершенствованія, видоизмѣнил расположеніе, улучшил освѣщеніе, закупил, для обертки цвѣтов, новую, очень красивую бумагу. Так как я владѣл двумя языками, то у нас стали бывать иностранные покупатели. И когда владѣлица, нѣсколько позже, пришла посмотрѣть, то улучшенія не могли не броситься ей в глаза. Я ясно видѣл, что мнѣ она довѣряет безоговорочно, что только и хочет, чтобы так продолжалось. И еще немного спустя она мнѣ предложила все взять в свои руки, стать ея довѣренным и заинтересованным сотрудником. Само собой понятно, я отказался наотрѣз. Но, в свою очередь, внес предложеніе: поручить веденіе дѣла Заза, с тѣм, что я останусь ея совѣтником, — предложеніе, которое было принято. Я составил проект контракта и Заза отнесла его для "провѣрки" и регистраціи к нотаріусу. Тот прежде всего поинтересовался: кто составил проект? Заза сказала: мой друг. Он ее завѣрил, что все написано рукой очень опытной, что было для нея источником гордости.

В магазинѣ установили большія зеркала, все заново выкрасили. Заза, ставшая сама коммерсанткой, получившая в свое распоряженіе помощницу, веселая, нарядная, красивая, все больше и больше влюбленная, была счастлива.

А так как из перемѣн этих для меня вытекли нѣсколько большіе досуги, то я снова мог проводить в низкой комнатѣ долгіе часы, бродя из угла в угол, читая, думая, снова читая, и снова думая.

39.

Наступило жаркое лѣто, такое жаркое, что даже на берегу моря, иной день, дышать было нечѣм. Ни одного облачка, ни малѣйшаго вѣтерка... Конечно, в глубинѣ души, Заза мечтала о поѣздкѣ на юг, ставшей, из-за перемѣн в ея положеніи, в этом году невозможной, но если и мечтала, то ни разу об этом ничего не сказала.

В одну из пятниц пришло письмо от прежней хозяйки, которая побывала в городѣ и была совершенно поражена превращеніем ея скромной лавочки в нарядную цвѣточную торговлю. Она приглашала нас завтракать в слѣдующее же воскресенье. Я сразу увидал, что Заза поѣхать очень хочется, и еще увидал, что она просто не смѣет меня попросить ее сопровождать. Полагая, что визит этот принесет ей законное удовлетвореніе, я рѣшил не портить бочки меда ложкой дегтя, и сам ей сказал, что мы поѣдем вдвоем. Почему-то на этот раз я побоялся быть слишком эгоистичным. Желаніе Заза появиться у бывшей хозяйки в полном блескѣ и в сопровожденіи "мужа" было понятным, было законным и войти в этот дом со мной подруку было куда заманчивѣй чѣм начинать с объясненій: "мой друг не совсѣм здоров, он просит его извинить".

В субботу в полдень, отпустив продавщицу, Заза закрыла магазин и до самаго вечера готовилась к поѣздкѣ, гладя, освѣжая, подшивая... Кромѣ того, она испекла много сложных пирожков и тортов.

Время от времени, слегка разгоряченная и возбужденная, она входила в комнату, гдѣ я шагал от стѣны к стѣнѣ, давая мнѣ попробовать то или другое, спрашивая, кажется ли мнѣ это вкусным, и не надо ли еще посыпать сахару или посолить? Покончив с печеньем, она приступила к примѣркам платьев и, разумѣется, мои предпочтенія играли большую роль. Она спрашивала, нравится ли мнѣ больше голубое, чѣм бѣлое? Я отвѣчал, что она сама мнѣ так же нравится в голубом, как в бѣлом, и что так же, если не еще больше, нравится без всякаго платья. Заза смѣялась. Вечером, сославшись на неотложное дѣло, я вышел один. Тронутый безхитростной радостью Заза я замыслил доставить ей дополнительное удовольствіе и сговорился с шофером такси, чтобы он подал автомобиль в воскресенье, к десяти, как раз когда надо было собираться итти на вокзал, и отвез бы нас в деревню, там подождал и привез обратно.

Открыв утром окно, я обнаружил, что небо слегка задернуто и порадовался тому, что жара нас не будет слишком мучить. В десять, когда мы кончали утренній завтрак, раздался коротенькій звонок: шофер докладывал, что автомобиль подан.

— Какой автомобиль? — спросила Заза, приподняв брови и пріоткрыв розовый ротик.

Я объяснил.

Подойдя ко мнѣ — нѣт: подкравшись, — она меня поцѣловала и, думается, из всѣх ея поцѣлуев был этот самым нѣжным, самым, если можно так выразиться, глубоким. Но кольнуло у меня что-то в сердцѣ во время этого поцѣлуя, потянулось в нем что-то, защемило...

Потом побѣжала дорога, то прямая, по лугам и полям, то вьющаяся между зелеными холмами, то совпадающая с улицей деревушек, гдѣ мы видѣли выходивших из церквей христіан, то стиснутая дюнами, поросшими рѣдкой и суховатой травой. На все Заза смотрѣла так, как дѣти смотрят на витрины с игрушками, всему радовалась, всему улыбалась, по всякому поводу дѣлилась со мной впечатлѣніем.

Легкія облака разошлись когда мы были почти у цѣли.

— Само небо, — сказала Заза, — позаботилось о том, чтобы нам не было жарко в дорогѣ! А теперь оно опять синее.

Деревня, куда мы пріѣхали нѣсколькими минутами позже, была большой, почти что она напоминала городок. От длинной, раздѣлявшей ее на двѣ части, улицы, — продолженія дороги, — по сторонам которой были совсѣм новые и некрасивые дома, расходились узкіе переулочки. Чтобы спросить, как добраться до цѣли, шофер остановился у кіоска. Я воспользовался этим, чтобы купить модный журнал, — мнѣ хотѣлось продолжать баловать Заза. С внезапной отчетливостью возникло тогда во мнѣ воспоминаніе о том, как я вышел купить журнал, направляясь на фабрику, и как я *ушел,* даже его не взяв.

Я внутренне сжался. Я услыхал в ушах звоны вселенной, я ничего не видѣл, кромѣ потоков свѣтовых годов, проносящихся над пустынным пляжем... На мгновеніе мелькнул перед моим внутренним зрѣніем портрет молодой женщины и маятник астрономических часов медленно качнулся из стороны в сторону. Но секунда не расщепилась... Я купил журнал, взял сдачу, вернулся в такси. Откинувшись, я провел рукой по вдруг вспотѣвшему лбу.

— Тебѣ жарко? — спросила Заза.

Она достала платочек и вытерла мое лицо.

— Я хочу, чтобы ты был очень красивым сегодня, — прошептала она и, очень осторожно, чтоб не нарушить раскраску губ, меня поцѣловала. Узнавшій тѣм временем дорогу шофер тронулся. Когда мы подъѣхали к довольно большому дому, половину фасада котораго занимала лавка, я с собой уже справился.

При нашем появленіи возникла нѣкоторая суета. В лавкѣ было нѣсколько покупателей и хозяйка что-то отпускала. Увидав нас в такси она выбѣжала на тротуар, расцѣловалась с Заза и я был представлен. Заза передала пакеты и цвѣты. Пакетов было много и букеты были большими. Магазин заперли, хозяйка усадила меня в саду в плетеном креслѣ и увела Заза, чтобы совмѣстно с ней кончить приготовленія. Из кухни доносился смѣх, восклицанія, звон посуды и запах жаренаго. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія в том, что Заза очень довольна, что ей весело, что она счастлива. Она что-то оживленно разсказывала и когда, время от времени, выходила на порог, то щеки ея пылали и глаза блестѣли. Нѣсколькими минутами позже появились еще приглашенные: слегка церемонный секретарь коммунальнаго совѣта, с женой, пепельные волосы которой заставляли думать о волосах привидѣній; сравнительно молодая, — лѣт сорока пяти, — помощница завѣдующаго сельскохозяйственным кооперативом и другіе. Всѣх попросили в столовую, гдѣ ждал великолѣпный стол: бѣлая скатерть, фарфор, серебро, вазы с цвѣтами, привезенными Заза. Комната была большая, высокая, обои свѣтлые, окна завѣшаны бѣлым тюлем, смягчавшим солнечные лучи. Все было размѣренно, все было пріятно, всѣ улыбались и всѣх радушнѣй улыбалась хозяйка. Блюда которыя она приносила, с помощью бывшей ея служащей, теперь равноправной коммерсанткой, — Заза, были одно другого вкуснѣй. Напитки: вино и сидр, поблескивали в графинах и стаканах, гдѣ золотом, гдѣ рубинами. Оживленный разговор становился, иной раз, игривым, или двусмысленным, но ни разу я не услыхал ни одной вульгарной ноты.

Несмотря на это всеобщее хорошее расположеніе, несмотря на веселыя и довольныя улыбки, которыми меня награждала Заза, несмотря на то что безхитростная радость ея мнѣ была по душѣ, я не переставая чувствовал безпокойство. Я все время дѣлал над собой усиліе. Я постарался развлечь разговорами свою сосѣдку, — помощницу завѣдующаго кооперативом, — вступил в небольшое, как можно болѣе расплывчатое, обсужденіе политических извѣстій, потом, внезапно ока-

завшись в центрѣ вниманія, разсказал, как нам с Заза удалось, в короткій срок, развить и укрѣпить дѣло и, примѣнительно к этому, обмѣнялся с секретарем нѣсколькими фразами об административных и налоговых придирках. Сам бывшій коммерсант, он оказался очень в курсѣ этих вопросов. За курицей послѣдовало жаркое, за ним второе жаркое, потом салат, овощи, сыры. Принесли фрукты, и хозяйка предложила шоколадный крем, пояснив, что он приготовлен и ей, и Заза, давшей, в послѣднюю минуту, цѣнныя указанія, что и позволило крему выиграть в сравненіи с другими кремами. Заза весело побѣжала на кухню, вернулась с вазой и сама обнесла приглашенных.

— Вы любите шоколад? — освѣдомилась моя сосѣдка, замѣтив, что крем особенно вкусен оттого, что не слишком сладок. Заза предложила посыпать сахарной пудрой, за которой снова пошла на кухню.

— Мадам Заза, — сказала хозяйка, — отлично готовит. Я это узнала когда мнѣ пришлось ее как-то попросить помочь, в той квартирѣ, гдѣ вы теперь живете.

Заза принесла пудру.

— Может крем не всѣм по вкусу? — спросила она. — Нѣкоторые любят, когда очень сладко.

— Если крем недостаточно сладок, — замѣтила хозяйка, — то вины Мадам Заза в этом быть не может.

Но всѣ единодушно запротестовали, говоря, что именно оттого, что крем не очень сладок, он так оригинально-пріятен.

— Нѣкоторая его горькость зависит от того, — сказала хозяйка, — что самый шоколад не совсѣм обыкновенный. Я нашла нѣсколько таких плиток в одном из ящиков, в лавкѣ, когда получила ее по наслѣдству от брата, и спрятала их из-за оригинальной упаковки.

— Я сейчас принесу эту упаковку, она, правда, очень оригинальная, — прощебетала Заза, выпорхнула в кухню и вернулась с таким мнѣ страшно знакомым, прозрачным футляром в руках! И в нем был рисунок...

— Какая ваша жена хорошенькая, — прошептала моя сосѣдка.

— Больше никогда я такой упаковки не видѣла, — произнесла хозяйка. — Да и представитель, предлагавшій шоколад этой марки, куда-то пропал.

Секретарь взял футляр, внимательно его осмотрѣл и вынул из него Зоин рисунок.

— Дѣйствительно оригинально, — сказал он. — И футляр. И рисунок. Смотрите: точно купола, сосны. Какой-то сѣверный пейзаж, и небо... Вы говорите, что представитель этой марки больше не появляется?

— С тѣх пор, как я приняла магазин, он ни разу не был.

Снова осмотрѣв рисунок, который, обойдя всѣ руки, вернулся к нему, секретарь внятно и дважды прочел мою фамилію.

— Так это как раз тот фабрикант, про котораго писали в газетах, что он пропал, — воскликнул он.

Его тон был тоном остряка, и всѣ громко разсмѣялись.

— Ну, как же, ну как же, я теперь помню, — сказала моя сосѣдка, — во всѣх газетах было написано. Потом, кажется, установили, что он покончил с собой.

— Кофе мы пойдем пить в сад, — промолвила хозяйка, — только пусть каждый захватит свой стул. Там всего одно плетеное кресло.

К этому креслу я прошел и в него опустился не ожидая приглашенія. А сѣв, почувствовал изнеможеніе и провел по темени ладонью.

"Как бы стать совсѣм ко всему безразличным?" — мелькала подлая мыслишка.

— Тебѣ нехорошо? — спросила, подойдя ко мнѣ, Заза.

— Да. Немного. Я устал. Завтрак был плотный. И жарко.

— Я уже за столом замѣтила, — продолжала Заза, — всѣ болтали, шутили, смѣялись. А ты молчал.

— Все пройдет. Не обращай вниманія, — лгал я.

— Как вы нѣжны с вашим мужем, очаровательная мадам Заза, — галантно отнесся секретарь. — Он, кажется, устал. Может быть нужна чашка крѣпкаго кофе?

— Хочешь? — спросила Заза.

— Нѣт, нѣт, нѣт, — сказал я рѣзко и встал. — Не хочу. Нѣт, не хочу, ничего не хочу.

Сдѣлав нѣсколько шагов я вернулся к креслу и снова в него усѣлся. Приглашенные устроились кружком. Заза помогала наливать кофе, разносила чашечки, стаканчики с ликерами, коньяком, ромом... Завязался общій разговор, и так как мое кресло было на отлетѣ, я мог от него уклониться. Покончив с возложенной на нее обязанностью, Заза подсѣла ко мнѣ.

— Ну что с тобой, мой милый? — прошептала она, ласково и участливо. — Скажи? Я же вижу, что ты не в своей тарелкѣ. Хочешь поѣдем домой? Я схожу сказать шоферу, что мы перемѣнили и до вечера не останемся. Хочешь?

У меня возникло тогда, тотчас же отпавшее, желаніе отвѣтить: "Мнѣ все равно". — Или: "Какое это теперь имѣет значеніе?". Я не произнес ни слова. Какое, в самом дѣлѣ, могло имѣть значеніе: отвѣтить или промолчать? Я закрыл глаза. Взяв меня за руку Заза ее тихонько пожала. Она не настаивала, она ни на чем не настаивала. Знала, бѣдненькая, что когда я так молчу, закрыв глаза, то молчать надо и ей. Не в первый раз за эти мѣсяцы я молчал, не в первый раз весь мой разум, все мое сердце, вся моя душа были обращены к прошлому. Однако, так непреодолимо это обращеніе к неповторимому не было даже в тот первый вечер одиночества, когда я бродил по берегу моря и слушал невидимыя в темнотѣ волны.

40.

Пока всѣ пили кофе и ликеры, не принимать никакого участія в разговорѣ было просто, тѣм болѣе, что по отношенію к нам само собой установилось нѣкоторое предупредительное помалкиваніе. Всѣм этим высококачественным и первоклассным людям было ясно, что всего деликатнѣй оставить влюбленных молодоженов сидѣть в сторонкѣ под яблоней. И это тѣм болѣе, что молодой переваривал завтрак с очевидным усиліем. Но когда кофе и ликеры были выпиты, любопытство, нами вызываемое, оживилось. Ко мнѣ подошел секретарь, приблизила свой стул помощница кооператора, приблизилась хозяйка и всѣ они, кивая головами, наперерыв давали совѣты, как преодолѣть "нерасположеніе". Всѣ кромѣ Заза. Она, если можно так выразиться, гасла с каждой минутой. Секретарь мнѣ что-то говорил о неудобствах сообщенія с городом, о том, что прямых поѣздов нѣт, так как деревня в сторонѣ от магистрали и до нея доходит второстепенная, одноколейная линія. И пояснил, что если мы не хотим опоздать к пересадкѣ, нам пора собираться.

— У нас такси, — сказала Заза.

И тотчас хозяйка разсыпалась в комплиментах, разсказывая, как она спокойно занималась в лавкѣ когда вдруг подъѣхал автомобиль и из него вышла "такая красивая мадам Заза, и вслѣд за ней ея муж, тоже такой красивый, элегантный, представительный". Она прибавила, что я напоминаю недавно получившаго международную премію доктора, фотографіи котораго были напечатаны во всѣх журналах. Секретарь смотрѣл на меня с удвоенным вниманіем, отчего мнѣ стало еще больше не по себѣ. Помощница завѣдующаго кооперативом была тоже, очень явно, заинтересована сходством.

— Дѣйствительно, — сказала она, — у вас лицо, которое, раз увидав, запоминаешь.

И хозяйка, вѣроятно думая мнѣ доставить удовольствіе, подхватила.

— Я думаю, мы поѣдем, — произнес я.

— О! — воскликнул секретарь, — раз у вас автомобиль... — он взглянул на часы, — ...если вы, немедля, поѣдете, то в восемнадцати километрах отсюда, на перекресткѣ как раз увидите скорый поѣзд. Стоит посмотрѣть.

— Посмотрѣть на скорый поѣзд? — удивился я.

— Да, да. Пользуясь тѣм, что линія прямая и небольшим уклоном, он набирает тут самую большую линейную скорость из всѣх поѣздов нашей страны. Что-то около 170 в час. Увѣряю вас, что это производит впечатлѣніе.

Я, рикошетом, вспомнил о поѣздѣ, который мы видѣли с Аллотом, когда ночью ѣздили смотрѣть пьяную Зоину мать, нас обогнавшем, и о поѣздах, про которые Аллот разсказал в своей залитературенной версіи

похищенія Зои, о разъѣздѣ, о рельсах... И через нѣсколько минут нас усаживали в такси, передавая Заза тарелки из под ея пирогов и пирожных, прибавляя пакетики со сладостями...

— Мерси, мерси за ваш визит, я так была довольна вас повидать, надѣюсь до скораго, непремѣнно напишите, как доѣхали...

Промелькнули дома, улички, улица, мы оказались на дорогѣ. И как раз когда мы приближались к переѣзду через магистраль, про который разсказал секретарь, красный свѣт автоматической сигнализаціи зажегся и шлагбаум опустился. Откуда-то справа из-за низкорослых деревьев донесся грохот. Он расширился, разросся, заполнил собой все пространство, и с поражающей внезапностью в полѣ моего зрѣнія возник дѣйствительно удивительный поѣзд! Снаряд какой-то это был, а не поѣзд! Он, в прямом смыслѣ слова, не ѣхал, не катился, а мчался. Я только успѣл его оглянуть, только успѣл замѣтить, с какой силой и поспѣшностью бьются мотыли, как он уже был рядом, он уже проносился. Словно прижав уши, точно за кѣм-то гонясь, низкотрубный, длинный паровоз не то взвизгнул, не то крикнул и тотчас же за ним послушные вагоны слились в смазанную линію. Грохот спал так же внезапно как возник. Смазанную линію замѣнил уменьшающійся над рельсами контур задней стороны послѣдняго вагона. Красный свѣт сигнала потух, шлагбаум стал медленно подниматься, мы тронулись. Выбитый на мгновеніе из-под навалившихся на меня видѣній прошлаго, я посмотрѣл на Заза. Она сидѣла опустив голову и, как будто, ничего не замѣтила, ни поѣзда, ни сигнала, ни шлагбаума.

— Что с тобой? — спросил я только для того, чтобы что-нибудь сказать. Вернувшаяся было реальность, да и сама Заза, уже были мнѣ безразличны. Все-таки, когда, в отвѣт на мой вопрос, она молча повернула в мою сторону голову и я увидал, что она плачет, мнѣ стало тоскливо.

Я мог, конечно, попытаться ее утѣшить, мог бы произнести подходящія к обстоятельствам слова, — но какое это все теперь имѣло значеніе?

Когда, слѣдуя морскому берегу, мы подъѣзжали к городу, жаркій лѣтній вечер охватывал небо во всю его ширину и от готовившагося склониться солнца лились потоки золотых, чуть-чуть начинавших краснѣть лучей. Мнѣ казалось, что воздух дрожит, что пространство заполнено невидимыми частицами, пронизано волнообразными силовыми линіями. Я вспомнил о свѣтовых годах на югѣ и удивился тому, что под таким напором, при таком давленіи мысли заботы и ожиданія остаются земными, друг с другом связанными, одна из другой вытекающими. В городѣ нас сжала духота. Как только автомобиль остановился у подъѣзда, Заза выскочила, побѣжала к двери и быстро поднялась по лѣстницѣ. Она не подождала даже, чтобы я расплатился... Когда я, в свою очередь, проник в комнату, ея не было. Я позвал:

— Заза.

Из кухни до меня донесся какой-то звук и, войдя, я увидал, что стоя перед окном, она тихонько плачет. И снова, как то было возлѣ шлагбаума, я подумал, что надо ее утѣшить и сказал себѣ, что теперь это ни к чему, что это не имѣет никакого ни значенія, ни смысла. Как, в самом дѣлѣ, мог бы я избавить Заза от распространившейся на нее доли *моей* участи?

— Не надо, не плачь, все устроится, — пробормотал я все же, безучастно.

В отвѣт она жалко улыбнулась и стала развязывать пакеты. Вернувшись в низкую комнату я сѣл в кресло, чувствуя, что я уже раздавлен. То, что я уже дѣлал и что готовился еще сдѣлать, меня не устрашало. Я всего-на-всего подчинялся. Подчиняясь, я еще раз дышал смрадным воздухом предательства и ничего откладывать не мог. Не было ли это единственным выходом? И не к тому же ли я обращался смиренію, к которому, подчинившись чужой волѣ, обратился заступник всѣх предателей, презрительно вернувшій земное вознагражденіе и одиноко шагнувшій навстрѣчу вѣчной мукѣ. Я внутренне торопился. Но, как ему, мнѣ легче и проще было, в теченіе еще нѣскольких часов, пить из источника отсрочек. Чтобы собраться с силами, я оглядывал низкую комнату и отдыхал. Позже мы обмѣнялись с Заза нѣсколькими незначительными фразами и так как ни ей, ни мнѣ ѣсть не хотѣлось, то мы рѣшили, что никакого обѣда не будет. Она отлучилась, объяснив, что на завтра нѣт кофе, и что она знает лавочку, куда, с задняго хода, можно проникать даже по воскресеньям. Заболталась ли она там с хозяйкой, или ей было страшно и тоскливо дома? Так или иначе — она вернулась почти через час, прошла на кухню, что-то там еще убрала, поцѣловала меня, сказала что устала, попросила ее за это простить, раздѣлась и легла.

Я продолжал сидѣть в креслѣ. Я почти ничего не думал. О чем думать, если остается только подчиняться? Не думает ли за солдат их главнокомандующій? Когда совсѣм стемнѣло и Заза, казалось, уснула, я прошел на кухню. Там, на одной из полок, лежал мой чемодан и в нем, среди других предметов, была связка с ключами: и от моей столичной квартиры, и еще с тѣм ключом, мной к ней присоединенным, который прежде чѣм меня покинуть с презрѣніем бросила на домотканную скатерть Зоя. Осторожно, безшумно я снял этот чемодан с полки, вынул из него связку, сунул ее в карман и положил чемодан на мѣсто. Затѣм, на цыпочках, как вор, вошел в низкую комнату. На секунду, чтобы орьентироваться, я включил свѣт. Заза лежала отвернувшись к стѣнѣ. На смуглом плечѣ, прозрачной пѣной, желтѣло кружево. Черныя кудри раскинулись по подушкѣ. Больше ничего я замѣтить не успѣл. Я пересѣк комнату, нащупал ручку двери, медленно, беззвучно открыл дверь в переднюю, потом дверь на лѣстницу, спустился, вышел на улицу. На бульварѣ, по которому я шел к вокзалу, было много веселых гуляющих, кафе, рестораны, дансинги казались переполненными. В кассѣ, гдѣ я купил билет, мнѣ пояснили, что пер-

вый поѣзд в столицу отходит утром. Я вернулся тогда в большую гостиницу, в которой ночевал когда пріѣхал, взял номер, попросил меня разбудить. На то, чтобы раздѣться и лечь, энергіи моей не хватило и ночь я провел сидя в углу большого дивана.

41.

В купе я так задумался, что когда поѣзд подходил к столицѣ, асимметричные дома, мосты, изгороди, трубы, рекламы, вагоны, медленно подползавшая платформа, закопченный вокзал, толпа — возникли в моем полѣ зрѣнія с нѣкоторой неожиданностью. Я потянулся, не спѣша покинул поѣзд, вышел на площадь. Солнце стояло высоко, было душно, поливали мостовую, в кіосках пылали цвѣты, пестрѣли женскія платья, сверкали витрины. Оказавшись снова в городѣ, который я покинул почти год тому назад с выбитым из равновѣсія разумом, со стиснутым сердцем, я невольно поддался магической власти сравненій: в низкой комнатѣ с полукруглыми окнами, я старался обмануть то, что меня преслѣдовало, что мнѣ грозило; — тут, под жарким, синим небом, я спѣшил навстрѣчу заключенію, окончательному рѣшенію, послѣднему выводу. В четверть часа цирюльник привел меня в прежній вид: ни бороды, ни усов. Перемѣна показалась мнѣ чѣм-то вродѣ намека и смотрѣть на себя в зеркало было не то непріятно, не то стыдно: вчера еще я опасался быть узнанным, а сейчас заботился о том, чтобы на мой счет не могло возникнуть никакого сомнѣнія.

Я подозвал такси и дал адрес Леонарда Аллота.

В сущности, я был совершенно спокоен. Развѣ что отмѣтил нѣкоторый избыток рѣшимости? Если так, то был этот избыток очень кстати: Аллота могло не оказаться дома, он мог быть не один, он мог переѣхать в другую квартиру, замок мог быть замѣнен и данный мнѣ Зоей ключ не подойти. Наконец, Аллот мог за это время помереть. Но забѣгать вперед, хитрить, стараться обойти конкурента, проникать в тайны денежных и кредитных операцій нужно и полезно в зыбком мірѣ дѣловых людей. При соприкосновеніи с подлинной реальностью психологія, — да и манера мыслить, — мѣняются, а химерическія міросозерцанія, позволяющія разрѣшать вопросы выгоды и комфорта, кажутся похожими на заключенія недоумков и теряют всякій вѣс.

Аллот жил во втором этажѣ и можно было воспользоваться лифтом. Я предпочел подняться пѣшком, — мнѣ показалось, что лифт нарушит какой-то установившійся во мнѣ внутренній ритм, к которому я прислушивался. Ключ скользнул в скважину с такой легкостью, что будь он одушевленным предметом, его можно было бы заподозрѣть в сообщничествѣ. Замок не издал ни малѣйшаго звука, дверь распахнулась безшумно, все было готово, все меня ждало.

В довольно большой передней было двѣ двери. В одну из них, — открытую, — был виден коридор. Вторая была заперта. Я тотчас же,

с совершенной внутренней увѣренностью, опредѣлил, что эта вторая дверь ведет в комнату Аллота. Но надо было установить — один ли я? Помедлив минуту, ничего не услыхав, я осторожно пошел по коридору. В концѣ его была кухня и на столѣ я замѣтил немного посуды и остатки ѣды. Я заключил, что завтрак кончен и что в квартирѣ нѣт никого, кто мог бы убрать. Я вернулся тогда в коридор, в который выходило двѣ или три двери, направо и налѣво. Открыв одну из них я увидал большую комнату, в которой стояла широкая кровать, зеркальный шкаф, кресла, стол. Но самым главным в этой комнатѣ были многочисленные, развѣшанные по стѣнам полотна, акварели, гуаши, рисунки, гравюры. Без всякаго сомнѣнія это была комната Зои. В воздухѣ стоял еле уловимый запах, тот самый, который я почувствовал впервые, когда она обняла меня в аллеѣ парка. Я шагнул, вошел, закрыл глаза и глубоко вздохнул, соединяясь этим вздохомъ с застывшими тѣнями прошлаго, с призраками снов, с неподвижной печалью: радости тут никогда никакой жить не могло.

Я вернулся в переднюю. Все теперь зависѣло от того, один или не один Аллот в той комнатѣ, которую я, подчиняясь инстинкту, считал за его комнату. К этому надо было присоединить полную неизвѣстность касательно его состоянія: ходит он или продолжает лежать? Но подумал я о том, как все может сложиться, очень вскользь, так как каждая из возможностей, так или иначе, была мнѣ предназначена, не могла быть не моей возможностью. С улицы доносились какіе-то шумы, но общаго впечатлѣнія тишины они не нарушали. Вѣрнѣй, совершенно поглощенный мыслью о том, как поступить, чтобы сразу приблизиться к цѣли, я им не удѣлял никакого вниманія. Вродѣ шопота это было, или наговора. Почти тотчас же, я опредѣлил, что мой внутренній ритм нарушен и что я нахожусь в таком же, приблизительно, состояніи, как когда покупал журнал, хотя все-таки нѣкоторое сомнѣніе во мнѣ еще жило, так что я успѣл себя спросить, не лучше ли, не проще ли вернуться к Заза, в низкую комнату, или рѣшиться на какую-нибудь экзотическую авантюру?

Потом я распахнул дверь.

Прямо против нея было большое, — слишком большое, показалось мнѣ, — окно, сквозь которое была видна ярко освѣщенная солнцем бѣлая стѣна дома, расположеннаго по ту сторону улицы. Стѣна эта была страшной. Точно она, отразив их, направила на меня всѣ лучи, какіе только могут быть в природѣ. Так это было ярко, что показалось мнѣ похожим на взрыв, на грохот. Но грохот, — если только я дѣйствительно слышал грохот, — исходил из моего сердца. Оглушенный, выбитый на секунду из измѣреній дѣйствительности, я увидал между этим окном и мной длинный стол, с разложенными на нем бумагами, папками, книгами, брошюрками, газетами... По лѣвую руку, вдоль стѣны, была кровать. Слегка ослѣпившій свѣт не позволил мнѣ сразу разсмотрѣть изголовье ея, которое, обращенное к простѣнку у окна, было в тѣни. Но едва глаза мои привыкли, я различил подушки,

и на них лицо, и направленный на меня неподвижный, беззрачковый взгляд. Потом выступили обтянутые кожей виски и сложенныя в ящеричную улыбку губы, под ними длинная, худая шея, обезображенная выдающимся кадыком. На одѣялѣ, безпомощно и безсильно, лежали двѣ пожелтѣвших, костлявых руки.

В складкѣ рта и в глазах, в еле опредѣлимом движеніи головы, мелькнуло что-то похожее на вопрос. Но было это совершенно мимолетно: не только Аллот меня узнал, но очевидно счел мое появленіе за вполнѣ естественное. Музыкальный голос, который я услыхал, не замедлил это подтвердить.

— Я знал, что вы вернетесь, Реверендиссимус Доминус, — сказал он, — но мысленно пріурочивал ваше возвращеніе к болѣе отдаленному будущему. Вы слегка нарушили мой расчет.

И пока я, ошарашенный, ошеломленный, искал, и не находил того душевнаго движенія, которое позволило бы мнѣ приспособиться к мной же вызванным обстоятельствам и опредѣлить с точностью мѣсто, которое я в них занял, — и молчал, Аллот прибавил:

— Но так как мой расчет был весь расположен в планѣ мысленном, это не имѣет большого значенія.

Какое, дѣйствительно, это могло имѣть значеніе? Календари не считаются с тѣм, что время может быть больше или меньше насыщено, а вѣдь именно от этой насыщенности зависит сущность сроков. День может быть длиннѣй десятилѣтія и минута суток. К тому же Аллот был в явно плачевном состояніи. От него ничего не оставалось. Может быть он просто умирал. Слова, которыя он мог произнести, и мысли, которыя мог высказать, не сочетались с земной реальностью, были символичны, чуть-что не посмертны. Я их слушал с нѣкоторой грустью, немного как слушают шелест листьев на кладбищах, или пѣсню вѣтра в трубѣ, осенью, в ненастье.

— Вы молчите? — спросил он. — Не будь я скептиком, я подумал бы, что вы привидѣніе.

Не оборачиваясь, я закрыл за собой дверь и прислонился к ней.

— Я очень болен, я очень ослаб, — прошептал Аллот, — малѣйшее усиліе меня утомляет. Мнѣ даже говорить трудно.

Он ждал отвѣта. Но я молчал.

— Знаете, Доминус, почему у меня ничего не вышло? — спросил он.

По комнатѣ пробѣжал луч. Повидимому, гдѣ-то открыли окно и блеснул отблеск. Выведенный этим из оцѣпенѣнія я шагнул к столу. На первой папкѣ, которую я увидал, было написано большими буквами: "Реверендиссимус Доминус". Я тронул ее пальцем.

— Да, — произнес Аллот, — это ваша папка.

И тотчас же я ее отложил. Под ней была другая: "Ермолай Шастору".

— Нѣт, — услыхал я.

Повернувшись в его сторону, я поймал на себѣ тот самый взгляд, который впервые почувствовал во время завтрака, когда такой лил дождь, и который угадал во время другого завтрака, с Заза, в окрестностях приморскаго города, который вообще всегда чувствовал. Степень напора его была неодинаковой, но самый напор не прерывался ни на мгновеніе, ни в зачарованном городѣ, ни в конторѣ фабрики, ни в спальнѣ, ни у кроваток моих дѣвочек, ни в низкой комнатѣ с полукруглыми окнами, ни во время прогулки с Зоей... Я внутренне себя спросил: в какія же минуты он был всего тягостнѣй, всего удручающѣй? И, без колебанія, отвѣтил: в минуты объятій Мари. И прозвучал тогда в ушах моих, с ясностью слуховой галлюцинаціи, голос Зои: "Он мнѣ все сказал", и дважды ей повторенное, в отвѣт на мою настойчивую просьбу, восклицаніе: "оставьте меня, я не могу, я больше не могу!", и жалобы Мари, когда я ее назвал, в такси, Анжель. Не для того ли я теперь был тут, чтобы заставить Аллота во всем признаться и свести с ним послѣдній счет? Но вмѣсто того, чтобы нанести ему сокрушительный словесный удар, оглушить и прикончить. я молчал. Я не мог выдавить из себя ни одного слова и стоял неподвижно.

— Вы молчите, Доминус, — донеслось до меня, — вам, кажется, безразлично, что у меня ничего не вышло? Может быть это и вправду не имѣет никакого значенія? Припомните все же, что я вам сказал послѣ коктейля по поводу "Тысячнаго заказа"?

Я шагнул тогда в направленіи его кровати и крѣпко сжал кулаки. Видимо, в моем обликѣ была какая-то рѣшимость, так как в глазах Аллота мелькнул страх.

— Я вам тогда сказал, — промолвил он все же, — что пускаюсь в поиски моральных и религіозных сюжетов. Чтобы полностью самому войти в такой сюжет я женился на Зоѣ церковным браком. И я молился, Доминус! Как я молился, если бы вы знали! До кроваваго, кажется мнѣ, пота! И во время Таинства, — стараясь вникнуть в высшее значеніе всякаго слова, — и послѣ него. Смиреніем старался проникнуться, благоговѣніем, цѣломудріем, терпѣніем, любовью... В смысл каждаго из чудесных слов, которыя соединяют брачующихся перед лицом Всевышняго, стремился проникнуть, все хотѣл до самаго конца понять, ко всему присоединиться, быть таким, каким надлежит быть на исповѣди. И ничего у меня не вышло. Ни-че-го!

Он закрыл глаза и дыханіе его участилось. Тирада явно истощила небольшіе запасы его сил. Кромѣ того, он навѣрно ждал, что я что-нибудь скажу.

Но я молчал.

— Конечно, — прошептал он, — я говѣл перед бракосочетаніем. И мнѣ кажется, что оттого ничего не вышло, что покаявшись и получив отпущеніе грѣхов, можно все начинать снова, так как потом можно опять покаяться и опять получить отпущеніе. И так всю жизнь. Это

или слабость, или ошибка, или хитрость. Но сюжет! Сюжет! Сюжет-то какой!

Я приблизился, я был почти у его кровати.

— Я очень, я неимовѣрно устал, — проговорил он.

Придвинув стоявшій в ногах стул к изголовью, я сѣл.

— Вы все молчите, — прошептал Аллот, минутой позже. — Молчать лучше, вы правы. Я не могу ходить, я лежу почти неподвижно, и молча пишу, вот уже сколько времени. Вѣрнѣй писал, так как теперь и писать мнѣ становится непосильно.

Дыханіе его сдѣлалось таким коротким, что я спросил себя: "Уж не помирает ли он?". Могло вѣдь быть, что увидав меня он испугался, и, в его состояніи, волненіе могло оказаться послѣдним толчком. Глядя на его кадык, я думал: "Я только ему помогу. Я только чуть-чуть ускорю".

— Я занялся и вашим сюжетом, Доминус, — проговорил он, указывая глазами на папки. — Но почему вы молчите? Можно подумать, что вы, в самом дѣлѣ, привидѣніе.

Он точно бы кашлянул. Но может быть это было попыткой хихикнуть? До сих пор не знаю.

— Сидѣлка сегодня опаздывает, — сказал он вслѣд за тѣм, с неожиданной ясностью. — Обычно, в этот час, она уже тут. Может быть вы пришли ее замѣнить, Доминус?

Я положил тогда на его грудь, — худоба которой меня поразила, — ладонь, оттопырив большой палец и стал ее продвигать к кадыку. В беззрачковых глазах мелькнул ужас. Аллот открыл ящеричный рот, — может быть для того, чтобы закричать, — но никакого звука не послѣдовало. Я уже готов был его спросить: "Правда ли все то, что мнѣ про вас разсказала Зоя? И все ли она мнѣ разсказала?". Но я боялся услыхать звук своего голоса. Молчаніе, очевидно, больше соотвѣтствовало роли привидѣнія, которую я, волей не волей, играл. Я перестал продвигать руку к кадыку. Не в том было дѣло, чтобы выдавить из ненавистнаго тѣла ненавистную душу. Убійство из мести грубо, глупо и кратко. Важно было заставить Аллота почувствовать в шеѣ то, что я чувствовалъ в готовых сжать ее пальцах. Это короткое замыканіе, показалось мнѣ, подводило итог всѣм нашим отношеніям. Прижав его к самому краю жизни, я оставлял его в живых, чтобы он потом мог все обдумать, все понять и к воспоминанію этому возвращаться. Возможно, конечно, что он в самом дѣлѣ принял меня за привидѣніе и отнес все за счет галлюцинаціи. Но не все ли это равно?

Я молча встал и длительно посмотрѣл в его беззрачковые глаза, пытаясь понять, что они выражают. Я, кромѣ того, ждал, что он что-нибудь скажет. Но Аллот не сказал больше ничего и прочесть того, что было в его глазах, я не смог. На лбу его выступили капли пота.

Я повернулся, взял со стола нѣсколько папок и направился к двери.

42.

Но выйдя в прихожую, я как бы споткнулся. Куда направиться, в каком направленіи сдѣлать первый шаг? Вернуться к Мари было попрежнему, если не еще больше, невообразимым. Уѣхать к Заза? Зачѣм? Чтобы снова начать ходить от стѣны к стѣнѣ в низкой комнатѣ? Пока я, застыв в неподвижности, размышлял, за дверью послышались шаги, в замкѣ заскрипѣл ключ, и я успѣл подумать, что это, вѣроятно, сидѣлка. Я ощутил нѣкоторое вопросительное безпокойство: что она подумает обнаружив в квартирѣ совершенно ей незнакомаго человѣка с папками в руках? Но длилось это недоумѣніе недолго, так как дверь открылась и вошла Зоя. Увидав меня она вздрогнула и застыла в неподвижности, секунд, я думаю, на пятнадцать-двадцать.

— Вы так долго не шли, — прошептала она наконец, — что я перестала вас ждать.

Ни одно из приходивших мнѣ на ум слов не могло ничему соотвѣтствовать и еще раз молчаніе открыло мнѣ свои неистощимыя сокровища. По отношенію к словам оно то же, что музыка по отношенію к тишинѣ, совершенства которой она передать не в силах.

— Я все такая же, — услыхал я тогда. — Ничего не перемѣнилось.

И правда: она была так же красива, так же хорошо сложена, с таким же вкусом одѣта. На ней было легкое, пестрое платье, бѣлокурые локоны падали на ея плечи прикрывая уши и часть щек, на которых, — то ли от волненія, то ли от жары, — пылал яркій румянец. В глазах мерцало сложное сочетаніе удивленія и рѣшимости, может быть было в них нѣчто властное. Я хотѣл было сказать: "я ухожу", обдумывая, надо ли к этому присовокупить, что я видѣл Аллота и больше видѣть его не хочу. Но до того, как я рѣшился, Зоя произнесла:

— Аллот очень болен. Кромѣ того, что сломанная кость не срастается, у него разстроилась сердечная дѣятельность. И что-то в желудкѣ, опухоль.

— Рак? — спросил я.

— Нѣт. Не рак. Но нужна операція, которой нельзя сдѣлать из-за его слабости.

— Он скоро умрет, — сказал я.

— Идите за мной, — промолвила Зоя и провела меня по коридору в ту спальню, гдѣ я уже побывал. Закрыв дверь она, прежде всего, подошла к зеркалу и провела рукой по волосам и по щекам.

— Сегодня и жарко и душно, — замѣтила она, оборачиваясь. — Вы задолго до меня пришли?

— С полчаса.

— И видѣли Аллота? Сидѣлка с ним?

— Нѣт. Он один. Сидѣлка опаздывает.

— Вы с ним говорили?

— Я не сказал совсѣм ничего, а он почти ничего.

— Подождите меня здѣсь, я сейчас вернусь, сядьте в кресло, не уходите, — произнесла Зоя, скороговоркой, и стремительно вышла.

Я принялся разсматривать ея комнату, испытывая одновременно и удивленіе, и нѣкоторое волненіе. Больше всего меня привлекли развѣшанные по стѣнам полотна и рисунки. Их было много и сюжеты были разнообразны. Но на всѣх был очевиден отпечаток ея характера: твердость и высшая замкнутость. Если в Зоѣ кипѣли страсти, то были онѣ глубоко запрятаны в почти недосягаемыя нѣдра ея души.

Вернувшись, она пояснила, что сидѣлка пришла почти тотчас же послѣ нея.

— Задержись мы еще на минуту, она нас застала бы. У нея ключ, как у вас. Скажите теперь, как вы появились, откуда? Вы видѣли Мари?

— Нѣт.

— Прямо ко мнѣ, стало быть?

— Да.

Она явно старалась проникнуть в сущность моих побужденій и, повидимому, в головѣ ея шевелились разнообразныя догадки. Но единственная, которая озарила бы ея лицо радостью, казалась ей, вѣроятно, неправдоподобной.

— Нам надо обо многом поговорить, — сказала она, — но так как сидѣлка опоздала и ничего не принесла, я сначала схожу за провизіей. Не хочу ее посылать, мнѣ пришлось бы остаться с ним...

— Скорѣй, скорѣй, мадам Аллот, — раздалось за дверью, ручку которой теребила нервная рука. — Скорѣй, скорѣй, ему худо, он задыхается.

Зоя вышла и снова я стал разсматривать ея комнату, ея рисунки, ея картины. Одна из них показалась мнѣ особенной. Это было искаженное не то болью, не то страхом, не то отвращеніем женское, почти дѣтское, личико, двѣ скрюченных руки, двѣ вытянутых, с напряженными сухожильями, ступни. Вмѣсто тѣла было красно-бурое пятно. Все вмѣстѣ лежало на свѣтло-зеленой, усѣянной красными маками и бѣлыми маргаритками лужайкѣ. С двух сторон очень синее небо было обрамлено нѣжной листвой березок. Противупоставленіе свѣта и ясности неуклюжести, ненужности, оскорбительности бураго пятна, сухожилья ног, почти вывернутые пальцы, складка губ и помутнѣвшіе глаза — все это производило до-нельзя угнетающее впечатлѣніе. Я отвернулся чуть ли не с тоской.

Прошло четверть часа, может быть больше. В коридорѣ раздались легкіе и поспѣшные шаги. Вошла Зоя.

— Ему лучше, — сказала она, и нельзя было угадать: с облегченіем или с сокрушеніем. — Сердце вдруг стало сдавать. Сидѣлка перепугалась, но мы успѣли сдѣлать вспрыскиваніе.

Потом, приблизившись ко мнѣ настолько, что я почувствовал ея тепло, спросила:

— Вы останетесь?
— Да.
— Навѣрно?
— Да.
— Я ему ничего про вас не сказала. Он слишком слаб. Теперь я бѣгу за покупками, мы позавтракаем здѣсь. Его накормит сидѣлка, если только его можно будет кормить. Вы не уйдете? Вы меня дождетесь?
— Дождусь.
Посмотрѣвшись в зеркало, она прибавила:
— Я переодѣнусь. Я надѣну другое платье.
Сняв с вѣшалки три платья: голубое, пестрое и темно-зеленое с кружевными вставками, она освѣдомилась:
— Какое вам нравится? Зеленое мнѣ идет больше всего, но боюсь, что в нем мнѣ будет жарко.
— Вам идет и то, что на вас сейчас.
— Но я все-таки переодѣнусь, — рѣшила она, и вышла. Когда через двѣ минуты она вернулась, я не мог не признать, что и зеленый цвѣт, и кружевной воротник, и широкій вырѣз шли ей до чрезвычайности.
Спросив еще раз, дождусь ли я ее, она взяла сумочку и вышла. Я слышал как шаги ея удалились, затихли и снова приблизились. Вслѣд за тѣм щелкнул замок.
— Ах, вот что, — пробормотал я, с досадой.
Все же я находил ей и оправданія, — вѣрнѣй не хотѣл ее осуждать. С нѣжных, дѣтских лѣт ее стиснули жестокость и грубость. И о чем она узнала позже? Не оказалось ли все мраком и болью? Не смогли, однако, вытравить из нея ни мрак, ни боль, любви к краскам и чувства линій. Возможно, что это было ея единственной опорой. И тут вдруг в ея кругозорѣ оказался я, живой, но почти вычеркнутый, почти безнадежно отданный прошлому. Ея опасенія и ея наивная предосторожность находили объясненіе. Как дѣти прячут в укромныя мѣста, в какое-нибудь дупло или щель в стѣнѣ свои сокровища: почему-то до нѣжности понравившуюся фарфоровую чашечку, или зайчика с аметистовой бусинкой в спинѣ, или необычайную открытку, гдѣ в окнах замка отражается вечерній свѣт, или найденную в автобусѣ брошку с чьими-то таинственными иниціалами, — прячут, чтобы избѣжать всякаго досмотра, имѣть их в исключительной, тайной собственности, как талисманы, как знаки посланные из чудесной страны, — так теперь Зоя, душа которой осталась, в извѣстной мѣрѣ, душой ребенка, заперла меня в своей комнатѣ.
Чтобы я не ушел. Чтобы я не потерялся. Чтобы никто мной не завладѣл.
Я взял тогда одну из папок Аллота. Мнѣ попалось описаніе моей свадьбы и, признаюсь, чтеніе было мнѣ очень тягостно. Больше всего меня покоробило то, чему теперь находилось объясненіе: возведенные

к небу глаза Аллота! Он молился! И только теперь, читая его строчки, я узнавал, что он тайно присутствовал на моей свадьбѣ точно так же, как позже я тайно же присутствовал на его. Кому понадобилось скрестить наши пути? — спрашивал я себя. Давленіе, вліяніе, род права, которые он себѣ присвоил, выходили за предѣлы того, что разрѣшает простая безсовѣстная хитрость. И я ничего не нашел, что этому противупоставить кромѣ бѣгства. А позже, соединившись с женщиной, которая меня полюбила и которая на все для меня была готова, я навалил себѣ на совѣсть еще одну подлость. Мои естественныя свойства — хладнокровіе, спокойствіе, разсчетливость, работоспособность, проницательность, — оказались безполезными, ни в чем мнѣ не помогли. Даже тут, с рукописью Аллота в рукѣ, я испытывал что-то похожее на покорность его волѣ.

Все же я приближался к заключенію, я даже его начинал, безсознательно, подготавливать.

"Моя падчерица выбрала правду и надѣла свѣтло-сѣрый костюм", — читал я, — "...значит она или раньше во всем созналась, или вот теперь сознается... не смогла она, стало-быть, пойти на соглашеніе с совѣстью и вся цѣликом, такою какая она есть и душой и тѣлом, стала перед Престолом... молодец моя падчерица, повторял я себѣ".

Ну как, ну как посмѣл он это написать? Циник, насильник, пакостник... как мог он выводить эти строки? И как посмѣл итти к исповѣди и к Причастію и теперь вот еще говорить что у него "ничего не вышло" потому, что послѣ исповѣди можно все начинать заново, и снова исповѣдаться, и снова начинать. Цѣна его практической литературы!

И хуже всего, страшнѣй всего было то, что он меня в свою практическую литературу уже ввел, что я был на кончикѣ его пера, что даже "теоретическое убійство", которое меня только что удовлетворило, точно бы входило в им предусмотренную схему. И что эпилог, приближеніе котораго я чувствовал, был эпилогом его темы, его сюжета...

43.

Щелкнул замок, дверь открылась.

— Что с вами? Что-нибудь случилось? — спросила Зоя, с порога. — Или это оттого, что я вас заперла, у вас такой вид?

— Нѣт.

— Отчего же?

Сказать ей в чем дѣло мнѣ показалось невозможным, и я промолчал. Но так как, раскладывая покупки, она настаивала, то я пробурчал:

— Видите эти папки? Там все написано.

— Папки? Вы их взяли со стола? Я никогда в них не заглядывала. Но знаю, что он иногда писал подолгу, и что это его утомляло.

— И вам никогда не хотѣлось узнать, что он пишет?

— Иногда хотѣлось. Но я боялась. Он меня разспрашивал. Он мнѣ даже давал порученія.

— Порученія?

Она взяла папки, и, перебрав их, произнесла:

— Да. Для этой. В ней про вас.

Я прочел надпись, сдѣланную большими буквами: "Реверендиссимус Доминус". Она же, с испугом, прибавила:

— Эта папка меня притягивала. Но мнѣ казалось, что если я ее прочту, то во мнѣ произойдет перемѣна. Я никакой перемѣны не хотѣла.

Потом, с порывистостью, она выдвинула на середину комнаты один из столиков, сбросила на кровать кипы лежавших на нем рисунков и набросков, постелила бѣлую скатертку, пошла на кухню за приборами. Я развернул пакеты и был непріятно поражен обиліем всяких дорогих угощеній. Когда мы сѣли за стол, брови Зои были сдвинуты и она казалась все болѣе и болѣе нервной. Внезапно вскочив, она снова выбѣжала на кухню и принесла вина. Все это молча. И только выпив первый стакан, залпом, вдруг рѣшившись, — как бросаясь головой в воду, — проговорила:

— Нельзя, все-таки, так долго сердиться за то, что я вас заперла. Попробуйте понять.

— Я понял, я все понял. Не объясняйте. Не думайте, что я сержусь. Я не в своей тарелкѣ, но не потому, что вы меня заперли. Я потому...

— Что вы потому? Вы не кончили.

— Молчаніе лучше всего.

— Но я все же хочу знать, — сказала Зоя с нѣкоторым удареніем на каждом словѣ, — почему, вернувшись, я не знаю откуда, вы пришли сюда, а не домой? Ко мнѣ, а не к Мари?

— Домой можно вернуться только когда есть дом.

— А сюда?

— Сюда я не вернулся. Я тут в первый раз.

— Но почему же все-таки сюда?

— Из-за вас. Да, да, из-за вас. Не смотрите на меня такими глазами. Из-за вас. Помните, что вы сдѣлали рисунок для моего шоколада с его глазами и улыбкой? Который я забраковал? Нѣсколько пакетов с этим рисунком все-таки успѣли разойтись. Один такой пакет, залежавшійся, попался мнѣ в деревнѣ, в лавочкѣ. Он меня там ждал, плитка вот такая, в прозрачном футлярѣ и с вашим рисунком. (Я усмѣхнулся, мнѣ точно стыдно на мгновеніе стало). Это раз. А второе: не вы ли мнѣ все разсказали про Мари? И о нем? Я и пришел сюда, чтобы с ним разсчитаться.

— Вы хотѣли его убить?

— Хотѣл.

В наступившей за этим тишинѣ прозвучали в коридорѣ шаги, хлопнула дверь, раздался шум посуды, и снова шаги.

— Это сидѣлка прошла на кухню, — проговорила Зоя, совсѣм мрачно.

Я смотрѣл на висѣвшее передо мной полотно: зеленая лужайка с цвѣтами и бурое пятно. Прослѣдив мой взгляд, Зоя сказала:

— Это вас не касается.

Когда она, вслѣд за этим, налила себѣ вина и выпила его большими глотками, я невольно уловил общее с движеніями ея матери, напивавшейся в кафе, у желѣзнодорожной будки. Мнѣ стало совсѣм не по себѣ. Не слишком ли много скрещивалось в этой комнатѣ линій, не слишком ли нагло слетались сюда тѣни прошлаго? Не готовы ли были снова прозвучать застывшія в воздухѣ слова и жалобы?

— За это, — сказала Зоя хрипло, — вы убить не захотѣли бы.

Я отвел глаза от бураго пятна, от скрюченных пальцев.

И так как снова спрятался за молчаніем, она добавила:

— А почему вы его не убили?

— Он понял, что я о нем знаю достаточно, чтобы его задушить и что я могу его задушить. Я оставил его в живых, чтобы он об этом думал.

— Но всего вы не знаете.

— Всего не знаю?

— Да. Вы не знаете, например, что послѣ вашего исчезновенія он меня посылал к Мари.

— Зачѣм?

— Чтобы посмотрѣть, как там все обстоит, и ему разсказать. Он говорил, что если бы не лежал в гипсѣ, то поѣхал бы сам, так-как ей могут быть нужны его совѣты и его дѣловая помощь. Вашей-то вѣдь больше не было? И он опасался, что без совѣтника ее могут обойти и с фабрикой, и с деньгами, что надо защитить от мошенников и самое Мари, и дѣвочек. И их воспитать. Он еще говорил, что ему представляется случай загладить немного прошлое. И досадовал, что не может двигаться.

— И какая была Мари?

— В первый раз, через недѣлю послѣ вашего исчезновенія, она была... как вам сказать? Она была своей тѣнью. Мнѣ стало страшно... вот.

Вскочив, Зоя порылась в бумагах и протянула мнѣ набросок.

— Вот, вот, — повторила она.

Я увидал тогда Мари, какою ее могла видѣть Зоя, и отвернулся.

— Спрячьте. И продолжайте.

— Продолжать? Хорошо. Я никогда до того Мари не видѣла. Она меня поразила. Потом меня поразила Доротея, но только когда я пришла в третій раз.

— Говорите про Мари.

— Когда я сказала, что я жена Аллота, она вся вытянулась, ее точно кто-то стал растягивать. От глаз до ступней, в одну струнку вытянулась. Точь-в-точь как я на наброскѣ зарисовала, на который вы не хотите смотрѣть.

— И что она сказала?

— Почти ничего не сказала. Сказала, что ничего сказать не может, что не понимает, что ждет.

— И больше ничего?

— Ничего. Она на меня смотрѣла.

— Но все-таки?

— Знаете! — воскликнула Зоя, внезапно вспыхнув, — что вы меня о Мари разспрашиваете почти так же как разспрашивал Аллот, когда я вернулась?!

— Он подробно разспрашивал?

— Да. И записывал. И потом вкладывал в эту папку.

Зоя указала на ту, гдѣ стояло: "Реверендиссимус Доминус".

— Когда я пришла во второй раз, Мари была внѣшне спокойной, но сразу можно было разсмотрѣть, каких это ей стоит усилій. Она предложила мнѣ чаю и позвала вашу старшую дочку. Я ее взяла на колѣни.

— Мари-Женевьев?

— Да. Мари-Женевьев. Она похожа на вас, у нея ваши глаза. Когда я заговорила об Аллотѣ, сказала, что он лежит в гипсѣ, безпокоится насчет фабрики и просит ничего не рѣшать не посовѣтовавшись, Мари меня оборвала почти сразу.

— Попросила об Аллотѣ ничего не говорить?

— Да. Она сказала, что у нея есть к кому обратиться за совѣтом, и что Аллота она видѣть не хочет, ни за что не хочет.

— И кто же ея совѣтник?

— Она не захотѣла его тогда назвать. Только когда я в третій раз пришла — назвала.

Замолкнув на минуту Зоя добавила, с рѣзкостью:

— Вы меня мучаете вашим допросом. Больше мучаете, чѣм мучал Аллот, когда разспрашивал. Честное слово. Я у вашей Мари ничего не выпытывала. И ничего ей не сказала из того, что о ней знаю. Должно быть я добрѣй вас. Или, может быть, несчастнѣй. И зачѣм вам всѣ подробности? Ему онѣ нужны были чтобы писать. А вам?

Она налила полный стакан вина и, не отрываясь, выпила.

— Кто ея совѣтник? — спросил я снова.

— Его фамилія Романеску.

И так как я не уловил тотчас же кто Романеску, Зоя пояснила:

— Он бывшій банкир. Теперь он часовщик. Я его застала у Мари когда пришла к ней в третій раз. Он что-то подвинчивал в больших часах. Потом мы пили чай. Нерс привела обѣих ваших дочерей. Я опять замѣтила, что старшая похожа на вас. А Доротея на мать.

Сказав это, Зоя долго, упорно, настойчиво стала смотрѣть мнѣ в глаза, так долго, так настойчиво, что мнѣ стало не по себѣ. При этом губы ея шевелились. Зная, что это значит, и опасаясь услыхать ненужныя слова, я спросил почти грубо:

— Что было потом?

— Потом было то, что мы с Романеску вмѣстѣ вышли и разговаривали.

— О чем?

— О разных вещах. Неинтересных. Он сказал, что Мари попала в трудное положеніе в особенности в смыслѣ фабрики. Он пришел в первый раз осматривать часы на другой день послѣ вашего исчезновенія, ничего о нем не зная. Через нѣсколько дней он снова пришел, чтобы еще что-то починить, так как в первый раз у него не было с собой каких-то инструментов. И запомнил, что Мари, глядя как он работает, сказала ему, что в этих часах должно быть накопилось много минут с тѣх пор, как онѣ остановились. Он ничего не понял, но вот запомнил. Может оттого и запомнил, что не понял? Еще ему показалось, что у Мари есть какая-то суевѣрная надежда, что когда часы пойдут, вы вернетесь. Он ей что-то, сколько я поняла, разсказал, что времена бывают разныя, и что вот он сам раньше был банкиром, а теперь стал часовых дѣл мастером, так как ему пришлось бѣжать и скрываться. Она ему показала письмо директора фабрики, на которое не знала как отвѣтить. Он сейчас же все понял и написал черновик, сказав, что ей надо быть очень осмотрительной, что мало ли что бывает? И обѣщал всегда ей помогать в перепискѣ. У него дѣловой опыт. В общем, предложил услуги.

— Это все?

— Не совсѣм. Он еще меня спросил, знаю ли я вас, если знаю, то что думаю насчет вашего исчезновенія?

— И что же вы отвѣтили?

— Что не знаю, почему вы пропали.

Тут силы ее покинули. Она вскочила, сѣла в кресло, закрыла лицо руками и, плача, проговорила:

— И это не все, и это не все, не все... но только зачѣм и кому это нужно? Зачѣм вы мнѣ насилуете душу?

Я налил стакан вина, подошел к ней, оторвал одну из ея рук от глаз, подставил стакан к губам и с любопытством смотрѣл, как она его, — большими и жадными глотками, — выпила. Я вѣдь уже был сюжетом повѣсти обо мнѣ написанной и мнѣ все было можно!

— Вы еще туда ходили? — спросил я.

— Да. Но много позже.

— И что вы видѣли?

— Видѣла стол, на столѣ дѣловыя бумаги и телефон.

— Что?

— Вот то, что я говорю. И видѣла вашу жену, которая мнѣ сказала, что Романеску приходит по нѣсколько раз в недѣлю, чтобы

помочь ей разобраться в дѣлах, что он ея довѣренный.

— И что же сказал Аллот, когда об этом узнал?

— Что он все равно болен и не мог бы помочь вашей женѣ даже если бы она к нему обратилась. И что так лучше.

— А вы что?

— То-есть как я?

— Что вы все это время дѣлали?

Встав, Зоя подошла к зеркалу, слегка напудрилась, поправила волосы. Мнѣ было видно ея отраженіе. Я замѣтил, что вдруг глаза ея потемнѣли, что недобрая в них мелькнула искорка.

— К сожалѣнію я продолжала вас любить, — произнесла она.

Что мог я отвѣтить? Что, даже, мог я подумать?

— И работать, — прибавила Зоя. — Ателье шло хорошо. Сначала Аллот пригласил коммерческаго директора. Но я его выдавила и все взяла в свои руки.

— А!

— Это проще простого, — сказала Зоя. — Принимать заказчиков, провѣрять счета, телефонировать, сговариваться о встрѣчах. Слѣдить за тѣм, как работают другіе, и не позволять красть. Всякій может.

Она презрительно пожала плечами.

— Всякій, — продолжала она, — и как раз на-днях пришел заказ с вашей фабрики на пятьдесят столичных видов, чтобы вкладывать их в обертку плиток. Кто соберет всѣ пятьдесят видов, получит альбом чтоб их наклеить...

Послѣдовало еще одно, еще болѣе презрительное, пожатіе плечами. Но было оно так граціозно, что я не смог подавить улыбки.

Она прошла на кухню, сказав, что займется приготовленіем омлета с трюфелями. Я воспользовался ея отсутствіем, чтобы еще раз взглянуть на захваченныя мной из спальни Аллота бумаги. Опасаясь, однако, скораго возвращенія Зои, я лишь пробѣжал первый попавшійся мнѣ под руку лист. От этого соприкосновенія (повторяю: соприкосновенія) у меня что-то внутри потянулось. "Большія дѣловыя способности, — стояло там, — и внутри — трещина. Внутри неудовлетвореніе. Несомнѣнный, — но тайный, — цинизм. Тайный же эгоизм. Вѣроятно, все время подавляемая склонность к приключеніям и перемѣнам. Смѣсь скептицизма и мистической настроенности. Жена, сын, дочь (имена?). Оптовый склад импортированных консервов. Владѣлец часового магазина. Сколько лѣт? 10-15-20?". И, на отдѣльной бумажкѣ, крупно, красным карандашом, стояло: "Человѣк, пошедшій за молоком".

Я даже рукой по лбу провел, так мнѣ стало непріятно, так меня этот совсѣм коротенькій перечень поразил. Положив на мѣсто листок, я прощупал папку. Она была, в общем, довольно тоненькой, надолго чтенія хватить не могло. Но все-таки за время приготовленія омлета успѣть даже хотя бы начало, первую главу прочесть, было явно невозможно. И я принял рѣшеніе: подождать.

За дверью раздались шаги, вошла Зоя, со сковородкой в руках. Мы стали ѣсть, молча. Я знал, что мнѣ надо похвалить отлично приготовленное, — и спеціально для меня! — блюдо, но не похвалил. Я видѣл, что Зоя что-то хочет сказать, или задать мнѣ какой-то вопрос, и не рѣшается. Таким образом наше молчаніе было как бы обоюдоострым, и, в то же время, нас объединяющим.

И еще мнѣ тогда пришло в голову, что лучше дождаться, чтобы она сама рѣшилась нарушить молчаніе, ни на что ее не подталкивать, никак и ни в чем не помочь справиться с нерѣшительностью. Все-таки я не вполнѣ был увѣрен в том, что это только способ принудить ее взять на себя долю отвѣтственности. Могло вѣдь быть, что я молчал потому, что не знал, что болѣе угнетающе: неизвѣстность или освѣдомленность?

Так прошло нѣсколько минут.

— Думаете ли вы, — произнесла она, наконец, и в голосѣ ея звучали нотки почти ироническія, — думаете ли вы, что если б вы его задушили, нам стало бы легче?

И не дождавшись даже перваго звука моего отвѣта, прибавила:

— Если бы вы все знали, то вы его задушили бы.

— Что, наконец, все? — воскликнул я, с раздраженіем. — Вы не договариваете. Договорите, наконец!

Зоя молчала. В ней, как мнѣ показалось, шла внутренняя борьба, — она повидимому была готовой рѣшиться, но натыкалась на какое-то препятствіе.

— Я пойду узнать, что происходит, — сказала она, довольно глухо.

Встав, она повела плечами, поправила пряжку пояска, точно бы немного потянулась. Зоя была, в это мгновеніе, теоретическим сообщником моего теоретическаго убійства.

— Подождите меня.

— Хорошо. Подожду.

— Вы не спѣшите? Вы вѣдь не знаете, куда пойдете?

— Не знаю. И сейчас мнѣ удобно в этой комнатѣ.

— Сейчас? А потом?

— Потом будет видно.

Вернувшись через нѣсколько минут она сказала, что Аллот спит, что ей самой надо отлучиться, чтобы пойти в Ателье, гдѣ есть срочная работа, что она предварила сидѣлку насчет моего присутствія в квартирѣ.

— Это мнѣ пришлось сдѣлать, — пояснила она, — так как случайная встрѣча с ней в коридорѣ, или ея случайное появленіе здѣсь, ничего не устроили бы. Вы меня дождетесь?

— Я уже сказал, что подожду.

— Навѣрно?

— Я сказал.

В глазах ея было сомнѣніе, было недовѣріе, которых не замѣ-

тить я не мог. Но она не прибавила ни слова, навела наскоро порядок и, — как всегда не попрощавшись, — вышла. Я слышал ея шаги в коридорѣ. Когда они стихли я подошел к двери и мог убѣдиться, что на этот раз она не заперта.

44.

Не спѣша, — больше чѣм не спѣша: с нарочитой медленностью, надо бы сказать, — вернулся я к креслу, опустился в него, оглянул комнату. Я колебался, я попросту не знал, что мнѣ дѣлать, как мнѣ быть? На что рѣшиться? То, что мнѣ полу-подсказала Зоя, меня не устраивало ни в малѣйшей мѣрѣ. Ей могло быть нужным оказаться связанной со мной секретной связью — но мнѣ это было не к чему! Уйти? Но куда уйти? Оставался, конечно, еще один шаг, но, подумал я, срок мой еще не наступил. И представилось мнѣ тогда, что чтеніе Аллотовых рукописей, — которыя были тут, рядом, к которым не надо было итти, — самое простое из всего, что можно предпринять.

Я взял, стало-быть, папку с надписью "Реверендиссимус Доминус". Там были копія письма, отправленнаго мнѣ Аллотом, в котором он разсказал исторію стрѣлочника, Зои-дѣвочки, и описаніе моей свадьбы и разныя мелкія замѣтки, — по всей очевидности сдѣланныя для памяти, во время обдумыванія. На другой папкѣ стояло большими буквами: "Человѣк, пошедшій за молоком".

"Денис Далле, — мелькнули первыя строки, — едва выйдя из подъѣзда, попал под дождь и от этого его плохое настроеніе обратилось в род душевнаго бунта. "Если конец должен непремѣнно наступить, то пусть наступает скорѣе, — проскрежетал он, — и если он не придет извнѣ, то я приму мѣры к тому, чтобы найти его внутри". — Автомобили, отраженія свѣта на стеклах витрин, в лужах и в падавших каплях, еще какіе-то лучи и блестки, придавали улицѣ вид калейдоскопическій, отчего Денис обозлился еще больше. — "Что можно в этом находить хорошаго, кому это по душѣ?" — пробормотал он. В карманѣ его был конверт с только что полученным жалованіем и, ощупав его, он нашел, что очень тощ этот конверт. Он ясно себѣ представил своих двух дѣтей: Максима и Розу, которых любил, и жену Анну, которую тоже любил. Образ скромнаго домашняго уюта внес в его душу нѣкоторый мир. Все-таки вѣдь кое-чего он добился, кое-что устроил и усовершенствовал! Это было вознагражденіем за настойчивость, за твердость, за то, что он во всем всегда наводил порядок. Требовательный к другим, он был требовательным и к себѣ. В частности бюджет его был всегда в равновѣсіи. По привычкѣ он освѣжил в памяти рас-

предѣленіе расходов. Все, всегда, вплоть до подарков и развлеченій, было предусмотрено. И не было это ни педантизмом, ни мелочностью, неустранимой необходимостью это было, которой указанія здраваго смысла давали надлежащее оправданіе. На случай болѣзней, ремонта, еще каких-нибудь экстренных расходов у Дениса был небольшой резервный фонд. Из него, в тот вечер, он разсчитывал почерпнуть нѣкоторую сумму для того, чтобы пригласить часовых дѣл мастера для починки старинных часов, необыкновенно сложных, случайно ему доставшихся и которыми он дорожил."...

Отстранив рукопись, я долго смотрѣл в пространство, — не знаю, куда я смотрѣл. Я впал в своего рода созерцательную мечтательность. Быть привидѣніем не то же ли это самое, что быть дѣйствующим лицом повѣсти, романа, разсказа, стать сочлененіем кѣм-то измышленнаго сюжета? И можно ли, в этом побывав мірѣ, вернуться в наш, трехмѣрный, неущербленным? Так вот я — Реверендиссимус Доминус — стал в воображеніи Аллота Денисом Далле и начал в нем послѣдовательно занимать не поддающіяся моей волѣ положенія.

— Что захочет, то, со мной, сукин сын, и сдѣлает, — проскрежетал я. — Если ему понравится, то поразит слѣпотой, проказой, обратит в ящерицу, убьет. — А я останусь жить, чтобы видѣть, как вижу бурое пятно на зеленой лужайкѣ, — и видѣл Мари, растянутую пыткой, сходящую по тропинкѣ к лодкѣ, утром, когда кругом пѣли птицы. Я, как в царствѣ тѣней? Да может оно-то и есть настоящее? А ненастоящее то, из котораго я бѣжал: царство дѣловое, царство чеков, комфорта, обѣдов, расчета...

Я спросил себя: читать дальше, или не читать? Но что было мнѣ другого дѣлать на перекресткѣ невидимых линій и в пространствѣ неслышных звуков? Просить о скорѣйшем умопомѣшательствѣ?

"Чтобы успѣть зайти к часовщику Денис ускорил шаг, — побѣжали строчки. — Дождь продолжался, но Денис на него больше не досадовал. Войти в ярко освѣщенный часовой магазин было пріятно. — "Чѣм могу служить?" — вѣжливо спросил хозяин. Денис пояснил в чем дѣло. — "Как раз, сказал хозяин, — я закрываю лавку. Если вы ничего не имѣете против, мы могли бы пойти к вам сейчас. Вы недалеко живете? — Совсѣм рядом, наискосок через улицу", — произнес Денис. Секунду подумав, часовщик сказал: "Да, да. Теперь я вас узнаю. Я вас видѣл в прошлую субботу, вы с супругой и дѣтьми собирались за город, с мѣшками за плечами. Да, да, как же, как же. Деревенскій воздух необходим дѣтям". — Они вышли, часовщик опустил желѣзную штору и, впервые присмотрѣвшись с вниманіем к его лавкѣ, Денис прочел: Джіованни Джіованнини. Часовых дѣл мастер. Так как дождь продолжался, они поспѣшно перебѣжали через улицу и поднялись по лѣстницѣ до квартиры Дениса. В передней, как

каждый вечер, ждали Максим и Роза. Из кухни доносился шум посуды: Анна заканчивала приготовленіе обѣда. — "Вот часы", — сказал Денис, приглашая Джіованни в столовую. Тот любовно погладил красное дерево ящика, бронзу оправы, инкрустаціи и с нѣкоторой почтительностью произнес: — "В былыя времена, мастера не спѣшили, суеты еще не было. Это, дѣйствительно, работа!" — послѣ чего стал что-то разсматривать, разбирать, отвинчивать, провѣрять... — "Надо замѣнить ось, — сказал он, наконец, — и у меня есть приблизительно подходящая. Придется только обточить. Если позволите, я вернусь завтра?" — "Разумѣется", — согласился Денис, которому Джіованни был симпатичен. Он предложил ему выпить рюмку вермута. Вошла Анна, достала рюмки, налила вино. — "Когда часы снова пойдут, — замѣтил Денис, — все будет очень хорошо". — Точно в отвѣт на это Джіованни нажал на какую-то пружину и раздался очень музыкальный звон. Роза захлопала в ладоши. — "Этот звон успокаивает, — сказала Анна, — он точно помогает времени протекать без затрудненій". — И тотчас она испугалась, не наговорила ли глупостей? От смущенія она не смѣла поднять глаза. — "Звон часов, — замѣтил Джіованни, — предохраняет от разсѣянности и напоминает о точности". — "Вы философ?" — отнесся Денис. — "Нѣт, я часовщик". — Когда Джіованни ушел, семья сѣла обѣдать и все протекло как обычно, очень мирно, очень ласково. Потом Денис закурил трубку"...

"Я не курю", — подумал я злобно.

"и удѣлил нѣкоторое время чтенію вслух. Максим и Роза любили это чтеніе и всегда с нетерпѣніем его ждали. Далле вели размѣренную и уравновѣшенную жизнь, не слишком щедро оплаченных, но и не нуждающихся тружеников. Должность, которую занимал Денис, была прочной, дѣти ходили в школу, мать любила заниматься хозяйством: все было чисто, все блестѣло, завтрак и обѣд всегда были приготовлены во-время, обильны и вкусны. Около десяти Денис взглянул на часы, с удовлетвореніем подумал, что завтра они пойдут, направился в ванну и потом в спальню. Анна пришла туда через четверть часа. Наступил ровный, возстанавливающій силы, укрѣпляющій дух сон. Утром Денис ощутил обычную бодрость, — ему было пріятно сознавать, что он в полной мѣрѣ владѣет и мыслями, и чувствами. Он удѣлил долю вниманія нѣкоторым служебным вопросам: надо было привести в порядок талонную книгу. Анна пошла будить дѣтей, потом на кухню, готовить утренній завтрак. Денис мылся, брился, одѣвался так же спокойно и размѣренно, как всегда. Когда он вышел из ванны, по квартирѣ разносилось благоуханіе кофе. Слышались веселые голоса Розы и Максима, шутивших, смѣявшихся, довольных. Денис имѣл обыкновеніе, каждое утро, спускаться

за газетой, свѣжими булочками и молоком. Проходя мимо столовой, гдѣ Анна стелила скатерть, Денис с удовлетвореніем отмѣтил, что она бѣлоснѣжна и что все безупречно чисто, что все блестит. — "Я иду за молоком", — сказал он, открыл дверь и начал спускаться. Так как он жил во втором этажѣ, то продолжалось это недолго. Одна из послѣдних ступенек скрипнула, как всегда. Швейцариха вѣжливо поздоровалась и дала письмо. Это было напоминаніе страхового агента. Сунув его в карман, Денис замѣтил, что карман пуст и испытал тревогу: "Не потерял ли я конверт с жалованіем?" — спросил он себя, но тут же вспомнил, что вечером положил конверт и бумажник в ящик стола. За ночь небо прояснилось и утреннее солнце было ярко. Денис потянул воздух, оглянулся и перешел через улицу, к молочной, расположенной почти напротив. — "Здравствуйте, м-сье Далле", — привѣтствовала его молочница, питавшая к нему затаенную симпатію. — "Здравствуйте, мадам Като", — отвѣтил Денис, протягивая крынку. — "Полтора литра?" — "Полтора литра". Мадам Като стала наливать молоко. В противуположность тому, что бывало ежедневно, Денис конца наливанія не дождался. Выйдя из магазина и стоя у края тротуара, лицом к улицѣ, он подумал, что в жилетном карманѣ его должно быть достаточно мелочи, чтобы расплатиться, так что отсутствіе бумажника несущественно. Но за этой мыслью была другая, похожая на какое-то смутное воспоминаніе, точно уловить которое ему не удавалось, несмотря на всѣ усилія. Гораздо позже, думая об этих минутах, он мысленно возстанавливал малѣйшія их подробности, но так никогда и не опредѣлил, что именно побудило его покинуть магазин до того, как мадам Като кончила наливать молоко. В ходѣ его времени получился незаполненный промежуток, из котораго, — может быть, — до него донесся какой-то не то шум, не то голос. В общем это было похоже на то, что испытывают при сердечных перебоях: почему-то сердце останавливается и, в ожиданіи слѣдующаго удара, который может послѣдовать, а может и не послѣдовать, связь с временем оказывается под вопросом, и воля очевидно и унизительно безсильной. Можно только ждать. Для тѣх, кому дано дождаться, — все пойдет попрежнему. О том, куда скользнут недождавшіеся, никто ничего не знает. Денис шагнул и удивился тому, что не испытывает и тѣни колебанія. Теперь ему было безразлично, налито или не налито молоко, так же как и то, что дома его ждут. Вѣрнѣе, это его больше не касалось. Молоко, квартира, служба, семья, — все оставалось по ту сторону рубежа. По эту сторону его открывалась неизвѣстность, притягательныя силы которой заслоняли все. Денис ускорил шаг. Оттого, что всѣ житейскіе вопросы были сразу откинуты, он испытывал удовлетвореніе. Потом он подумал: "Мое сердце будет теперь биться только для меня". Дойдя до кіоска,

Денис остановился, посмотрѣл на обложки иллюстрированных журналов"...

— Аллот читал газеты, — подумал я. — Там было про кіоск.

..."и, ничего не купив, пошел дальше. Лицо его выражало спокойную рѣшимость. Посмотрѣв вверх и увидав нѣжно-голубое утреннее небо, он улыбнулся. У остановки автобуса он недолго подождал, потом, легко вскочив на площадку, взял билет до вокзала. Анна поставила кофейник на стол и позвала дѣтей. Ее немного удивляло, что Денис не возвращается. Запах поджаренных хлѣбных ломтиков побудил ее пройти на кухню, гдѣ она немного задержалась; когда же она вернулась в столовую и обнаружила, что Дениса все нѣт, недоумѣніе ея возрасло. Она вытерла пыль, поправила занавѣску. — "Гдѣ папа?" — спросила Роза. — "Папа пошел за молоком, — отвѣтила Анна, — садитесь, я намажу тосты". Сказав, Анна отдала себѣ отчет в том, что отсутствіе мужа длится слишком долго. — "Папа опаздывает", — произнесла Роза, точно в подтвержденіе. — "Бѣги ему навстрѣчу, — проговорила Анна, — и смотри не попади под автомобиль". Роза проворно вскочила и побѣжала. Иной раз Анна ей давала порученія, так что мадам Като ее хорошо знала. — "Папа забыл молоко, — сказала она, — вот оно. Папа был сегодня разсѣянный". — И она улыбнулась. — "Он еще не вернулся", — отвѣтила Роза. — "Я видѣла как он пошел за газетой, налѣво", — успокоительно проговорила молочница. Роза побѣжала домой с крынкой в руках. — "Я не видѣла папы", — сказала она, отдавая ее матери. — "Странно", — подумала Анна и пошла грѣть молоко. Ничего похожаго никогда раньше не случалось, и если Анна теперь недоумѣвала, то недоумѣніе это было почти безпокойством. —"Неужели же он ушел на службу не поцѣловав дѣтей, не позавтракав, так, без всякаго предупрежденія?" — спросила она себя. Послѣ кофе она отвела дѣтей в школу, сдѣлала покупки и хотѣла было позвонить Денису на службу, но не рѣшилась напрасно безпокоить. В полдень она сходила за Розой и Максимом и стала ждать половины перваго, часа появленія Дениса. В двѣнадцать сорок пять его все не было. В час, приказав дѣтям сидѣть спокойно, Анна отправилась разспросить мадам Като, но та только могла повторить то, что уже сказала утром Розѣ. Вернувшись, Анна скоренько накормила дѣтей, отвела их в школу и побѣжала на почту чтобы протелефонировать. Ей сказали, что Денис не появлялся. Сердце Анны упало. Приходилось подчиниться очевидности: что-то случилось. Она прошла прямо в спальню, сѣла на край кровати и долго оставалась в неподвижности"...

На секунду оторвавшись, я сказал себѣ, что у меня все же остается немного свободы: я могу выбрать между чтеніем и не чтеніем.

Но я не знал, что окажется мучительнѣй: остаться в невѣдѣніи всего того, что Аллот написал про Мари, — свою жертву, — или проникнуть в самыя нѣдра его исхищреній? И не нашел отвѣта! Машинально, я продолжал чтеніе.

"Нѣсколько позже Анна рѣшила пойти посовѣтоваться с сосѣдкой, с которой у нея были, хоть и поверхностныя, но хорошія отношенія. Но та полезной не оказалась. Предположеніе насчет возможнаго сердечнаго припадка и обморока ничему не соотвѣтствовало, — Анна знала, что здоровье Дениса прекрасно. Что до намека на возможность существованія другой женщины, — то Анна его просто не поняла, так как на их семейную жизнь никогда не ложилось ни малѣйшей тѣни. У себя Анна открыла ящик стола, в надеждѣ найти записочку, но нашла только конверт с жалованіем и бумажник. Ея безпокойство начало тогда окрашиваться в тона огорченія, потом печали, горестнаго предчувствія. Она приложила руку к слишком часто начавшему биться сердцу. Что могло быть причиной исчезновенія? — "Может быть я ему надоѣла? — спросила она себя. — Но если он рѣшил меня бросить, то вѣдь есть еще и дѣти!" — Воображеніе молодой женщины, никогда не бывшее слишком ярким, не подсказывало никаких объясненій. Анна подумала о встрѣчѣ с каким-нибудь товарищем, увлекшим Дениса в неожиданную и веселую экскурсію загород, или предложившим принять участіе в срочной и выгодной сдѣлкѣ; или о непріятности с полицейским, приведшей к аресту; или о несчастном случаѣ, раненіи и может того хуже (эту мысль Анна отгоняла). Не в силах дольше бороться с безпокойством, она накинула шарфик и пошла в комиссаріат. Там она оказалась в до послѣдней степени унылой комнатѣ, гдѣ никто не обратил на нее вниманія. Ея безпокойство приняло тогда выразимую форму и она себѣ сказала, что ей пришлось итти в полицію, чтобы сдѣлать заявленіе об исчезновеніи мужа: то, что до этого мгновенія было ея, личным, становилось достояніем гласности. Едва не почувствовав себя худо, она оперлась о стѣну, но сразу с собой справившись, подошла к полицейскому, который сидѣл за столом и что-то писал в толстом регистрѣ. — "Что вам угодно?" — спросил он, обратив в ея сторону безучастное лицо. — "Мой муж..." — начала Анна, но слова застряли у нея в горлѣ. — "Да, промолвил полицейскій, ваш муж?" — "Он ушел сегодня утром за молоком и не вернулся". — "Хм! Вы с ним до этого поссорились?" — "О! Нѣт! Он каждый день ходит за молоком и мы никогда не ссоримся. У нас двое дѣтей: дѣвочка и мальчик. Я боюсь, что что-нибудь случилось. Я протелефонировала в его бюро, и мнѣ сказали, что он не приходил. Не можете ли вы навести справку? Не попал ли он под автомобиль? Не отвезли ли его в госпиталь?" — "Если бы так, вам уже дали бы знать. У него в карманѣ должны были быть бумаги". — "Нѣт, он как раз

все забыл дома. Даже денег на нем не было". — "А! Можно позвонить. Ваша фамилія? Ваш адрес?" — "Анна Далле..." — Без поспѣшности полицейскій вышел и, вскорѣ вернувшись, сказал, что в ближайшем госпиталѣ раненаго Далле не значится. Что до общаго списка, то его устанавливают в Префектурѣ по мѣрѣ того, как поступают свѣдѣнія, но особенно разсчитывать на то, что список будет полным, до завтрашняго утра не приходится. — "Надо подождать..." — На мгновеніе завѣса тьмы отдѣлила Анну от того, что ее окружало и звуки жизни замѣнил колокольный звон обморока. Но она почти тотчас же очнулась. Ее усадили на скамейку, дали выпить воды, проводили до дому. Там, подавив тревогу, Анна занялась домашними дѣлами и ей казалось, что это помогает минутам и часам уходить в прошлое и ей самой не впадать в отчаяніе. Она сходила за дѣтьми в школу и по дорогѣ домой объяснила им, что телефонировала папѣ на службу и узнала, что он неожиданно уѣхал в командировку и неизвѣстно когда вернется. Она отлично понимала, что ея объясненія недостаточны, но Роза и Максим, хорошо воспитанные, не задавали никаких вопросов. Поползли вечерніе часы, тѣ, когда она начинала ждать Дениса. Обѣд она приготовила на четырех, — как бы не желая признать своих сомнѣній, терять надежду. Когда раздался звонок, Анна, не подумав, что у Дениса ключ, побѣжала открыть. На площадкѣ стоял сухопарый человѣк, довольно высокій, со стриженными усами, котораго она не узнала. — "Я пришел насчет часов, как было уговорено", — произнес Джіованни Джіованнини. — "Входите", — произнесла Анна дрожащими губами. — "Вы нездоровы?" — спросил он. — "Нѣт, нѣт, войдите", — повторила Анна. Ей показалось, что если часы пойдут, это будет хорошим знаком. Пока Джіованни возился с починкой, она молчала, а когда он кончил, то, сама не зная почему, почувствовав к нему довѣріе, она ему разсказала обо всем, что случилось. Потянулся, кончился медленный, угнетающій вечер. Наступила ночь, — безконечная, безжалостная, наполненная снами, кошмарами, перерывами, похожая на дремучій лѣс, гдѣ из-за каждаго дерева, из каждаго куста доносятся шумы и вздохи, гдѣ в вѣтвях, над головой вдруг начинает биться птица, гдѣ кто-то далеко стонет и кто-то близко шепчет...".

Не выдержав я вскочил, прошелся по комнатѣ, снова сѣл... — "Гдѣ его совѣсть, — говорил я себѣ, — как рука его повернулась такую размазню выводить..." и, снова подчинившись, продолжал:

"...На утро вступила в свои права забота о дѣтях. За молоком сходила Роза. Послѣ завтрака Анна, как всегда, отвела дѣтей в школу, и направилась в комиссаріат, гдѣ узнала, что Денис в спискѣ Префектуры не значится. Всѣ пострадавшіе вчера опознаны. — "Увы, — прибавил полицейскій, с оттѣнком сочувствія

> в голосѣ, — налицо, всего вѣроятнѣй, бѣгство. Если вы хотите, мы можем начать розыски. Сдѣлайте заявленіе". — Он записал показанія Анны и попросил ее подписаться. — "Начнем сегодня же", — кончил полицейскій. Вечером Джіованни пришел узнать новости. Анна казалась обезсиленной, замученной... Прошлое было выкинуто за борт. Впереди открывалось что-то такое, таких полное возможностей. о которых он никогда и не помышлял,"...

Я не понял. "Она, — сказал я себѣ, — и о каких возможностях для Мари мог он думать, когда сочинял?".

> "...не мечтал, которых не воображал", — побѣжали строки.

— Ну, зачѣм это? Зачѣм же это? — пробормотал я. — Если он испытывал потребность все на свой лад переиначивать, переправлять, облитературивать, то путать-то, смѣшивать-то, зачѣм ему было нужно? — "Как хочу, так все и перемѣшиваю", — казалось говорил он. Дѣйствительно вѣдь, и я тоже все, как есть, выбросил за борт и теперь находился в обществѣ привидѣній: Зоины полотна, Зоины рисунки, Зоина комната и, в нѣскольких метрах от меня, сам Аллот. "Куда он гнет? Какую преслѣдует цѣль? Вѣдь не просто для времяпрепровожденія он все это написал?".

> "Самый вокзал, — отвѣтили строки, — был указаніем на то, что ему надо, не теряя времени, пускаться в путь. Он был дверью в жизнь. Эта жизнь, которая показалась ему настоящей, промелькнула перед ним в рядѣ, связанных один с другим, подвижных и ярких образов: тут были корабли, пристани, пестрая толпа, морскія дали, гортанная рѣчь цвѣтных грузчиков, запах просмоленных канатов, пальмы на пустынных островах, небоскребы, банкиры с сигарами в циничных ртах, тунели, города, материки, золотые пріиски, гангстеры, сомнительные притоны, оазисы, роскошные особняки, участіе в возстаніях, снѣжныя бури в ледяных пустынях, красавицы, груды золотых монет на игорных столах, взрывы в шахтах... Вся жизнь и каждый из ея дней. Всѣ дни, и каждая из их минут. Всѣ отношенія! Сойдясь в одном пучкѣ, лучи его воображенія и памяти воспроизвели перед его умственным взором видѣнія дѣтства и отрочества. А им самим созданныя обязательныя жизненныя правила вдруг теряли смысл. Он удивился тому, что так долго мог любить семью, ходить в бюро, получать жалованіе, соблюдать статьи личнаго бюджета, платить за квартиру и за газ, спать с Анной. Вдруг, взамѣн всего этого, такія острыя, такія наперченныя, такія экзотическія блюда! Как раз по его вкусу!".

— Леонард Аллот, когда он это писал, не был, повидимому, в нормальном состояніи, — сказал я, вставая и принимаясь ходить по Зоиной комнатѣ, от стѣны к стѣнѣ, как ходил в комнатѣ Заза. — Проницательность его, во всяком случаѣ, никуда не годилась. Ничего

нѣт общаго между его Денисом Далле и мной, ну ровно ничего. Я, кажется, свободен и могу выпасть из игры.

Но снова сѣв, снова взял в руки папку. На страницѣ, которая слѣдовала, были только замѣтки, отдѣльныя, между собой не связанныя, фразы, — нѣчто вродѣ путаницы было. Но ниже текст принимал очертанія.

> "...Пересѣкающіяся под прямым углом занумерованныя улицы, занумерованные дома, этажи. Высота зданій соотвѣтствовала, повидимому, каким-то, до послѣдней степени хитроумным, дѣловым соображеніям и расчетам. В этажах этих гигантских домов были, до странности многочисленныя, но почти совершенно одинаковыя, конторы. Джэмс А. Кадоган покинул непрерывный поток автомобилей, смѣшался ненадолго с потоком пѣшеходов и попал в вертикальный поток лифтов. Дирекція Сѣверо-Восточнаго Шоколаднаго Треста находилась в двадцатом этажѣ, и так как Трест этот был богат, то она занимала его почти цѣликом. Когда Джэмс был в пятидесяти сантиметрах от двери она, подчиняясь невидимой силѣ, распахнулась. Красивая и привѣтливо улыбавшаяся секретарша, блондинка с нѣсколько томными глазами, пригласила Джэмса за ней послѣдовать. Они пересѣкли обширный зал, гдѣ пользуясь многочисленными усовершенствованными машинами большой персонал был занят письменными и вычислительными операціями. Подведя Джэмса к звуконепроницаемой двери секретарша нажала кнопку. Зажглась синяя лампочка, дверь распахнулась и Джэмс проник в роскошно но просто отдѣланную комнату, в глубинѣ которой стоял стол, за которым сидѣл...".

Не воспроизвожу описанія моей персоны Аллотом. Не узнать себя я, разумѣется, не мог. Но именно оттого, что образ мой был обрисован и тщательно и умѣло, я испытал не что иное, как униженіе.

> "Так как Джэмс ничего особенно интереснаго узнать не надѣялся, он готовился обратить преимущественное вниманіе на обстановку и постараться хорошенько все запомнить. Надо замѣтить, что и сама тема порученнаго ему дирекціей его журнала интервью: "Как вы разбогатѣли?" не допускала слишком прямолинейных вопросов. К тому же Джэмс с основаніем полагал, что тѣ, которые соглашались его принять, руководились соображеніями саморекламы, и что, в сущности, пути, ведущіе к богатству, давно извѣстны, так что новаго он ничего не узнает. Однако, облик сидѣвшаго за столом директора совсѣм не был обликом обычнаго дѣлового человѣка. Независимость и оригинальность его были очевидны, так же как очевидны были отражавшіяся в его чертах вопросительная тревога и неудовлетворенность. "Кажется, — подумал Джэмс, — на этот раз я соберу интересный матерьял". — "Садитесь, — сказал Денис, — надѣюсь, что вы не спѣшите?" — "У меня через полчаса свиданіе". — "Получаса нам мало. Вы не можете отмѣ-

нить ваше свиданіе?" — "Это зависит от того, чѣм вы разсчитываете заполнить мое время". — "Готовы ли вы мнѣ повѣрить на слово, что то, что я вам предложу, интереснѣй вашего дѣлового свиданія?" — "Да", — отвѣтил Джэмс, подчинившись необъяснимой интуиціи и сам себѣ удивившись. — "Вот телефон. Отмѣняйте свиданіе", — произнес Денис. И когда Джэмс, набрав номер, сказал кому-то, что опоздает, Денис прибавил: "Приступайте к интервью". — "Вопрос номер первый, — начал Джэмс: — сколько вам лѣт?". Денис сообщил день, мѣсяц и год своего рожденія. (На сколько ему тогда было больше лѣт с того дня, как он пошел за молоком: на 10, на 15, на 20? Это можно будет опредѣлить только гораздо позже. Леонард Аллот). "Вопрос номер второй: с каких пор вы богаты?" (отвѣт зависит от срока, который я установлю. Л. А.). — "Вопрос номер третій: что вы думаете о возможности для каждаго из нас разбогатѣть, принимая во вниманіе современныя экономическія, соціальныя и политическія условія?" — "Думаю, что разбогатѣть может всякій при всяких условіях. Первоисточник богатства надо искать в независящем от нашей воли стеченіи обстоятельств. Вы скажете, что если бы такое стеченіе обстоятельств выпало на долю всѣх, всѣ оказались бы богатыми? Существует, разумѣется, вполнѣ точное объясненіе невозможности такого положенія, но об этом я не хотѣл бы сейчас говорить, так как мы рискуем оказаться в слишком отвлеченной и теоретической плоскости. Могу все же подчеркнуть, что экономическія, соціальныя и политическія условія имѣют характер не рѣшающій, а привходящій и почти второстепенный. То же самое можно сказать про ум. Разбогатѣвшіе дураки не исключеніе. И, обратно, не исключеніе люди умнѣйшіе, которые разорились". — "Вопрос номер четвертый: думаете ли вы, что в прошлом столѣтіи разбогатѣть было легче, чѣм теперь?" — "Вы повторяете то же самое. Я только что сказал, что экономическія, соціальныя и политическія условія болѣе чѣм второстепенны". — Джэмса покоробило, но он постарался не подать виду. — "Вопрос номер пятый, — сказал он. — Если ваше состояніе не унаслѣдовано и вы self-made man, то гдѣ, по вашему мнѣнію, расположена та точка, начиная с которой кривая пошла вверх?" — "Мой случай... (Денис замялся)... мой случай особенный. Он — недоразумѣніе. Я спустился, как то ежедневно дѣлал, чтобы купить в лавочкѣ молока. Вмѣсто того, чтобы принести это молоко домой, я стал на путь приключеній. Приключеній я пережил много, и одно другого неинтереснѣй и глупѣй были эти приключенія. В результатѣ я стал главным акціонером и Распорядителем Сѣверо-Восточнаго Шоколаднаго Треста. Было бы гораздо лучше принести молоко домой и избѣжать напрасной и ненужной суеты, продлившейся (10, 15, 20 лѣт? — Л. А.). Это точно то же самое, что концерт. Вы можете пойти на концерт, чтобы слушать музыку. Но вы можете остаться дома в тишинѣ, что гораздо

лучше". — "Я и не мечтал, — подумал Джэмс, — что так получится удачно. Ну просто прелесть какую накатаю статейку!". — "Я предался, — продолжал Денис, — как говорится, кипучей дѣятельности, в нѣкотором родѣ просидѣл в концертном залѣ, слушая непонятныя симфоніи и рапсодіи (лѣт 10, 15, 20? Л. А.) и теперь чувствую усталость и хочу вернуться домой, если еще не поздно. В нѣкотором родѣ принести молоко, за которым отправился и которое оставил на прилавкѣ в магазинѣ. Оно у меня на совѣсти, это не принесенное домой молоко, да, да, молодой человѣк, на совѣсти. Молоко на совѣсти".

Аллот толковал о совѣсти! Я взглянул на бурое пятно, на пальцы рук, на закатившіеся глаза, на вытянутыя ступни. Аллот, толкующій о совѣсти!

"Вмѣсто того, чтобы итти домой, — читал я, — я, видите ли, пустился смаковать удачи, дѣла, любовниц, автомобили, монеты, всякую, вообще, мишуру, которая сегодня стоит дорого, а завтра не стоит ничего и даже в памяти настоящаго слѣда не оставляет. Только одно за эти (10, 15, 20 лѣт? — Л. А.) получилось подлинно содержательное мгновеніе: настоящее. То, которым я сейчас владѣю, распоряжаюсь. Я хочу обойти стѣну, отдѣляющую нас от того, что от нас не зависит. Что вы скажете?" — Джэмс молчал. — "Почему вы не отвѣчаете?" — "Что я могу сказать?" — "Между тѣм, вам повезло, молодой человѣк, — проговорил Денис, очень отчетливо, — ваш путь скрестился с моим в нужном мѣстѣ и в нужную минуту. Когда вы мнѣ протелефонировали, чтобы попросить быть принятым, я как раз вернулся из поѣздки, во время которой встрѣтил одного моего знакомаго дѣльца. Мы пошли совмѣстно в его контору, расположенную в шестидесятом этажѣ. Я уже хотѣл войти в лифт, когда он мнѣ сказал: нѣт, нѣт, не в этот! А вот в этот, в прямой. Мы выгадаем сорок секунд! Это *выгадаем* прозвучало для меня на манер предупрежденія. Выгадать? В дѣйствительности не терял ли он еще сорок секунд на спѣшку? Не думаете ли вы, что время, для того, чтобы лучше его почувствовать, надо тормозить? Что оно привлекательнѣй, когда оно пусто? Что не к чему его загромождать сутолокой и суетой? Что вы про это думаете, молодой человѣк?" — "Я ничего про это не думаю", — отвѣтил Джэмс. — "Вы не можете ничего про это не думать, — продолжал Денис; — считаете ли вы, что время может быть разумно заполнено дѣлами? И что только дѣла настоящее занятіе?" — "До сих пор я так думал", — отнесся Джэмс. — "Так что, — настаивал Денис, — минуты, потраченныя на гаданіе по линіям руки или на кофейной гущѣ — потерянныя минуты?" — "Таково, дѣйствительно, мое мнѣніе". — "И минуты посвященныя молитвѣ?" — "Точка зрѣнія вѣрующих отлична от точки зрѣнія невѣрующих", — пробормотал Джэмс. — "А вы вѣ-

рующій?" — Вопрос этот показался Джэмсу совершенно неумѣстным. В других условіях он, может быть, что нибудь сказал бы, но теперь предпочел воздержаться. — "Вы не знаете, — заключил Денис из его молчанія, — и я в том же положеніи. Если я вам задал этот вопрос, то это чтобы сдѣлать сравненіе. Мнѣ теперь всякая точка опоры может пригодиться. Я вынужден искать границы суевѣрія". — "Суевѣрія?" — "Да! Суевѣрія. Или колдовства. Или еще чего-то, что прямо касается других, но исходит от меня. Я вам сказал, что богатство зависит от непредусмотримаго стеченія обстоятельств. Но представьте себѣ, что это для вас непредусмотримое и от вашей воли независящее стеченіе обстоятельств, зависит от меня? Не нахожусь ли я, по отношенію к вам, в положеніи сходном с положеніем колдуна? Я могу, если захочу, своей колдовской властью воспользоваться, и если не захочу, — не воспользоваться. Понимаете?" — "Нѣт". — "Жаль. Не могу вам сказать и объяснить большаго по той причинѣ, что сейчас происходящее всего лишь завершеніе возникновенія моего богатства, насчет котораго я вам уже сказал, что оно дѣтище стеченія обстоятельств. Но располагаю им я как хочу, и вас это касается самым непосредственным образом". — "Дѣйствительно. Хотя ваше изложеніе и не совсѣм ясно, я все же нахожу в нем отличный матерьял для занимательнѣйшей статьи. Если вы позволите, мы продлим собесѣдованіе?" — "Позволяю". — "Вопрос номер шесть: не могли ли бы вы перечислить этапы вашего восхожденія?" — "Я начал с контрабанды табака. Занятіе это было привлекательно и рисковано. Именно оттого привлекательно, что рисковано. Но мнѣ оно не показалось достаточно выгодным. Добиваться бо́льшей пользы заняло бы слишком много времени, так что я контрабанду бросил. Уѣхав в приморскій город, я случайно оказался на пристани за нѣсколько минут до ухода корабля. Ко мнѣ приблизился почтеннаго вида господин и предложил замѣнить его в роли скупщика шерсти. Он предлагал и денег на проѣзд, и нужныя бумаги. Я ровно ничего в закупкѣ шерсти не смыслил и самое предложеніе было, разумѣется, подозрительным. Но так как я искал приключеній, — то согласился. При первой же остановкѣ на борт парохода поднялись чины полиціи, и я был арестован. Оказалось, что почтеннаго вида господин, давшій мнѣ бумаги, извѣстный мошенник. Вручая мнѣ бумаги, он хотѣл сбить, на время, с толку сыщиков. Тѣм не менѣе меня посадили в тюрьму. Там я свел знакомство с предпріимчивым малым, который предложил мнѣ бѣжать и пробраться через тропическій лѣс, до мѣстности, гдѣ, по его словам, можно было очень выгодно покупать у негров слоновую кость. Оборотный капитал он брался "занять" у мѣстнаго губернатора, у котораго он раньше состоял камердинером. Бѣгство удалось, заем тоже. К сожалѣнію мой товарищ, опасаясь, что губернатор позовет на помощь, слишком крѣпко сдавил его горло. Пока

он оставался "без памяти", нам пришлось с поспѣшностью удалиться на возможно большое разстояніе. Мы стали переправляться вплавь через рѣку, и во время этой переправы моего товарища утащили на дно кайманы. К счастью половина "занятых" у губернатора денег была на мнѣ... но все это до такой степени скучно". — "Наоборот, — сказал Джэмс, — по-моему это очень интересно". — "Мнѣ предстояло или вернуться назад, или одному пробраться через тропическій лѣс. Выбор — ну нельзя лучше. Пока я размышлял о том, какую предпочесть гибель, появилась большая лодка, с нѣсколькими черными гребцами. Я стал свистѣть, размахивать вѣтками, и, причалив, гребцы согласились меня принять на борт за половину половины "займа" у губернатора. В устьѣ рѣки мы подошли к борту грузового парохода, с котораго были переданы какіе-то пакеты, опіум? — или еще что-то? — не знаю. Я успѣл все же предложить одному из матросов то, что у меня еще оставалось денег, и он спрятал меня в трюмѣ. Пароход вез кожи. Не могу вам передать до чего онѣ воняли. Послѣ нѣскольких недѣль плаванія мы пришли в большой порт, гдѣ я и высадился, ночью. Без денег, без бумаг, я не слишком-то был увѣрен в завтрашнем днѣ. Но мнѣ посчастливилось встрѣтиться с метиской Кло-Кло, которой я, с перваго взгляда, понравился до чрезвычайности". — "Почему вы запомнили, что ее звали Кло-Кло?". — "Не знаю почему. Почему-то, вот видите, запомнил. Это имя ей шло. Впрочем, Ми-Ми или Яй-Я ей могло тоже очень подойти. Она была такой брюнеткой, каких я никогда даже и не воображал. Не думал, что такія существуют брюнетки! Нѣкоторое время я был ея любовником..." — Джэмс просто захихикал от удовольствія: о таком матерьялѣ для статьи он и не мечтал! "...Мы жили в деревнѣ, в ея домикѣ и занимались разведеніем кур. Через год она умерла". — "Сама по себѣ"? — "Умирают всегда сами по себѣ. В сундукѣ я нашел ея казну. Была ли это польза от продажи кур, было ли у нея иное происхожденіе, я себя не спросил и пустил деньги в оборот, основав контору по найму молодых горничных для богатых домов". — "И дѣла пошли?" — "Пошли. Через год я продал предпріятіе и купил фабрику упаковочнаго матерьяла, которой грозило банкротство. Мнѣ удалось ее поставить на ноги. Но наступил экономическій кризис, и я был разорен..." Денис Далле не надолго замолк. Джэмс уже готовился задать вопрос, когда он снова заговорил: "Все это то же самое, все это то же самое, все это до ужаса однообразно... Поставка революціонерам ржаваго и почти негоднаго оружія принесла мнѣ существенныя комиссіонныя. Я принял, затѣм, участіе в экспедиціи против волков, которые, в горах, нападали на стада. Во время этой экскурсіи я познакомился с директором консорціума мясных консервов, которому принадлежали стада. Мнѣ удалось занять у него денег и открыть мыловаренную фабрику. Дѣло это я успѣшно и скоро развил, так что

не только вернул заем, но еще и с пользой продал. Тогда я занялся шоколадом. Он принес мнѣ милліоны. Какой ваш седьмой вопрос?" — "В чем заключается главное удовлетвореніе, доставляемое богатством?" — "Что до меня, то оно мнѣ никакого удовлетворенія не доставило. Я предпочитаю бѣдность." — "Но кто же вам мѣшает стать бѣдным? Это, навѣрно, гораздо проще чѣм разбогатѣть." — "Вы меня спросили о главном удовлетвореніи, приносимым богатством, и я отвѣтил. Что до пути, ведущем к бѣдности, вы меня о нем ничего не спросили, не так ли?" — "Это вѣрно. Это могло бы быть темой другого интервью." — "Отлично. Этим и займемся, без задержки. Вы можете задать мнѣ вопрос номер первый, который будет, приблизительно, слѣдующим: что вы предполагаете сдѣлать, чтобы обѣднѣть? Говорите." — Джэмс смотрѣл на Дениса с тревогой: не издѣвается ли над ним этот странный господин? — "Говорите", — повторил Денис, повелительно. — "Что вы предполагаете сдѣлать, чтобы обѣднѣть?" — пробормотал Джэмс. — "Уступить вам мое мѣсто", — отвѣтил Денис. — "То-есть как?" — не понял Джэмс. — "Очень просто: уступить вам всѣ мои права в Сѣверо-Восточном Шоколадном Трестѣ. Они велики. Мнѣ принадлежат почти всѣ акціи. Вы станете единственным хозяином. Расширите вы дѣло, или погубите — мнѣ безразлично. Что до меня, то я буду бѣдным. Таково мое, уже довольно давнишнее, пожеланіе. Когда оно совсѣм созрѣло, я сказал себѣ, что уступлю права первому, кто вызовет меня по телефону, и вызвали меня вы. Я колдовал. Вы согласны?" — Джэмс молчал. "Я повторю свой вопрос трижды, — промолвил Денис, — и если вы так и не рѣшитесь отвѣтить, стану искать другого. Идет?". Не зная, попал ли он в глупое положеніе, служит ли он предметом насмѣшек, имѣет ли дѣло с сумасшедшим, — Джэмс, вытаращив глаза, молчал. — "Вы согласны?" — снова спросил Денис. Было ли это вторым разом? Считался, или не считался, вопрос, заданный до того, как Денис сказал, что спросит трижды? Пока Джэмс, словно парализованный, не мог пошевелить языком, Денис повторил: "Вы согласны?" — "Да", — отвѣтил Джэмс.

— Ваше дѣло, Аллот, подумал я, искажать дѣйствительность до неправдоподобія. Что хотите, то и придумываете, над кѣм хотите, над тѣм и издѣваетесь... Но, так думая, я знал, я навѣрно знал, что перед самим собой хитрю: все, что я прочел, меня задѣвало! Даже в такой искаженной, фантастической, нелѣпой формѣ это было игрой с моей правдой! И если бы только одно это? Я начинал угадывать затаенный смысл пріемов Аллота и предчувствовал, что он меня принудит к повиновенію приблизительно так, как уже однажды принудил, когда, послѣ прочтенія исторіи желѣзнодорожнаго разъѣзда, отвез меня посмотрѣть на пьяную Зоину мать. И снова побѣжали неумолимыя строчки.

"А я, — продолжал Денис, — вернусь домой, чтобы посмот-

рѣть, как все шло в моем отсутствіи". — "Быть может, — рискнул вполголоса опасавшійся отповѣди Джэмс, — вы могли бы оставить часть акцій для вашей семьи?" — И дѣйствительно, отповѣдь не заставила себя ждать. — "Какой вы пошлый городите вздор, — воскликнул Денис. — Думаете ли вы, что меня может соблазнить классическая схема, по которой юноша, чтобы получить разрѣшеніе родителей дѣвушки на бракосочетаніе, исчезает и возвращается разбогатѣвшим? Что я этим, или этому подобным, мог руководствоваться? Муж, исчезнувшій бѣдным, и вернувшійся с деньгами? Глупость, пошлость. Если бы таким был мой образ мыслей, я должен был бы начать с наведенія справок, так как за эти (10, 15, 20 лѣт? — Л. А.) моя семья может быть перестала существовать. Стала не моей. При чем акціи? При чем средства? Я возвращаюсь к отправной точкѣ, это все. Послѣ ряда лѣт, проведенных в мірѣ иллюзій, я возвращаюсь в мір реальный. Я бросил уходя духовное сокровище, промѣнял его на богатство. Теперь я бросаю богатство в надеждѣ найти хотя бы осколки того, от чего отвернулся. Я подойду к прилавку. Крынка с молоком должна еще на нем стоять. Я ее возьму и поднимусь к себѣ. Промежуток времени, соотвѣтствующій моему отсутствію, был иллюзорен. Он не считается..." — И надолго Денис замолк. — "Акціи, акціи, облигаціи, — пробормотал он, наконец. — Представьте себѣ, что моя жена вышла замуж, или что она умерла. С акціями, с облигаціями я буду, в какой-нибудь гостиницѣ, пробовать найти моральное равновѣсіе? Когда вы думаете начать?" — "Как можно скорѣй". — Денис нажал на кнопку. Вошла секретарша. — "Вызовите юрисконсульта, — распорядился Денис, — пригласите моего помощника и приходите сами, с блок-нотом". Пришлось, послѣ того, журналисту Джэмсу А. Кадогану присутствовать при том, как Денис Далле, ровным и спокойным голосом, без малѣйшей запинки, продиктовал сложный документ, который, затѣм, был передан для провѣрки как раз прибывшему юрисконсульту. Затѣм Денис приказал составить подробный финансовый отчет, дал указанія касательно нѣскольких текущих операцій и распорядился сдѣлать полный инвентарь имущества и товара. Чрезвычайная простота и ясность всего того, что Денис говорил, поразили Джэмса. Помощники Дениса и его служащіе слушали его с явно выраженным уваженіем. И они, без сомнѣнія, понимали, что такое дисциплина. Джэмс видѣл, что Денис знает чего хочет. Во всем его обликѣ — во время заготовки документа — была властность, отличающая настоящих начальников. "Вот почему он разбогатѣл, — подумал Джэмс, — и вот главный отвѣт на мои вопросы". Когда все было составлено, переписано на машинкѣ, подписано, Денис Далле представил персонал новому директору-владѣльцу Джэмсу А. Кадогану. — "Если вы женаты, — сказал Денис, — идите все разсказать женѣ". — "Я не женат". — "А!

Жаль". — "Почему жаль?" — "Ваша жена была бы довольна". Потом, уже на порогѣ, Денис добавил: "До свиданія. Вѣрнѣй. прощайте", и вышел, оставив Джэмса в состояніи абсолютнаго удивленія. — Он подозвал, у вокзала, такси и назвал улицу, на которой была молочная, вышел за двѣсти метров до лавки и зашагал в ея направленіи. Наступали сумерки, зажигались огни. Денис обратил вниманіе на перемѣны: магазины были заново отдѣланы, сигнализація на перекресткѣ усовершенствована. В общем (за 10, 15, 20 лѣт. Л. А.) не так все это было значительно. Молочную лавку Денис отличил издали. Она оставалась выкрашенной в бѣлый цвѣт и выдѣлялась на общем сѣроватом фонѣ. Освѣщеніе было теперь неоновое. Сквозь витрину Денис увидал новый, очень блестящій, прилавок, перед которым стояло нѣсколько покупателей. Мадам Като была почти такой же как раньше. Постарѣвшей, конечно, пополнѣвшей, но такой же. Чтобы она его не узнала, Денис отступил на шаг. Нѣсколько минут он постоял в полной неподвижности, прислушиваясь к тому, как бьется сердце, потом, рѣшительными шагами, направился к дому, гдѣ когда-то жил".

Конечно, сжатое изложеніе Аллота только приблизительно совпадало с тѣм, что меня постигло на самом дѣлѣ. Все же — и без всякаго сомнѣнія — *сюжетом* его был я, так что дойдя до того мѣста, гдѣ Аллот коснулся "рѣшительных шагов" Дениса, направившагося к своему дому, я испытал удвоенную удрученность. Не предстояло ли мнѣ забѣжать вперед, узнав о том, что постигло Дениса, приблизиться к тому, что, в мыслях своих, Аллот готовил мнѣ? Он был в нѣскольких метрах, больной, угасающій. Но в моих руках были страницы написанныя нарочно для меня, и из за каждой буквы текста выглядывал его беззрачковый взгляд. И я не мог отогнать мысли, что, прочтя заключеніе повѣсти? разсказа? монографіи? — я окажусь лицом к лицу с неизбѣжностью вывода, послѣдняго шага, заключительнаго аккорда.

"Перед ним обрисовалась дверь, на которую падал мерцающій свѣт уличнаго фонаря. В прихожей же, куда он проник, и гдѣ электричество еще не включили, этот мерцающій проходившій сквозь стекла двери свѣт порождал полумрак. Денис подумал, что может быть умирающіе, когда боль и страх утихли, перед самым уже уходом, задерживаются на мгновеніе в таком вот мерцающем, состоящем из ряда вспышек и потуханій мірѣ. Но уже чья-то рука включила свѣт, и Денис различил ни в чем не измѣнившуюся за годы его отсутствія прихожую. Чтобы избѣжать возможнаго любопытства швейцарихи, он поскорѣй шагнул к лѣстницѣ и начал подниматься по деревянным ея ступенькам. Одна из них должна была скрипнуть и так как она не скрипнула, Денис подумал, что (10-ти, 15-ти, 20-ти лѣт? — Л. А.) было достаточно чтобы ее починить. Перед дверью Денис еще раз заколебался. Кого он

увидит? Что скажет? Возможно вѣдь, что в квартирѣ живут другіе, ему неизвѣстные люди, которые сами ничего о нем не знают. И тогда, в одно мгновеніе, всякая надежда вступить во владѣніе моральным сокровищем исчезнет. Он нажал на кнопку звонка и до того, как раздались шаги, успѣл с необычайной ясностью сдѣлать сравненіе между этими мгновеніями и тѣм, что с ним было за эти (10, 15, 20? Л. А.) лѣт. Смиренно и робко он прошептал: я хорошо сдѣлал, что вернулся, я прав, мнѣ непремѣнно надо было вернуться. Дверь распахнулась и Денис увидал Анну. — "Что вам угодно?" — спросила она, до того, как его узнала. И тотчас же в глазах ея мелькнул страх, к которому примѣшивалось что-то неопредѣленное: не то упрек, не то мольба. Денис вошел и Анна, не спуская с него глаз, стала пятиться, слегка, точно защищаясь, протянув перед собой руки. Упершись в стѣну она приложила их к сердцу и Денис увидал, как по щекам ея потекли слезы. "Анна", — сказал Денис. Она ничего не отвѣтила. Ее душила спазма. В слѣдующую секунду ему пришлось ее поддержать, иначе она упала бы. Но, как то было в комиссаріатѣ, лѣт (10, 15, 20? — Л. А.) тому назад, она справилась с собой почти мгновенно. Она виновато улыбнулась и прошептала: "Это ничего, это пройдет", — и, взяв Дениса за руку, увлекла его в столовую. Первое, что он увидал, были старинные часы, и то, что маятник мѣрно раскачивался, показалось Денису почти угрозой".

Должен признаться, что прочтя это я просто не смѣл ни о чем думать. И чтобы ни о чем не думать, поспѣшил возобновить чтеніе. Я подчинился. Подчиненіе не снимает ли оно отвѣтственности?

"Денис подумал, что ему надо попросить прощенія, — заговорил Аллотов текст, — но тут же ему показалось, что это слишком условно, слишком поверхностно, что это не соотвѣтствует ни его собственным чувствам, ни тѣм, которыя он угадывал в Аннѣ. Снова он промолчал. За эти (10, 15, 20? — Л. А.) лѣт Анна измѣнилась, конечно, но не очень. Немного, может быть пополнѣла, — что скорѣй ей шло, — едва различимыя морщинки, кажется, собрались возлѣ глаз, у края губ, — но только нѣжнѣй, только мягче дѣлалось от этого ея выраженіе. — "Ты боишься?" — спросил, наконец, Денис, как бы отзываясь на собственную догадку. — "Да, — прошептала Анна, — я не знаю, как теперь все будет". — "Что будет? Ты больше меня не хочешь? Ты разлюбила? Ты не можешь забыть, что я ушел?" — "Я думала, что ты ушел навсегда, что ты не вернешься, что ты умер, и вышла замуж". — "Ты вышла замуж?" — спросил он, покорно, считая, что возмездіе заслужено. Незаслуженным конечно было мученіе Анны, и теперь надо было все сдѣлать, чтобы его смягчить. — "За кого ты вышла замуж?" — произнес он. — "За Джіованни Джіованнини", — прошептала она, еле слышно. — "Джіованни Джіован-

нини? Кто это?" — "Часовщик". — "Ах да, — подумал Денис, — я его позвал, чтобы починить часы как раз накануне". — "Он мне помог, — продолжала Анна, все так же тихо, — с двумя детьми мне было очень трудно. Он меня спас. Сначала я заболела. Он обо всем заботился". — "А дети?" — "Роза вышла замуж. Максим работает с Джіованни, в его магазине. Они придут через полчаса. Я готовлю им обед". — Было ли это намеком на то, что ему надо уйти? Денис не мог догадаться. Его единственной целью теперь было причинить Анне как можно меньше мученія. Совсем не причинить мученія было невозможно. С другой стороны ему хотелось дать понять, что он берет на себя всю ответственность за свой поступок. Никакого смягченія приговора он не хотел. Он был готов нести всю тяжесть своей вины до последняго своего вздоха. Решеніе должно было быть найденным без промедленія и стать окончательным. — "Это и будет моим сокровищем", — сказал он себе. — "Ты любишь Джіованни?" — спросил он, не отдавая себе отчета в том, что из всех возможных вопросов этот был самым жестоким. — "Нет, — ответила Анна, — но я не могу... я не могу...".

— Аллот, — подумал я, — Аллот, понимали ли вы, когда писали это, что вы пишете?

"Чего ты не можешь?" — продолжал Денис. — "Почему ты ушел? — ответила Анна вопросом на вопрос, — из-за женщины?" — "Нет, никакой женщины не было. Я не знаю, почему я ушел". — "И что ты все это время делал?" — "Все. И везде побывал". — "И почему ты вернулся?" — "Потому, что я ошибся уходя". — "Ты меня любишь?" — "Люблю". — "Тогда уйди еще раз. Я с собой справлюсь, никто ничего не заметит. И ты никому ничего не говори. Знать будем мы двое. Да?" — "Да". — Денис смотрел на нее и с удивленіем, и с восхищеніем, и с благодарностью. Чем большей была на его плечах тяжесть, тем ему было проще. Встав, он направился к выходу. Анна смотрела на него, не двигаясь. Когда он уже открывал дверь, она, показалось ему, сделала какое-то движеніе руками, точно хотела — и не решалась — их поднять. Он вышел и закрыл за собой дверь".

Стояло потом слово: "конец". Ниже было приписано: "о том, что предпринял Денис, сведеній еще не поступило. Когда они поступят? 10. 15. 20?". На отдельном листке, приклееном к папке, было написано:

"Вассершлаг (это был издатель, с которым, как я знал, Аллот поддерживал отношенія) утверждает, что из этой повести можно сделать целый роман. Но, наверно, я умру раньше".

45.

Мнѣ писал Аллот, не обо мнѣ. Писал как пишут письма. При этом даже не зная, прочту ли я его письмо-повѣсть, так как не знал, появлюсь ли я вообще когда-нибудь. Несмотря на это, он явно, все время, каждое выводя слово, был обращен в мою сторону! И я подумал, что давать мнѣ такого рода приказанія, не могло не приносить ему удовлетворенія. Может быть это было его единственным удовлетвореніем! Что нѣсколько его стѣсняло, так это сроки. Не спрашивал ли он себя, время от времени: 10, 15 или 20 лѣт? Что до всего остального, — характеры, дѣйствіе, обстановка, даже пейзажи, — он всѣм этим располагал как хотѣл, не испытывая, повидимому, ни малѣйшаго затрудненія. В одном отношеніи его проницательность оказалась безупречной: он подчинил своего Дениса Далле чужой волѣ, угадав, что я тоже подчинился чужой волѣ, — больше чѣм угадав, зная, что именно так было. Независимо от фантасмагорической и произвольной перетасовки и измышленных дополненій — повѣсть Аллота была повѣстью обо мнѣ. Я был в центрѣ его "сюжета"! И даже если, прислушавшись к совѣту Вассершлага, он предпринял бы передѣлку этой повѣсти в роман, сохранив только отправную точку, все равно главным было бы то, что случилось со мной и тогда-то вот именно я стал подозрѣвать, что настоящій роман придется писать не ему, а мнѣ!

Зоя все не возвращалась, и я себя спрашивал, продолжать мнѣ ожиданіе или попытаться поставить конечную точку? И как только об этом подумал, как только себѣ представил, что, на подобіе Дениса, начну приближаться, приближусь и войду, так все во мнѣ застонало, и с удвоенной, утроенной, удесятеренной силой нахлынули мысли, которыя меня душили, когда я ходил, из угла в угол, по низкой комнатѣ Заза. Я взял кроки Зои. Какая, какая именно боль Мари была передана в этих штрихах? Что было первопричиной ея мученія? Что другое могла она дѣлать, как не замалчивать правды? И что другое — как не уйти мог сдѣлать я, когда меня уткнули носом в эту правду? И все-таки, что-то оставалось еще в тѣни, не совсѣм было точно установлено. Не эта ли, еще покрытая тѣнью сторона побудила меня притти прежде всего к Аллоту, не желаніе ли с ним разсчитываться? Я пожалѣл, было, что не довел своей руки до его кадыка, и машинально взял папку с надписью "Учитель исторіи Ермолай Шастору".

> "Такого нервнаго, — побѣжали строки, — такого только собой занятаго, такого несдержаннаго на разсказы о себѣ человѣка как Ермолай Шастору, я не знал, и никогда, конечно, не узнаю. Он был худ, подвижен, суетлив, носил волосы бобриком, вслѣдствіе чего казался выше своего роста. Глаза его горѣли как угли, были тревожными и вопросительными. Он вѣчно находился в каком-то полу-изступленіи, всѣх всегда в чем-нибудь подозрѣвал, осуждал, ко всѣм испытывал враждебность и недовѣріе. Точно во всем мірѣ не был ему равнаго и точно

весь мір состоял из злоумышленников, глупцов, циников, лгунов! Если, изрѣдка, он усматривал в ком-нибудь какія-нибудь достоинства, то тотчас дѣлал оговорку, что если хорошенько присмотрѣться, это может быть и не так. Считалось, что мы друзья. Считалось это с давних пор и до самаго послѣдняго времени я в этом не сомнѣвался. А так как, — не знаю почему, — я находился от него в какой-то зависимости и подчиненности, — то каждый раз как он осуждал, выводил на чистую воду, докапывался до подлинных побужденій, всегда предосудительных (хороших он не допускал) всякаго, вновь встрѣченнаго, человѣка, и со мной этими домыслами дѣлился, я стал, отчасти, его подпѣвалой. Выходило, что мы осуждаем оба. Мы вмѣстѣ учились в лицеѣ и вмѣстѣ поступили в университет. Он был много способнѣй меня и, к тому же, располагал отличной памятью, все ему давалось без усилій, в то время как я просиживал над книгами и тетрадями цѣлыя ночи. Он мнѣ помогал, объясняя то, чего я не понимал, давая совѣты, довѣряя мнѣ свои записки. Позже, послѣ экзаменов и конкурса, он посвятил себя педагогической карьерѣ. Характер его от этого не измѣнился, — он остался таким же подозрительным, таким же недоброжелательным и нервность его не уменьшилась. Его сразу же возненавидѣли, как ученики, так и коллеги. Не было, кажется, такого недостатка, в котором он каждаго из них не обвинял бы: и в глупости, и в низости, и в интриганствѣ, и в невѣжествѣ. Что до меня, то зная свои не слишком большія силы, я ограничился лицензіей. Но даже роль секретаря адвоката, на которую я, добившись лицензіи, стал претендовать, оказалась мнѣ недоступной и мнѣ пришлось согласиться на совсѣм скромную, подчиненную должность. Мы жили с Ермолаем в сосѣдних гостиницах и постоянно видѣлись; я всегда ему был нужен для желчных изліяній! Мы часто вмѣстѣ обѣдали, завтракали и даже совмѣстно проводили каникулы. И уж, само собой понятно, встрѣчались в кафе, немного артистическом и богемном, в одном из оживленных кварталов столицы. Там мы и познакомились с Мартой. Марта была некрасивой, неважно сложенной, не отличалась ни большим умом, ни образованіем, не располагала никакими собственными средствами и не ожидала никакого наслѣдства. Она работала в книжной лавкѣ в качествѣ помощницы продавщицы, и дорогіе туалеты были ей недоступны. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, она была привлекательна. Во-первых, она была очень доброй, очень ласковой, очень женственной. Во-вторых, у нея была высокая, красивая грудь. В-третьих, она умѣла, с помощью какой-нибудь ленты, или пестраго шарфика, или самодѣльнаго светера, придать себѣ своеобразный шик. Ея темно-шатеновые волосы были пышны, и, зная об этом, она удѣляла много вниманія прическѣ,

в частности, очень охотно носила великолѣпныя косы. Мы влюбились в нее одновременно. Ермолай открыто, нервно, с ревностью, с подозрѣніями, требовательно, нетерпимо. Я — тайно. Через год он на ней женился. И так как в теченіе этого года я был его конфидентом и он разсказывал мнѣ рѣшительно обо всем, о всѣх своих хитростях, о том, как протекали свиданія, как шли разговоры, о намеках, сомнѣніях, колебаніях и, наконец, о согласіи, — то и выпали на мою долю довольно мучительные часы, тѣм болѣе, что в тайнѣ я, просто-на-просто, сомнѣвался в том, что Марта его любит. Ему, кажется, такое подозрѣніе в голову не пришло ни разу и он относил колебанія и отсрочки за счет нѣкоторой слабости ея характера. Марта могла не спѣшить с замужеством, у Марты мог быть еще не совсѣм завершившійся роман, Марта могла быть неувѣренной в его будущей супружеской вѣрности. Ермолай мнѣ признался, что на поцѣлуи она отвѣчала холодно, что, в смыслѣ любовных сближеній, она ни разу ни малѣйшей иниціативы не проявила и что даже тѣх небольших чувственных авансов, которые в наши дни общеприняты, он не получил. Как так вышло, что я не понял унизительности моего положенія и мирился с тѣм, с чѣм мириться было нельзя, — я не понимаю. Послѣ свадьбы стало еще хуже. Может показаться невѣроятным, что Ермолай счел нужным ставить меня в извѣстность о всѣх подробностях супружеской близости! Но как это ни невѣроятно, это было так. И я начал понимать, что я Ермолая ненавижу! Не ревностью это было, а именно ненавистью, — и я должен уточнить, что в силу какого-то ретроспективнаго феномена, я осознал тогда, что, в сущности, всегда его ненавидѣл, что самое дружественное мое к нему отношеніе было формой ненависти! Его "отчеты" об альковных тайнах, его подозрительность, его увѣренность в том, что всѣ рѣшительно, кромѣ него, циники и негодники, — все это было, разумѣется, достаточным поводом для разрыва. К тому же, не разрывая с ним, не дѣлался ли я его сообщником? Но на разрыв я не шел из-за Марты. По истеченіи нѣкотораго времени выяснилось, что Ермолай непремѣнно хочет сына, и каждый мѣсяц надежды его были обмануты. Каждый мѣсяц мнѣ приходилось выслушивать его, просто неимовѣрныя, восклицанія, которыя сопровождали всѣ возможныя гипотезы касательно тайных и постыдных дѣйствій самой Марты. Года через два, или два с половиной, мы были — Марта, учитель исторіи Ермолай Шастору и я — неразрывным тріо, хотя и была между нами большая разница. Ермолай — худой, взъерошенный, с блестящими глазами, вѣчно в движеніи, с жилистыми руками, тонкими пальцами, длинной шеей; Марта, казавшаяся немного сонной (позже она мнѣ объяснила, что вялость была средством защиты от непрерывнаго нервнаго давленія, исходившаго от Ермолая) и я, скрытный, всегда самого себя пересили-

вающій и подавляющій. О себѣ знаю, что у меня странные глаза, что у меня странная улыбка, что у меня странная походка. Насчет этой походки мнѣ часто говорили, что я не иду, а точно скольжу! Но не описывать же мнѣ, во всѣх подробностях, мою внѣшность? И так, кажется, наговорил лишняго. Само собой понятно, что на наш счет шли разныя росказни, и мою роль всѣ полагали за особенно недостойную. Именно к этому времени относится то, что я называю "моим видѣніем". Ничего общаго с призраками, с блестящими во тьмѣ глазами, со страшными шопотами и прохожденіем сквозь стѣны у "видѣнія" этого не было. Странной встрѣчей это было, не больше! Характер видѣнія ей придал я, и задним числом! Все началось в полдень, в том самом кафе, гдѣ мы имѣли обыкновеніе пить аперитив, и кончилось в небольшом садикѣ, расположенном по ту сторону площади, у подножья старинной церкви. Ко мнѣ подошел очень безличнаго вида господин, скорѣй пожилой, лысый, круглолицый, неряшливо одѣтый, и спросил меня, я ли Леонард Аллот? Когда я отвѣтил, что да, я Леонард Аллот, он тоже назвался, прибавив: "сочинитель". Надо, конечно, принять во вниманіе, что он не сказал ни "писатель", ни "автор", а "сочинитель". К этому он присовокупил нѣсколько замѣчаній насчет трудности найти издателя и невозможности мало-мальски прилично зарабатывать пером. "Я рискую впасть в босячество, — пояснил он, — так приходится туго". — Потом он сказал, что можно сочинять и не трогая пера, не покупая бумаги, не написав ни единой строчки, и что так даже получается интереснѣй. Пока он это объяснял, я увидал в окно Марту и Ермолая, которые подходили к кафе каждый со своей стороны. Замѣтив, что я на них смотрю, сочинитель спросил: "Они вас знают?" — "Да". — "Меня они не знают, и так лучше. Но так как вы знакомы, предпочтительно, чтобы они нас вмѣстѣ не видѣли. Пойдемте в скверик". — Я согласился и, пересѣкши площадь, мы усѣлись на скамеечкѣ. — "Я живу в той же гостиницѣ, в которой живут Шастору, — сказал сочинитель, — и при этом в смежной с ними комнатѣ. В поисках впечатлѣній я рѣшил поинтересоваться их переживаніями и просверлил в стѣнѣ дыру. Не только я все слышу, но еще многое вижу. Мнѣ извѣстно, что Ермолай хочет имѣть сына и что его усилія, в этом смыслѣ, ни к какому результату не приводят". — "Мнѣ это тоже извѣстно". — "Знаю, знаю. Ермолай, в разговорах, не стѣсняется, и если он с легкостью говорит обо всем посторонним, то можете себѣ представить степень его несдержанности в разговорах с женой? Это почти цинизм". — "Могу себѣ это представить". — "Так вот: в одну из послѣдних ночей он довел ее своими упреками в бездѣтности до нервнаго припадка; не в первый раз уже, впрочем. Но было и новое. Марта ему сказала, что может повинна в бездѣтности не она, а он. Ермолай впал в бѣ-

шенство! Он стал кричать, что это вздор, что еще до свадьбы у него была любовница, которая забеременѣла, так что пришлось им даже обратиться к врачу-спеціалисту, чтобы предупредить рожденіе, так как от нея он дѣтей не хотѣл. И что он с ней порвал, чтобы жениться на Мартѣ". — "И что же сдѣлала Марта?" — "Марта стала рыдать и, кажется, лишилась чувств. В этом я, впрочем, не увѣрен, так как, из-за передвинутаго Ермолаем стула, мнѣ больше видно не было. Но я продолжал слышать, как он бормочет, дует, посвистывает. Потом он ушел, хлопнув дверью. Тогда-то вот я и узнал то, из-за чего обратился сегодня к вам". — "Что именно?" — "Оставшись одна, Марта сразу встала. Я вполнѣ допускаю мысль, что она в обморок и не падала, а только притворилась. Нѣсколько театрально она тогда произнесла, что если бы только могла предположить, что так все получится, то вышла бы замуж не за Ермолая Шастору, а за Леонарда Аллота. Таким образом, вы можете живым войти в сюжет, в живом принять участіе романѣ, стать сочинителем". — "То-есть как?" — "Нѣсколько варьянтов. Вы можете замѣнить Ермолая, и если у Марты родится ребенок, убѣдить ее выдать этого ребенка за ребенка Ермолая. Вы можете поспособствовать разводу. Вы можете, если родится ребенок, разсказать всю правду Ермолаю, что, на мой взгляд, было бы очень курьезным варьянтом. Мало ли еще что?.. Мало ли на что можете его подтолкнуть?.." — И так как я молчал, то он, с разстановкой, прибавил: "Сочинителям все позволено. Без этого они не могли бы сочинять". — Он распрощался и ушел. Глядя ему вслѣд я испытывал и отвращеніе, и страх. Больше всего в его обликѣ была отталкивающей неряшливость. На воротникѣ его лежала перхоть, волосы были давно нестриженными, башмаки — стоптаны и сквозь дыры носков виднѣлись грязныя пятки. Но главное это то, что всего нѣскольких минут разговора с ним было достаточно, чтобы я мог понять какая во мнѣ живет ненависть к Ермолаю! Кромѣ того я теперь точно знал, что раньше лишь подозрѣвал, именно, что, в свое время, Марта колебалась, может быть даже просто ждала, что я попрошу ея руки. Открылись мои глаза и на тайныя радости мести! Я был введен полноправным членом в мір сочинителей и понял, что романы можно "творить" без пера и бумаги, постиг, как искать и находить сюжеты, их видоизмѣнять, дополнять и совершенствовать в самой жизни. Так я сопричислился к сонму тѣх, кому позволено все! Мы, попрежнему, часто встрѣчались, вмѣстѣ завтракали, или вмѣстѣ обѣдали. Попрежнему Ермолай ходил в лицей и попрежнему всѣх осуждал, попрежнему связывавшее нас условное рвновѣсіе казалось достаточным и даже прочным. В дѣйствительности, с предосторожностями вора, или хирурга, я стал ухаживать за Мартой. Она откликнулась сразу и навстрѣчу мнѣ двинулась так умѣло, что я удивился. Потом.

— все в той же тайнѣ, — мы стали высчитывать, и скоро высчитали, что Марта беременна и беременна от меня..."

Хлынувшая в голову кровь затуманила мое зрѣніе, — на нѣсколько секунд я был погружен в тьму. Удар уничтожал мое единственное средство самозащиты: не смотрѣть туда, куда я себѣ смотрѣть запретил. В груди, там гдѣ сердце, мнѣ стало неимовѣрно больно! Но я не закричал, не вскочил, не побѣжал в комнату Аллота, не схватил его обѣими руками за горло, не раздавил его кадыка, не бил его живого ли, мертваго ли по лицу, по глазам! Развѣ в этом было дѣло? Кто придумал, что лучше знать правду? — спрашивал я себя. — Потом я ощутил тошноту и мнѣ хотѣлось умереть от отвращенія.

И у самаго послѣдняго, у крайняго, у необратимаго моего мученія, остался вопрос:

— А сама Мари, знала ли она, что она не падчерица, а дочь Аллота?

46.

Я подумал: не найдется ли отвѣт в непрочитанной мной еще части повѣствованія Леонарда Аллота об Ермолаѣ Шастору? Оставалось всего нѣсколько страниц. Я взял их, как берут тяжести.

"Родилась дочь. Мы ее назвали Мари-Анжель-Женевьева. Ермолай проявил такую же несдержанную радость, какими были его гнѣв и разочарованіе в дни безплодных ожиданій. Марта оказалась отличной матерью, и он ей, как мог, помогал. Свободные часы он проводил теперь дома. Нельзя, однако, сказать, что он был нѣжным, хорошим, любящим отцом. Он был "безумным" отцом! Слушая его неимовѣрныя высказыванія, я вопреки своему скептицизму себя спрашивал, не скрыта ли, в нас связывающем взаимном притяженіи, нѣкая темная сила? И припоминал "сочинителя", его слова о том, что "сочинителям" позволено все, и что, стало-быть, чѣм больше грѣха, тѣм лучше. Подавленный, почти истерзанный неистовствами Ермолая, его каким-то бѣшенством, почти больной от горя, я все чаще и чаще думал, что безоговорочное соблюденіе канонов порчи может дать успокоеніе".

— Что вы читаете? — спросила, входя, Зоя, и голос ея был глух. — Я боялась...

— Чего вы боялись?

— Что вы уйдете.

Приблизившись, она положила мнѣ на плечо обѣ руки и все таким же сдавленным голосом прибавила:

— Мнѣ страшно и я мучаюсь.

И так как я не отвѣтил, то она сказала:

— Мучаюсь и за вас, и за себя, и за Анжель. Мнѣ кажется, что станет еще хуже.

Какое слова имѣют значеніе? И что мог бы я сказать, даже если у них было бы значеніе? В коридорѣ раздались поспѣшные шаги.

— Мадам Аллот, — сказала сидѣлка, не входя, — вашему мужу опять хуже. Идите скорѣй!

Ничего не отвѣтив, опустив голову, Зоя вышла. Я слышал, что она обмѣнялась с сидѣлкой какими-то фразами, но не обратил на это ни малѣйшаго вниманія.

"Но думать так, это одно, — побѣжали строчки, — а узнать в чем именно заключаются каноны порчи — другое. Прошел год, вѣроятно, самый тяжкій год моей жизни. Моя угнетенность начинала пріобрѣтать патологическіе оттѣнки. Тогда представился случай. Я уже собирался бѣжать, скрыться, уѣхать куда попало, когда Ермолай попросил меня сопровождать его в экскурсіи на прославленный своей красотой остров. В морѣ предстояло провести всего одну ночь. Когда мы уходили, стояла отличная погода, внезапно испортившаяся с наступленіем темноты. На палубѣ была тьма, завывал вѣтер, все дрожало, волны если не захлестывали, то доходили до самаго борта. На верхушкѣ мачты сигнальный огонь просто таки метался из стороны в сторону. Моря видно не было и в небѣ, внезапно задернувшемся тучами, нельзя было разыскать ни одной звѣзды. Я пробрался к кормѣ. В сущности, я знал, что Ермолай должен быть там, но о встрѣчѣ мы не уславливались. "Я смотрю в ночь, — сказал он, — и нахожу, что в бурю она очень привлекательна. Да и возможно это только потому, что я не знаю, что такое морская болѣзнь. Хорошо, что и Марта ею не страдает. Но Анжель? Как это может дѣйствовать на ребенка? Я поговорил с доктором до отъѣзда, но наш доктор совершенный дурак. Он только умѣет выписывать рецепты и получать гонорар, больше он ни на что не способен. Что до меня..." — и Ермолай пустился в разсужденія насчет медицинских обычаев, регламентирующих эти обычаи постановленій, как всегда все осуждая и все больше и больше раздражаясь. Вѣтер, между тѣм, крѣпчал, невидимыя волны шумѣли, все сильнѣй и страшнѣй били о борта парохода. — "Чѣм других-то бранить, ты бы лучше о самом себѣ подумал", — прокричал я. — "Что? Что тебя сегодня разбирает? Что я о себѣ должен думать?" — "Напримѣр, что ты отец, и что это налагает на тебя отвѣтственность". Я дѣлал большую ставку, я шел вабанк! Я даже обернулся, чтобы посмотрѣть, не стоит ли за мной "сочинитель". Его не было. — "Отец, отец! Кто бы говорил, а кто бы молчал, — крикнул Ермолай, — у тебя не только ребенка, у тебя и жены нѣт!" — "Ты так думаешь? Так разрѣши доложить, что ты ошибаешься". — "Что? Ты женат? Ты, мой единственный друг, от меня это скрыл, от меня, твоего единственнаго друга? Может быть еще скрыл, что у тебя есть сын? Дочь? Надо думать, что я ошибся, что ты не дороже других стоишь!" — "Я такой же как всѣ". — "Как всѣ! Как всѣ!" —

"Замолчи, Ермолай. С меня достаточно того, что ты всюду только пакости и пакостников видишь, всѣх подозрѣваешь во всем самом плохом, даже тѣх, кто тебѣ оказывает услуги". — "Это ты-то мнѣ оказываешь услуги? А?" — "Да". — "Хотѣл бы знать какія? Уж не считаешь ли ты за услугу, что признался мнѣ в том, что у тебя есть дѣти? А? Хотѣл бы на них посмотрѣть". — Из-за вѣтра мы оба кричали. Пароход раскачивало все больше и больше, волны ревѣли. Вдобавок пошел дождь. — "Настоящій ад, — надрывался Ермолай, — как раз для лгунов подходящая обстановка!" — "Я не лгу. Мари-Анжель-Женевьева не твоя дочь. Моя". — "Что? Что ты еще городишь? Хочешь, чтобы я тебя за борт швырнул? И мало этого еще было бы, знаешь ли! За такое вранье!" — "Я не вру!" — "Ты врешь! Ты врешь даже когда говоришь, что не врешь!" — "Я не вру!" — "Ты врешь, ты врешь, ты врешь, ты врешь, мерзавец!.." — "Я не вру. Сколько лѣт ты старался? Напрасно? Я тебѣ помог по просьбѣ самой Марты. Анжель моя дочь. Не твоя". — "Врешь, врешь, врешь, врешь!.." — кричал он точно у него никакого другого слова в запасѣ не было. Он старался меня схватить, но я увиливал. Дождь лил, как из ведра. — "Я не вру, я не вру, — кричал я, — пойдем спросим у Марты, сейчас пойдем. И послушаешь! И посмотришь, на кого она похожа, на тебя или на меня. До сих пор ты ничего не замѣтил. Теперь замѣтишь". — "Посмотрим, послушаем!" — Он был точно безумный. Хватаясь за что попало, падая и вставая мы направились к каютѣ. Меня охватила тревога, я стал было его удерживать, но он меня с силой отпихивал. В сущности мы почти дрались. Перед самой каютой он уперся в стѣну и словно вытянулся. Потом открыл дверь. Я хотѣл за ним послѣдовать, но он меня оттолкнул. Если мы все-таки оказались в каютѣ одновременно, то это из-за внезапнаго скачка парохода. Марта лежала. Тошнота, с которой она вначалѣ справлялась, ее одолѣла: качка была слишком сильной. Голова Марты была закинута и щеки почти бѣлыми. Мари плакала и вся была перепачкана в рвотѣ. Сама обезсиленная Марта не могла ее вытирать. — "Марта! — крикнул Ермолай, — это правда, что он говорит?" — Марта даже глаз не открыла. Да и не знала она, чего он хочет! Я же взял Мари на руки и прижал к груди. Дѣвочка обняла меня обѣими ручками за шею и смотрѣла на Ермолая. Почувствовав, вѣроятно, ея взгляд, он обернулся. Было ли такое освѣщеніе, или вызванная морской болѣзнью блѣдность подчеркнула то, что в обычных обстоятельствах было не так замѣтно, но сходство Мари со мной так и бросалось в глаза: как раз я был против стѣнного зеркала и в отраженіи даже меня самого это сходство поразило. Когда же оно попало в поле зрѣнія Ермолая, то точно ток какой-то электрическій по нам прошел. И все качалось, все дрожало, — так трудно было сохранять равновѣсіе!

Ермолай взглянул еще раз на молчавшую жену. Губы его дрогнули. Повернувшись, опираясь о стѣну, он вышел. Я же, сказав себѣ, что самое трудное теперь позади, остался. Продолженіе объясненія я откладывал на завтра; я говорил себѣ, что когда пароход причалит, мы, на берегу, разойдемся, каждый в свою сторону. И дальше будет видно. Я обтирал дѣвочку и что-то успокоительное говорил Мартѣ. Погода не унималась, — даже, кажется, становилась хуже. Пароход то ложился на бок, то взвивался на дыбы...".

На этом повѣствованіе Аллота обрывалось, — дальше были отдѣльныя, связанныя между собой только внутренним смыслом, фразы. Сказав нѣсколько слов о прибытіи на другое утро парохода в порт назначенія, Аллот наскоро перечислял всѣ обстоятельства, сопровождавшія этот приход. Ермолая Шастору среди пассажиров не оказалось. Заключить из этого разсказа, что Ермолай бросился в море, было нельзя. Но увѣренности в том, что он упал в море случайно, или что его смыло волной, — тоже не было. Не было указаній и на то, как перенесла извѣстіе об исчезновеніи мужа Марта. От Мари я знал, что через год она вышла за Аллота. Сам Аллот мнѣ сказал, что через шесть-семь лѣт послѣ свадьбы овдовѣл. Умереть Марта могла так и не зная, покончил с собой Ермолай, или погиб случайно? Но Мари, когда говорила про смерть своего "отца", в самоубійствѣ не сомнѣвалась, и мнѣніе это ей было без сомнѣнія внушено Аллотом. Урок "сочинителя" в скверѣ не пропадал даром, внушая дѣвочкѣ, что она дочь самоубійцы, Аллот сам становился "сочинителем".

47.

Были в этой папкѣ и еще отрывки и замѣтки. Я их наскоро пробѣжал. Не могу сказать, чтобы эти планы разсказов, наброски и, в особенности, характеристики предположенных дѣйствующих лиц оставили меня безразличным. На всем стояла печать автора. Но тогда я это только почувствовал и полностью оцѣнил гораздо позже, когда, — уже начав писать сам, — все с вниманіем перечел. Ожидая Зои, я связал папки в пакет и задумался, глубоко, над неустранимой — казалось мнѣ — зависимостью: "сочинитель" в скверѣ, Аллот, Мари и я! Доведя за руку до извѣстной точки, Аллот уступал мнѣ что-то вродѣ права.

По всей вѣроятности, Зоя была в его комнатѣ, и, — тоже по всей вѣроятности, — я мог бы прокрасться по коридору и выскользнуть. Но я натыкался на внутреннія сомнѣнія: вѣдь я уже ушел от Мари и потом от Заза; Денис Далле покинул Анну; наконец, Ермолай Шастору тоже ушел, совсѣм, навсегда. Пока я колебался, из коридора донеслись шумы, голоса, хлопанье дверей. Потом снова наступила тишина. Теперь я медлил умышленно. Теперь я навѣрно знал, что не уйду, не дождавшись какого-то, внезапно возникшаго в самом, казалось,

воздухѣ, еще не оформившагося, но очевидно неизбѣжнаго указанія.

Раздались шаги, дверь распахнулась и в рамкѣ ея появилась Зоя. Не войдя в комнату, даже не выпуская дверной ручки, она немного, показалось мнѣ, удивилась увидав меня стоящим с пакетом папок под мышкой.

— Идемте, — сказала она.

Я послушно за ней послѣдовал по коридору. Когда она открыла дверь в комнату Аллота, то меня, как и в первый раз, поразила бѣлизна стѣны против окна. Сильно пахло эфиром. Бѣлый халат, стоявшей у кровати Аллота сестры, вносил больничный характер. Аллот лежал на спинѣ со скрещенными на животѣ руками. Под подбородком его был скатанный в шар платок. Но глаза были открыты и, хоть и погасшіе, сохраняли еще присущее им удивительное выраженіе. Зоя сдѣлала рукой какой-то неопредѣленный знак, который мог быть и приглашеніем приблизиться, и приглашеніем остаться на мѣстѣ. Я подошел. Зоя посмотрѣла на меня в упор, и, закрыв тонкими своими пальцами глаза мертвеца, положила на каждый из них по большой серебряной монетѣ. Заранѣе обдуманное намѣреніе ея не подлежало, как будто, сомнѣнію, и я вынужден был допустить, что путем такой почти церемоніи, она хотѣла дать мнѣ понять, что беззрачковый взгляд больше на нас, — ни на меня, ни на нее, — не давит, что мы свободны.

Я могу, конечно, ошибаться. Но если дѣйствительно Зоя готовилась к такому заключенію, то ея разочарованіе должно было лишь усилиться. Я был поражен. Я всегда обращал исключительное вниманіе на взгляд Аллота, на его "беззрачковость". Теперь я, впервые, замѣтил, что у него были такія же рѣсницы, как у Мари. Не сказав ни слова, я повернулся и направился к двери.

— Вы уходите? — спросила Зоя, дрогнувшим голосом.

Я молча достал из кармана ключ от ея квартиры и положил его на стол. На площадкѣ, прикрывая за собой дверь, я почувствовал, что мнѣ очень жарко.

48.

На улицѣ все сверкало: стекла витрин, лакированные кузова автомобилей, афиши, цвѣты; и все было в движеніи. Я подумал, — довольно вскользь, — о том, что между присутствіем Зои у смертнаго одра Аллота и Мари у постели умиравшаго хозяина шоколадной фабрики, может была нѣкоторая аналогія. Но если судьба Мари оказалась тѣсно связанной с моей, и если связи этой я, несмотря на мои усилія, оборвать не мог, — то судьба Зои, и то, что она может стать злой, жестокой, мстительной, и кончить жизнь так же, как ее кончила ея мать, мнѣ было безразлично. Не касалось это меня...

Я подозвал такси.

Пробираться через автомобильную толпу оно могло только медленно, а на перекресткахъ, у красных сигналов, нам приходилось, иной раз, довольно долго ждать. Но по мѣрѣ приближенія к нарядному кварталу, в котором была расположена моя квартира, скорость возрастала. Мысленно я сравнил это приближеніе к цѣли с приближеніем к цѣли Дениса Далле. Только тот направлялся в квартал, заселенный служащими и рабочими, гдѣ, за время его отсутствія, были введены разныя новшества и усовершенствованія. Широкія авеню, по которым я теперь ѣхал, оставались тѣми же, какими были, когда я покинул столицу. Да отсутствіе мое не продлилось и года, в то время как Денис странствовал по міру: 10? 15? 20 лѣт? Аллот не знал.

Я попросил шофера остановиться у моего дома, но с другой стороны улицы. Опустив стекло, я стал смотрѣть на окна моей квартиры, полуприкрытыя цвѣтными ставнями. Окно моего рабочаго кабинета было распахнуто, и я мог видѣть тюлевую занавѣску, которая слегка колыхалась от теплаго вѣтерка. Я, настороженно, ждал какого-нибудь проявленія жизни, но ничего замѣтить не мог. Так продолжалось около получаса, и я спрашивал себя, чего же я жду, почему не иду по пути, намѣченному Аллотом, по тому самому, по которому пошел Денис Далле? Что мѣшает мнѣ проникнуть в мою квартиру, подвести окончательный итог, все себѣ, другим, всѣм открыть? Страх? Подлость? Преимущества молчанія? Внезапно, совсѣм поблизости, раздались звонкіе дѣтскіе голоса, которых не узнать я не мог: это щебетали и смѣялись мои дѣвочки. И к ним присоединился голос нерс, той самой, которую мы наняли послѣ рожденія Мари-Женевьевы, и которой всегда были так довольны. Надвинув шляпу, подняв воротник, прикрыв половину лица рукой, как то дѣлают грабители и воры, я выглянул в окно автомобиля. Нерс собиралась переводить дѣтей через улицу. Одной рукой она держала ручку Мари-Женевьев, другой Доротеи. И всѣ трое казались чѣм-то очень заинтересованными. Всѣ трое смѣялись.

— Какіе хорошенькіе! — воскликнула нерс.

Обернувшись, я увидал игравших на тротуарѣ котят. Но умилиться я не смог. Прямо на меня были направлены глаза Доротеи. Два пристальных, немигающих, беззрачковых глаза!

Конечно, теперь я знал. Конечно, теперь неожиданнаго в этом ничего быть не могло. Все же новое доказательство и, присоединенное к нему, неотвратимое сознаніе моего соучастія, освѣтили все, что мог охватить мой мысленный взор, странно-ярким свѣтом. Узнала меня Доротея, или не узнала — я не понял. Но не могу не прибавить, что личико ея, в противуположность личику Мари-Женевьевы, было серьезным, было напряженным, может быть было почти испуганным. Да и было бы оно не почти, а совсѣм испуганным, если бы у углов рта не дрожали двѣ складочки, два завитка, два повторенія слишком хорошо мнѣ знакомой улыбки...

Нерс начала переходить авеню, в серединѣ котораго онѣ, всѣ трое, бросились бѣжать, весело вскрикивая и смѣясь.

— Вам еще надолго? — спросил шофер.

Я обѣщал дать большія чаевыя и продолжал смотрѣть на окна. Из одного из них протянулась рука и по синему рукаву и бѣлой манжеткѣ я узнал, что это рука нерс. Всѣ, стало-быть. были уже дома и, вѣроятно, скоро дѣвочкам должны были дать какао. В былыя времена онѣ пили его в дѣтской, так что если бы я поднялся, то Мари могла оказаться одна, по крайней мѣрѣ я мог вызвать ее из дѣтской и остаться с ней с глазу на глаз, так как дѣвочек, — которых всегда кормила нерс, — она, конечно, до меня не допустила бы.

— Подождите еще, — сказал я шоферу.

Я поднялся по лѣстницѣ. Ни одна ступенька не скрипнула. Не могла ни одна скрипнуть, — лѣстница, в моем домѣ, была не деревянной, а мраморной, устланной дорожкой!

Перед дверью я стал колебаться: позвонить или не позвонить? Ключ, — так же как утром ключ от квартиры Зои, — был у меня в карманѣ, и уж конечно он скользнул бы в скважину, как одухотворенный предмет, как сообщник!

Я не открыл двери.

Зачѣм мнѣ было ее открывать? Чтобы услыхать из уст Мари, что она *не знала?* И, в этом случаѣ, открыть ей глаза на правду? Услыхать, что она знала? И тогда что? Найти в этом удовлетвореніе? Найти удовлетвореніе в том, что из-за меня мука ея станет еще худшей?

Я представил себѣ так хорошо мнѣ знакомую переднюю, и в ней, навсегда погибшія, охапки минут, теперь мертвых минут, в сущности мертворожденных минут! Постояв, в неподвижности, еще немного, я повернулся и пошел вниз. И тогда-то вот мной овладѣло желаніе, непремѣнно, подробно, как можно болѣе точно все описать. Не условную описать реальность, а настоящую, ту, которая в глубинѣ, которой мы повинуемся.

49.

Начинавшій становиться оранжевым солнечный свѣт, удлиняющіяся тѣни, нагрѣтый воздух, уличные шумы приняли меня как полноправную составную часть городского обихода. Я занял мѣсто в такси. Шофер обернулся с вопросительным выраженіем. Какой назвать адрес? Какое выбрать направленіе?

Я подсчитал мысленно, сколько у меня могло оставаться денег и заключил, что при очень скромном образѣ жизни их может хватить на год, на полтора... И так как мнѣ было отвратительно от мысли, что надо произнести хоть одно слово, — я написал на клочкѣ бумажки: "Южный вокзал" и сунул его шоферу. С первым же поѣздом я выѣхал в приморское мое владѣніе. Конечно оно могло быть проданым, и там мог кто-нибудь жить. Но какое это имѣло значеніе? Если, на мѣстѣ, я увижу. — подумал я, — что поселиться, даже временно, невозможно,

то на мѣстѣ же и приму какое-нибудь новое рѣшеніе. Я не для того хотѣл туда направиться, чтобы вернуться, а потому, что так было всего проще.

"Там, — говорил я себѣ, — на выступѣ скалы, у моря, я проведу тѣ нѣсколько мѣсяцев, которые мнѣ нужны, чтобы обдумать и написать. А потом будь что будет".

Анжель? Дѣвочки? Да, Анжель, да, дѣвочки. Онѣ теперь становились дѣйствующими лицами романа, который я готовился писать! А я становился "сочинителем", и онѣ мнѣ принадлежали: — что хочу, то с ними и сдѣлаю. Я — а не Аллот! И уже, без всяких усилій, сами по себѣ, приходили мнѣ на ум первыя фразы: "Я был счастлив и стал несчастным, я был богатым и стал бѣдным, у меня была семья и теперь я одинок. Но быть несчастным лучше, чѣм быть счастливым, доля бѣдняка завиднѣй доли богача, а одиночество это высшая свобода. К тому же все сложилось так просто, так естественно...".

Главное было начать. И для того, чтобы, раз начав, кончить, мнѣ было нужно немного времени, немного мѣста, и много тишины, много молчанія и много вниманія.

Поѣзд мчался, поѣзд точно спѣшил, поѣзд точно боялся опоздать... Но когда я смотрѣл на поблескивавшіе по обѣ стороны пути в деревнях огоньки и на звѣзды в небѣ — мнѣ хотѣлось чтобы он мчался еще скорѣй.

На утро я оказался в знакомом мнѣ небольшом городкѣ. Наведя справки, я узнал, что мое владѣніе не продано, что оно в запустѣніи, что оно "брошено"! Лучше быть не могло!

Я купил велосипед, сдѣлал большіе запасы бумаги, консервов, сухарей, печенія, сахара, чая, спичек, — всего, вообще, что нужно для того чтобы жить одному и писать. Ѣхать на велосипедѣ было трудно. И жарко было очень, и к велосипеду у меня ни малѣйшей привычки не было. К тому же я нагрузил его свыше всякой мѣры, так что иной раз приходилось итти и его подталкивать: в гору, или когда дорога становилась слишком плохой. Зато кругом были тишина и молчаніе.

Когда же, наконец, я оказался на площадкѣ, гдѣ продолжали стоять обгорѣвшія стѣны дома, гдѣ во флигелѣ, за давно не раскрывавшимися ставнями, было сыро и пусто, гдѣ пауки свили много паутины, гдѣ под стѣнами, под окнами, на порогах разрослась сѣрая, колючая трава, — то мнѣ показалось, что я как раз нашел то, чего искал. Но это было ошибкой: флигель был слишком велик. И, главное, я обнаружил перед ним тропинку. Повидимому уединенное это мѣсто совсѣм уединенным, все же, не было, кто-то тут, время от времени, проходил. Мнѣ же надо было остаться с глазу на глаз с самим собой. Я хотѣл, чтобы никакой до меня не доносился голос, чтобы никому и никак мнѣ не нужно было не только отвѣтить на вопрос, или на поклон, но даже улыбнуться. Так что я покинул флигель, спустился под обрыв и, пихая нагруженный велосипед, по заросшему, одичавшему винограднику, по песку, по щебню, добрался до старой часовни. Дверь была на засовѣ,

ставни закрыты, все кругом — совершенно запущено, заброшено. На землѣ лежало нѣсколько разбитых черепиц, — вѣроятно, их сорвал вѣтер.

Ни малѣйших нигдѣ признаков человѣческаго присутствія, хотя бы случайнаго! Отодвинув засов, я толкнул дверь, прошел до окна и распахнул ставню. Жалкая обстановка была на мѣстѣ, воздух был еще болѣе сырым и затхлым, чѣм во флигелѣ, паутины, со всѣх сторон, было еще больше. Зеленая ящеричка быстро скользнула в щель между камнями стѣны. В общем я был в почти развалинѣ. Но не этого ли я искал?

Я слегка убрал, поправил, как смог, кровать, устроил у окна стол, разложил по полкам привезенные запасы. Забравшись на крышу, я прикрѣпил сдвинутыя вѣтром черепицы. Потом, собрав кое-какого хвороста, развел в каминѣ легкій огонь, чтобы просушить. Провѣрил, можно ли таскать из колодца воду: ведро, хоть и заржавленное, висѣло на, тоже заржавленной, цѣпи, но вода была холодной и чистой. Недалекій пляж точно меня ждал. Солнце стояло высоко, небо было синим. И, как то было в первые мои два пріѣзда, свѣтовые года, неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда, проносились в неимовѣрном пространствѣ.

Позади часовни был обрыв. Он состоял наполовину из известняка, наполовину из щебня и глины, наверху его виднѣлась сѣроватая трава и низкорослые кустики. Я поискал глазами каких-нибудь уступов, по которым можно было бы добраться до верха, но ничего не было. Море с одной стороны, обрыв с другой и направо и налѣво песок, казалось, прочно ограждали меня от всяких вторженій.

Вернувшись в часовню я погрузился в мысли. За продолжительным закатом солнца послѣдовала темная ночь и небо так разукрасилось звѣздами, что было удивительно, как может их там столько помѣститься. Из кустов, росших в разсѣлинах обрыва, донеслись тихіе крики ночных птиц. Когда, чтобы раздѣться, я зажег свѣчу, не закрыв, по неопытности, ставни, в комнату влетѣло много ночных бабочек. Я потушил. По своду, по углам, по полу сначала метнулись, потом, насторожившись, застыли тѣни. Мѣрно и негромко шумѣло недалекое море.

Конец.

Lourmarin 1958

ACHEVÉ D'IMPRIMER SUR LES PRESSES DE
L'IMPRIMERIE BERESNIAK
18-20, FAUBOURG-DU-TEMPLE, PARIS XIe
LE 1er SEPTEMBRE 1964 - N° D'ÉDIT. 32.234